

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

15 2025
ЧАСТЬ IV

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 15 (566) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен Пол Анастас (1962), американский ученый, изобретатель, писатель, предприниматель, профессор и государственный деятель.

Пол Анастас родился в Куинси, штат Массачусетс, США.

Он заинтересовался проблемами окружающей среды после того, как на его глазах водно-болотные угодья позади дома, где он вырос, были уничтожены бульдозерами для дальнейшей стройки. Когда ему было девять лет, за свое эссе об основании Агентства по охране окружающей среды США он получил премию от президента Ричарда Никсона «За выдающиеся достижения в области охраны окружающей среды». Будучи подростком, в Куинси Анастас познакомился и подружился с «зеленым» химиком Джоном Уорнером. В дальнейшем они стали соавторами нескольких научных статей и книг, включая «Двенадцать принципов зеленой химии».

После получения докторской степени в университете Брандейса Анастас поступил на работу в Агентство по охране окружающей среды в качестве штатного химика, а в 1989 году был назначен главой отдела промышленной химии Управления по профилактике, пестицидам и токсичным веществам. Именно в те первые годы работы в Агентстве по охране окружающей среды Анастас придумал термин «зеленая химия».

В 2007 году Пол Анастас стал доцентом кафедры химии в Йельском университете, где основал Центр зеленой химии и зеленой инженерии. На момент основания группа Анастаса была небольшой и состояла всего из трех постдоков и самого Анастаса. Первоначальной задачей лабораторий Центра было оптимизировать процессы синтеза сначала для натуральных продуктов, таких как эрльнафталеновые лактоны и пищевые добавки, а затем перейти к биотопливу и серфактанам. Помимо новых методов химического синтеза, Анастас также интересовался разработкой химических веществ и полимеров на биологической основе, которые были бы менее вредны для окружающей среды.

Анастас опубликовал десять книг, в том числе «Благотворное воздействие по замыслу», «Разработка более безопасных полимеров» и «Зеленая инженерия». Он также является соавтором руководства для «зеленых» химиков «Зеленая химия: теория и практика».

Анастас считает, что отходы, попадающие в окружающую среду, представляют опасность как для производителей, так и для потребителей. Поэтому он стремится усовершенствовать безвредные химические процессы и продукты на молекулярном уровне, тем самым устраняя потенциальные отходы еще до их появления. Такие изменения могут повысить эффективность промышленных процессов, а также сделать окружающую среду более безопасной, повысить безопасность работников и сократить расходы, связанные с утилизацией отходов, судебными разбирательствами и регулирующим контролем.

Надеясь донести свое видение до других, в 1996 году Анастас убедил EPA спонсировать президентскую премию Green Chemistry Challenge Awards, единственную награду президент-

ского уровня в области химических наук. Благодаря тому, что правительство может как поощрять, так и наказывать, престиж премии побудил сотни компаний, в том числе Dow Agrosiences, Bayer Corporation и Pfizer, Inc., принять двенадцать принципов «зеленой» химии. Например, компания Pfizer теперь использует «зеленые» химические синтезы для производства двух своих ведущих продуктов — «Золофта» и «Виагры». С другой стороны, компания NatureWorks PLA создала первый пластик, полностью изготовленный из ежегодно возобновляемых ресурсов, таких как кукуруза. С 1996 года премия Challenge Awards присуждается за технологии, которые позволили отказаться от миллионов фунтов опасных химических веществ и растворителей, сэкономить миллионы галлонов воды и сократить выбросы углекислого газа на миллионы фунтов.

Помимо влияния на промышленную практику, Анастас также оказал большое влияние на академические исследования. Чтобы помочь финансировать исследования в области «зеленой» химии, он наладил постоянное сотрудничество в области исследований и разработок между Агентством по охране окружающей среды и Национальным научным фондом. В результате программа «Технологии для устойчивой окружающей среды» продолжает финансировать исследования на десятки миллионов долларов.

В 1997 году Анастас также способствовал созданию Института «зеленой» химии (GCI) — организации, которая позже объединилась с Американским химическим обществом (ACS) для развития сотрудничества между промышленностью, научными кругами и правительством. ACS, которое всегда уделяло особое внимание очистке окружающей среды, начало больше работать над предотвращением загрязнений. Сейчас у института 25 международных отделений, и Анастас сыграл важную роль в его глобализации.

В 2008 году ICIS включила профессора Анастаса в список 40 ведущих специалистов химической промышленности за его вклад в развитие «зеленой» химии. Сегодня на домашней странице факультета химии Йельского университета перечислено более 16 наград, и это только за 2008 год.

Пожалуй, самое показательное прозвище, которое дал Анастасу научный мир, — «отец зеленой химии». В 2009 году президент Обама назначил Анастаса главой управления исследований и разработок Агентства по охране окружающей среды США, а в 2010 году сенат США утвердил назначение Анастаса новым помощником администратора по исследованиям и разработкам Агентства по охране окружающей среды (EPA).

В настоящее время Анастас находится в академическом отпуске в Йельском университете, но Бич и другие профессора Йельского центра «зеленой» химии и «зеленой» инженерии продолжают его исследования.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Абрамкина А. Ю.

Актуальные проблемы условно-досрочного освобождения 207

Аникин А. А.

Проблемы судопроизводства по уголовным делам о совершении преступления, предусмотренного статьей 264 УК РФ 208

Атрушкевич Е. Д.

Соотношение частного и публичного права ... 210

Валеева И. Р.

Оценка доказательств в уголовном праве 212

Гамидова С. М.

Направления повышения эффективности практического использования криминалистической характеристики преступлений коррупционной направленности при расследовании преступлений данного вида 215

Гедиев М. К.

Цели применения иных форм реализации уголовной ответственности к лицам, злоупотребляющим психоактивными веществами 216

Головко Е. Е.

К вопросу о принципе прозрачности искусственного интеллекта в контексте феномена «черного ящика» 219

Горшкова В. Е.

Виды мошенничества в сфере компьютерной информации и меры профилактики 221

Двизова Л. С., Недомец Д. Е.

Аудиопротоколирование в гражданском процессе 223

Двизова Л. С., Недомец Д. Е.

Проблематика в определении субъекта присвоения и растраты 225

Двизова Л. С., Недомец Д. Е.

Особенности рассмотрения споров о восстановлении на работе лица, уволенного по инициативе работодателя за совершение дисциплинарного проступка 227

Долгова Ю. А.

История развития трасологии 229

Долматов И. А., Безлепкин Е. А., Котов И. В.

Особенности конституционно-правового статуса республики как субъекта Российской Федерации 231

Дунямалиева Л. Я.

Совершенствование таможенного контроля после выпуска товаров 233

Исмагилова К. Р.

Презумпция невиновности и меры пресечения: баланс между эффективностью правосудия и правами личности 235

Кашмина В. Д., Суюндукова А. А.

Проблемные вопросы процессуального статуса частного обвинителя 237

Клюшницын Д. С.

Совершенствование механизма правового регулирования порядка выкупа или аренды чужих земельных участков, находящихся в частной собственности, собственниками расположенных на них зданий и сооружений 239

Колесников Н. А., Мамедов Р. Ф.

Уголовная ответственность несовершеннолетних: проблемы и перспективы совершенствования законодательства 249

Колесникова Е. В., Баруткина В. В.

Кибербуллинг как новая форма воздействия на несовершеннолетних 251

Коржова С. Р.

Законодательная база, применяемая для предотвращения недобросовестной конкуренции 253

Костерева Ю. Е.

Проблемы и совершенствование
дисциплинарной и административной
ответственности государственных
служащих..... 257

Костерева Ю. Е.

Административная ответственность
государственных служащих 259

Кретов В. С.

Заключение договоров с помощью
мессенджеров: особенности и проблемы 261

Мамедов Р. Ф., Колесников Н. А.

Понятие и признаки права 264

Муравьёв И. А.

Административная ответственность
за нарушение налогового законодательства... 266

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Актуальные проблемы условно-досрочного освобождения

Абрамкина Анна Юрьевна, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

Анализируя институт условно-досрочного освобождения от наказания, можно отметить, что его содержание включает два ключевых элемента: «условно» и «досрочно», которые следует рассматривать совместно. Термин «условно» подразумевает, что освобождение от наказания происходит при выполнении определенных условий, таких как отбытие части наказания и наличие факторов, свидетельствующих об исправлении осужденного. В свою очередь, «досрочно» означает освобождение до истечения того срока, который был установлен в приговоре суда для полного отбывания наказания.

Закон связывает возможность применения условно-досрочного освобождения с наличием ряда обстоятельств, которые рассматриваются как основания для такого решения. Наличие этих условий позволяет суду объективно принять решение о возможности применения УДО для осужденных, имеющих право на это по закону.

Основания для условно-досрочного освобождения от наказания, согласно статье 79 УК РФ, включают:

- Материальное основание — осужденный достиг определенной степени исправления;

- Формальное основание — осужденный отбыл требуемую часть срока наказания.

Для того чтобы быть условно-досрочно освобожденным, осужденный должен отбыть определенную часть срока, даже если его характеристика положительная. Эти сроки установлены в части 3 статьи 79 УК РФ:

- не менее 1/3 срока наказания за преступления небольшой или средней тяжести;

- не менее 1/2 срока наказания за тяжкие преступления;

- не менее 2/3 срока наказания за особо тяжкие преступления, а также за повторное условно-досрочное освобождение, если оно было отменено по основаниям, указанным в части 7 статьи 79 УК РФ;

- не менее 3/4 срока наказания за преступления, связанные с нарушением половой неприкосновенности несовершеннолетних, а также за преступления, связанные с наркотиками и терроризмом, согласно статьям 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 210 и 361 УК РФ;

- не менее 4/5 срока наказания за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 14 лет.

Также осужденный обязан отбыть минимум шесть месяцев лишения свободы. Для осужденных к пожизненному лишению свободы условно-досрочное освобождение возможно при отбытии не менее 25 лет наказания, а также при признании суда, что осужденный больше не нуждается в отбывании наказания.

В случае, если осужденный признан виновным по нескольким статьям с разными сроками наказания, то для определения срока, после которого возможно условно-досрочное освобождение, принимается общий срок наказания. Этот срок исчисляется в соответствии с положениями статьи 69 (ст. 70) УК РФ. Например, если одно преступление требует отбытия 2/3 срока, а другие — 1/3 или 1/2, то условно-досрочное освобождение возможно только по истечении 2/3 общего срока наказания.

Согласно УИК РФ, осужденный к пожизненному лишению свободы может быть условно-досрочно освобожден, если суд признал, что он больше не нуждается в отбывании наказания, и если он отбывает не менее 25 лет. Однако УДО возможно только при условии, что за последние три года осужденный не нарушал установленного порядка отбывания наказания. Если в этот период осужденный совершает новое тяжкое или особо тяжкое преступление, условно-досрочное освобождение ему не предоставляется.

Условно-досрочное освобождение является важным элементом уголовной системы, и одним из ключевых аспектов этого процесса является право суда, предусмотренное частью 2 статьи 79 УК РФ, возложить на осужденного определенные обязательства, которые он должен исполнять в период оставшейся части наказания. При этом суд обязан учитывать личные характеристики осужденного и характер совершенного им преступления.

На условно-досрочно освобожденного могут быть возложены следующие обязанности:

- не менять постоянное место жительства, работы или учебы без уведомления специализированного госу-

дарственного органа, осуществляющего надзор за исправлением осужденного;

— не посещать определенные места, такие как рестораны, бары, игорные заведения и другие аналогичные заведения;

— пройти курс обязательного лечения от алкоголизма, токсикомании или венерических заболеваний.

Суд может также наложить другие обязанности, направленные на содействие исправлению освобожденного, например, обязанность оказывать материальную поддержку своей семье.

Если условно-досрочно освобожденный изменяет место жительства, работы или учебы, он обязан заранее уведомить об этом уполномоченный орган в письменной форме. В случае нахождения в запрещенном месте, с него могут быть взяты объяснения и показания свидетелей. Лечение от алкоголизма, наркомании или токсикомании проводится в специализированных медицинских учреждениях, а результат подтверждается справкой, высылаемой в орган, осуществляющий контроль за поведением освобожденного.

Оказание материальной поддержки семье также контролируется с помощью опросов родственников, соседей и других лиц, которые могут оценить финансовое положение семьи осужденного.

Кроме того, суд может наложить на условно-досрочно освобожденного другие ограничения в соответствии с частью 5 статьи 73 УК РФ, такие как ограничение выезда за пределы места жительства или требование прекратить общение с лицами, ведущими антиобщественный образ жизни.

В течение испытательного срока суд вправе изменить или дополнить ранее установленные для осужденного

обязательства, основываясь на представлениях органов, осуществляющих надзор. Несмотря на то, что статья 79 УК прямо не указывает на такую возможность, отсылка к части 7 статьи 73 УК позволяет сделать вывод о применении этих правил и к условно-досрочно освобожденным. После освобождения осужденного контролирующие органы должны следить за поведением условно-досрочно освобожденных, однако в настоящее время такие органы не определены, что является пробелом в законодательстве. Проектами закона предполагается, что этими органами станут уголовно-исполнительные инспекции. На данный момент надзор за соблюдением ограничений осуществляется милицией, которая наделена необходимыми правами. Однако такие общие указания недостаточны для эффективного контроля, а более детальная регламентация отсутствует. В случае военнослужащих контроль за условно-досрочно освобожденными осуществляет командование воинских частей.

Законодательство не устанавливает ограничений на применение условно-досрочного освобождения от отбывания наказания. Основанием для досрочного освобождения является отбытие осужденным определенной части наказания. Однако, поскольку эти условия зависят от личных характеристик осужденного и тяжести совершенного им преступления, они также связаны с его исправлением.

Таким образом, можно сделать вывод, что основания для применения условно-досрочного освобождения определяются в уголовном законодательстве и должны учитывать как характеристики осужденного, так и особенности совершенного преступления.

Проблемы судопроизводства по уголовным делам о совершении преступления, предусмотренного статьей 264 УК РФ

Аникин Александр Александрович, студент магистратуры

Научный руководитель: Суханов Александр Вячеславович, кандидат юридических наук, доцент
Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета в г. Шахты

В статье автор рассматривает проблемы судопроизводства по уголовным делам о совершении преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ. Основное внимание уделяется трудностям, которые возникают при производстве по уголовному делу в рамках судебного разбирательства.

Ключевые слова: вред, ПДД, квалификация, суд.

Актуальность темы, рассматриваемой в настоящей статье, обуславливается тем фактом, что для государства одним из приоритетных направлений правоохранительной деятельности является минимизация дорожно-транспортных происшествий, а также неблагоприятных последствий их происшествия, в целях защиты и охраны жизни и здоровья граждан, а также предотвращения преступных посягательств.

Статья 264 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривает ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека. Данная норма является одной из наиболее социально значимых, так как связана с обеспечением безопасности на дорогах. Однако судопроизводство по делам, связанным с этой статьей,

сталкивается с рядом проблем, которые затрудняют достижение справедливости и эффективности правосудия.

Одной из ключевых проблем является установление причинно-следственной связи между нарушением правил дорожного движения (ПДД) и наступившими последствиями. Нередко в ходе расследования возникают сложности с определением того, какие именно действия или бездействие водителя привели к аварии. Например, в условиях плохой видимости или при наличии других отягчающих факторов (например, неисправность дорожного покрытия) бывает трудно однозначно установить вину водителя.

Кроме того, в случаях, когда ДТП происходит с участием нескольких транспортных средств, возникает вопрос о распределении ответственности между участниками. Это требует тщательного анализа всех обстоятельств дела, что не всегда возможно в рамках стандартного следственного процесса.

Автотехническая экспертиза играет ключевую роль в делах, связанных с нарушением ПДД. Однако на практике качество таких экспертиз нередко вызывает нарекания. Эксперты могут допускать ошибки в расчетах или не учитывать все факторы, влияющие на ситуацию на дороге. Это приводит к тому, что выводы экспертизы могут быть оспорены сторонами, что затягивает процесс рассмотрения дела.

Кроме того, отсутствие единых стандартов проведения экспертиз и недостаточная подготовка некоторых экспертов усугубляют проблему. В результате суды вынуждены полагаться на спорные заключения, что может привести к необоснованным решениям.

Статья 264 УК РФ предусматривает различные степени ответственности в зависимости от тяжести последствий (причинение тяжкого вреда здоровью, смерть одного или нескольких лиц). Однако на практике возникают сложности с правильной квалификацией деяния. Например, в случаях, когда вред здоровью пострадавшего изначально оценивался как легкий, но впоследствии перешел в категорию тяжкого, возникают вопросы о том, как квалифицировать действия водителя.

Также проблемы возникают при определении степени неосторожности. В некоторых случаях суды сталкиваются

с трудностями при разграничении простой и грубой неосторожности, что влияет на конечный вердикт.

Дела, связанные с нарушением ПДД, особенно те, которые повлекли тяжкие последствия, часто рассматриваются в течение длительного времени. Это связано с необходимостью проведения множества экспертиз, допросов свидетелей и изучения материалов дела. Затягивание процесса негативно сказывается как на пострадавших, так и на обвиняемых, которые могут находиться в состоянии неопределенности в течение нескольких лет.

Кроме того, длительность судебного разбирательства может привести к утрате доказательств или изменению показаний свидетелей, что усложняет процесс установления истины.

Еще одной проблемой является взыскание компенсации за причиненный вред. Даже если суд устанавливает вину водителя, пострадавшие не всегда могут получить полное возмещение ущерба, особенно если у виновного отсутствуют достаточные финансовые средства. В таких случаях возникает вопрос о необходимости совершенствования механизмов страхования и обеспечения гарантий для пострадавших.

Для улучшения ситуации в судопроизводстве по делам, связанным со статьей 264 УК РФ, необходимо:

1. Совершенствование методик проведения автотехнических экспертиз и повышение квалификации экспертов.
2. Ускорение судебных процессов за счет внедрения электронных технологий и упрощения процедур.
3. Разработка четких критериев для квалификации преступлений и определения степени неосторожности.
4. Усиление гарантий для пострадавших, включая совершенствование системы страхования и механизмов взыскания ущерба.

Проблемы судопроизводства по делам, связанным с нарушением ПДД, требуют комплексного подхода и участия всех заинтересованных сторон. Только при условии устранения существующих недостатков можно добиться повышения эффективности правосудия и обеспечения справедливости для всех участников процесса.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с поправками]. — Текст электронный // Официальный http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 / (дата обращения: 05.01.2025);
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // «Российская газета», № 113, 18.06.1996, № 114, 19.06.1996, № 115, 20.06.1996, № 118, 25.06.1996;
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // «Собрание законодательства РФ», 24.12.2001, N 52 (ч. I), ст. 4921;
4. Федеральный закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О безопасности дорожного движения» // «Российская газета», № 245, 26.12.1995;
5. Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 N 1090 (ред. от 06.12.2024) «О Правилах дорожного движения» // «Российская газета», № 189, 23.10.1993

Соотношение частного и публичного права

Атрушкевич Евгений Дмитриевич, студент магистратуры
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

Вопрос разделения частного и публичного права и в настоящий момент является крайне дискуссионной и обсуждаемой темой. Ученые-правоведы, как в России, так и за рубежом, не могут прийти к общим критериям разделения права по сферам, несмотря на вполне явную область интереса каждой социальной группы. Однако из-за многообразия взаимодействия государства и индивида в различных правоотношениях, граница публичного интереса чрезвычайно трудно определить точно.

Долгие годы в праве остается дискуссионным вопрос о разделении права на частное и публичное. И в настоящее время нет единой позиции по данному вопросу в научном сообществе, какой критерий необходим для однозначного разделения? Одним из таких ряд исследователей выделяют совокупность норм права, регулирующих определенное правоотношение. Другие предлагают обращать внимание не на структуру нормы, а как в рамках правовых отношений строится взаимодействие субъектов (равенство субъектов или модель «власти-подчинения»).

Противники материального интереса утверждают, что нормы права также служат защите публичного интереса. Сторонником данной позиции является И. А. Покровский, который приводит в своих трудах приводит в пример поставку провианта или обмундирования для армии, таким образом, указывая на удовлетворение публичного интереса путем участия государства в частных правоотношениях. Некоторые отрасли права полностью урегулированы требованиями, исходящими от вышестоящих нижестоящим, таковыми, чаще всего, являются отношения в сфере государственного управления. В таких правоотношениях государство определяет правовой статус субъекта и его место в иерархии. Только от данного «центра» могут исходить властные распоряжения, положения которых не могут изменены тем или иным частным воздействием на него.

Иной способ регулирования отношений предлагает частное право, которое характерно минимальным вмешательством государства. Если публичное право в данной классификации обладает одним «центром», который осуществляет управление, то частное право, в сущности, разделяется на множество маленьких центров. Государство предоставляет им возможность регулировать отношения между собой, достигая желаемого результата. Оно, как властный субъект, не понуждает стороны к совершению юридически значимых действий, однако занимает охранительную позицию по отношению к воле частных субъектов, давая различные определения в случае, если стороны не договорились об ином.

Однако не следует забывать, что не всегда существовала граница между частным и публичным. В Древнем Риме привычная нам сфера уголовного права относилась

к частному институту. Пострадавший от правонарушения мог, например, возместить ущерб за воровство или членовредительство в порядке гражданского судопроизводства, однако со временем государство взяло под контроль сферу предупреждений и наказания за преступления, определяя статус субъекта, совершившего такое деяние и, таким образом, уголовное право отделилось от частноправовых начал и полностью стало контролироваться публичными отраслями права.

Однако, истории известен и обратный процесс, когда область частных отношений переходит под публичный контроль. Примером тому служит брачный закон императора Августа. Поводом для его создания послужило стремление обеспечить качественный и количественный прирост населения. Закон обязывал мужчин в возрасте от 25 до 50 лет и женщин от 20 до 45 лет вступать в брак и иметь детей. Неисполнение данного акта запрещало получать имущество путем составления в отношении правонарушителей завещание [1].

В своих работах Агарков М. А. придерживается позиции о бессмысленности разделения права на частное и публичное утверждая, что практического смысла в этом нет, а разделение является лишь исторически обоснованной традицией. Попытка определения понятия частного и публичного права путем их оценки через судебную защиту приводит лишь к тавтологической ошибке [2].

Л. Эннексерус придерживается схожего мнения об отсутствии практической необходимости в делении права на публичное и частное. Публичным же принято называть право, регулирующее отношение публичных организаций, однако если таковые вступают в отношения с отдельными субъектами в правоотношениях, связанных с кредитованием, вопросами собственности, наследования, то такие организации подчиняются нормам частного права.

Последнее же направлено на регулирование отношений между равными по своему правовому статусу субъектами, которые выступают в качестве отдельных лиц от своего лица. Часто публичные права связаны с требованием к государству с просьбой о защите. За нарушение частных правил следует наказание со стороны публичного органа, за которое следует санкция, установленная государством. Однако, не следует забывать, что и нарушение публичных обязанностей влечет частноправовую ответственность в виде возмещения вреда.

Поэтому в некоторых ситуациях крайне трудно определить однозначную правовую природу определенного правоотношения. Значимым в данной ситуации может служить не возможность защитить свои права в рамках гражданского процесса, как утверждают сторонники формальной теории, так или иначе, наличие имущественного

интереса не является значимым ввиду существования неимущественных ценностей (семейные права, право на имя). Так же и ряд публичных прав обладают имущественной ценностью (налоги, взносы, пошлины). Традиционно в публичном праве существует ряд ключевых отраслей: государственное право, регулирующее отношения между ветвями власти, и осуществляющее работу системы сдержек и противовесов. К нему также принято относить и административное право, при помощи норм которого происходит государственное управление в различных сферах жизни общества. К публичным отраслям общепринято относят уголовное право и уголовный процесс. Относят и гражданский процесс, поскольку обеспечивает государственную защиту прав в частном порядке, хоть и французские исследователи определяют природу цивилистического процесса как частноправовую [3]. Важно отметить, что автор являлся гражданином Германской империи, в которой было разделение был субъект «юридические лица публичного права».

В своей монографии Солодовниченко Т. А. предлагает перечень различий между частным и публичным правом: участники публичных правоотношений удовлетворяют интерес неопределенного круга лиц, всего общества, частное право удовлетворяет интерес отдельно взятого субъекта гражданского права. Основной фигурой в публичных правоотношениях является государство, в том числе и в лице уполномоченных органов. Субъекты частного права чаще всего индивиды или их персонифицированные объединения. Нормы публичного права сформулированы по принципу «запрещено все, что прямо не разрешено», преобладают императивные нормы, указывающие четкий порядок действий. В частном праве нормы сформулированы иначе («разрешено все, что прямо не запрещено»), преобладают диспозитивные нормы, которые и позволяют выбирать модель поведения, воздерживаться или действовать по отношению к имеющемуся праву. Частное право, в большей степени, регулирует имущественные отношения, публичное же организацию, функции и компетенцию органов государственной власти [4].

Несколько иного мнения на данную проблему придерживается Коршунов Н. М. Он считает, что в 50–60 годах 20 века мы стали свидетелями синтеза капиталистической и социалистической систем. Однако конвергенция частного и публичного происходит по объективным причинам в рамках национальных правовых систем, заимствуя методы регулирования и институты друг у друга с целью более эффективной защиты прав и свобод человека и гражданина [5].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о невозможности проведения четкого разделения на частное и публичное, особенно при учете тенденции конвергенции и заимствования публичным правом частноправовых институтов и наоборот.

В юридической науке есть понятия, употребляемые как нечто само собой разумеющееся, однако не все пытаются понять, что именно содержит тот или иной термин, его сущ-

ность. Категория интереса представляет собой, в большей степени, явление социологическое, которое помогает детерминировать поведение людей с желаемым результатом.

В своих трудах Иеринг Р. в процессе исследования правогенеза отмечал, что основой ускорения развития права является интересы людей как в целом, так и отдельно взятого индивида. Существование права немыслимо без интереса как такового. Он акцентировал внимание, что именно материальный расчет мотивирует человека защищать свои права, однако позднее отмечает, что интерес бывает и нематериальным [6].

Другой, не менее значимой категорией, выступает публичный интерес. Таковым является общий интерес, некое среднее мнение между личными и групповыми интересами, в сущности, общественные интересы, реализация которых способствует устойчивому развитию общества широком смысле. С другой стороны, содействовать в развитии индивида. Таким образом, можно сделать вывод, что публичный интерес представляет собой признанный государством и обществом социальный интерес, обеспечивающий существование и дальнейшее развитие какой-либо социальности общности. Однако пределы публичных интересов бывает трудно определить. Это обусловлено динамикой развития политической и экономической сферы жизни общества, большое число рисков, факторов, определяющих модель поведения человека. Однако, особенность публичного интереса заключается в том, что подвижность обсуждаемого явления, при должном изменении, изменить направленность самого интереса, с публичного на частный. Поэтому, можно сделать вывод, что публичный интерес может содержаться как в публичноправовых, так и в частноправовых нормах. Н. Н. Косаренко предлагает разделять частный и публичный интерес следующим образом: право охраняет частный интерес в отношении индивида или социальных групп, а публичный охраняет общественный и государственный интерес. Носителем последнего является Российская Федерация, субъекты федерации или муниципальные образования, а их волю выражают компетентные государственные и иные уполномоченные на то органы [7].

Финогентова О. Е. и Ломаев А. Ю. отмечают более фундаментальную проблему соотношения частного и публичного: материальное деление на частные и публичные отрасли не аналогично разделению интересов, приводя в пример человека, обратившегося в суд за защитой. Путем использования универсального способа защиты нарушенного права, через публичные институты защищается частноправовой интерес. Публичный интерес субъектом может и не осознаваться и правильное их осознание способствует правомерному поведению и укреплению законности в государстве. Оно обеспечивает гражданам должную защиту, возможность достигать цели, непротиворечащие законодательству [8].

В ходе совершенствования российского законодательства, как частного, так и публичного, можно заметить, как совершенно противоположные отрасли перенимают по-

ложения друг друга. Например, известен случай, когда из гражданского права перенимается принцип злоупотребления правом и лицо, обладающее налоговой задолженностью, погашает ее через третьих лиц и другие счета. Пытаясь анализировать межотраслевые и внутриотраслевые правовые дисциплины, можно увидеть явное разделение публичного интереса в частноправовой сфере:

одна направлена на сопровождение гражданских отношений (явным примером тому выступает банкротное законодательство, закон о лицензировании и т. д.), другая же на превенцию и наказание антиправовых отношений, вредящих гражданским правоотношениям (законодательство об административных правонарушениях, уголовное, уголовно-процессуальное) [8].

Литература:

1. И. А. Покровский Основные проблемы гражданского права / И. А. Покровский; редактор Е. А. Суханов. — Москва: Статут, 1998. С. 37–47.
2. М. М. Агарков Ценность частного права Т.1 / М. М. Агарков. — Москва: ЮрИнфоР, 2002. С. 30–32.
3. Эннексерус Л., Курс германского гражданского права / Л. Эннексерус; редактор Д. М. Генкин. — Москва: Издание иностранной литературы., 1948. С. 129–131.
4. Солодовниченко Т. А. Субъективные права и обязанности в частном и публичном праве: монография / Т. А. Солодовниченко. — Москва: Инфра-М, 2021. С. 38–43.
5. Коршунов Н. М. Частное и публичное право: проблемы формирования основ современной теории конвергенции / Н. М. Коршунов // Журнал российского права. — 2010. — № 5(161). С. 67–69.
6. Иеринг Р., Интерес и право: правоспособность учредителей. Интерес и право. Непреодолимая сила: пер. с нем. / Р. Иеринг; — Ярославль: Типография Ярославской губернской земской управы., 1880. С. 31–35.
7. Н. Н. Косаренко Категория «интерес» в системе публичного и частного / Н. Н. Косаренко // Знание. Понимание. Умение. — 2007. — № 3. С. 153–158.
8. Финогентова О. Е., Ломаев А. Ю. Проблема реализации правовой категории «публичный интерес» в российском праве / О. Е. Финогентова, Ломаев А. Ю. // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. — 2016. — № 1 (1). — С. 452–453.

Оценка доказательств в уголовном праве

Валеева Илюза Рауфовна, студент

Научный руководитель: Хисматуллин Ильдар Гайсович, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье рассмотрены признаки оценки доказательств, отличающие их от других процессуальных источников. Используя критерий последовательности действий вхождения доказательства в уголовное производство, выделяются и анализируются элементы процессуальной формы оценки доказательств как правовой системы: надлежащая процедура введения оценки доказательств в уголовное производство; надлежащая процедура хранения доказательств. Особое внимание уделено вопросу об особенностях обеспечения принципа неприкосновенности права собственности в уголовном производстве.

Ключевые слова: оценка доказательства, доказательный факт, субъект доказывания, допустимость, документирование, временное изъятие имущества.

Evaluation of evidence in criminal law

Valeeva Ilyuza Raufovna, student

Scientific advisor: Khismatullin Ildar Gaysovich, candidate of law sciences, associate professor
Ural Branch of the Russian State University of Justice after V. M. Lebedev (Chelyabinsk)

The article examines the features of evidence assessment that distinguish them from other procedural sources. Using the criterion of the sequence of actions of entering evidence into criminal procedure, the elements of the procedural form of evidence assessment as a legal system are identified and analyzed: the proper procedure for introducing evidence assessment into criminal procedure; the proper procedure for storing evidence. Special attention is paid to the issue of the specifics of ensuring the principle of inviolability of property rights in criminal procedure.

Keywords: *evidence assessment, evidentiary fact, subject of proof, admissibility, documentation, temporary seizure of property.*

Постановка проблемы. Обоснована ошибочность разделения оценки доказательств на предварительную (текущую) и окончательную (конечную). Указано, что термин «умная оценка доказательств» не определен ни в законодательстве, ни в судебной практике. Доказано, что на этапе судебного контроля существует локальный предмет доказывания, отличный от предмета доказывания на стадии рассмотрения уголовного производства по существу. Обосновано, что оценка доказательств неотъемлемой частью процесса доказывания. Внутреннее убеждение следователя судьи (как результат оценки доказательств), необходимое принятия решения по делу, может сформироваться только в результате оценки доказательств по критериям, определенным ст. 94 УПК РФ.

Разумная оценка доказательств без детальной оценки действий лица и без высоких требований к предоставленным доказательствам не дает возможности установить совокупность обстоятельств, входящих в локальный предмет доказывания и которые необходимы для правильного решения соответствующего процессуального вопроса, и сформировать соответствующее внутреннее убеждение судьи (как результат оценки доказательств). Решения следственных судей, принимаемых в результате так называемой «умной оценки доказательств», не могут считаться обоснованными в понимании ч. 3 ст. 370 УПК РФ.

Оценка доказательств необходима для соблюдения законности, принятия обоснованных действий в уголовном производстве, в качестве основы вынесения окончательного процессуального решения — приговора.

Оценка доказательств как элемент процесса доказывания является умственной, логической деятельностью, целью является определение допустимости, принадлежности, достоверности, достаточности каждого доказательства для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания.

Для практического воплощения в правоприменительную деятельность способов оценки доказательств, это важное значение имеет для определения принципов этой оценки. В уголовном процессуальном законе нет определения понятия принципов оценки доказательств. В юридической литературе система и содержание принципов оценки доказательств, предложенных разными авторами, не совпадают и трактуются по-разному.

Отметим, что принципы оценки доказательств тесно связаны с принципами уголовного процесса в целом. Поэтому можно прийти к выводу, что принципы оценки доказательств — это теоретически обоснованные и законодательно закрепленные руководящие (основополагающие) основы, которые выражают сущность оценки доказательств и определяют конкретность, внутреннюю согласованность и доброкачественность имеющихся достоверных сведений.

О фактах преступного события, их допустимости и принадлежности к производству, достаточности всей совокупности установленных фактических данных для достижения истины в ходе расследования. Анализ действующего уголовного процессуального закона (ст. 9 и ст. 94 УПК РФ) позволяет определить систему принципов оценки доказательств, включающей следующие положения:

- 1) при оценке доказательств необходимо руководствоваться законом;
- 2) никакие доказательства для суда, прокурора, следователя не имеют вперед установленной силы. Свобода при оценке доказательств гарантируется законом;
- 3) судья, прокурор, следователь оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению. Суд в оценке доказательств не связан с выводами, сделанными в ходе досудебного расследования;
- 4) внутреннее убеждение основывается на оценке совокупности рассматриваемых доказательств. Внутреннее убеждение — не бесконтрольное, это не произвольное мнение тех или иных лиц, его обоснованность должна и может быть проверена по материалам уголовного производства;
- 5) каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения принадлежности, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в их совокупности — достаточности и взаимосвязи для принятия соответствующего процессуального решения. Оценка доказательств должна быть основана на рассмотрении всех фактических данных в их совокупности и изложена в форме мотивированного заключения о том, почему одни доказательства положены в основу решения, а другие отвергнуты;
- 6) оценка доказательств судьей, прокурором, следователем должна быть всесторонней, полной и беспристрастной.

Можно утверждать, что только данная система принципов оценки доказательств наиболее полно и всесторонне отражает ее основные черты и содержание. Оценка доказательств — важнейшая составляющая процесса доказывания в уголовном судопроизводстве. Задача оценки представленных доказательств имеет место наряду с задачей сбора необходимых сведений об обстоятельствах уголовного преступления. Оценка доказательств необходима для соблюдения законности, принятия обоснованных действий.

Процессуальное и технико-криминалистическое обеспечение досудебного расследования в уголовном производстве, в качестве основы вынесения окончательного процессуального решения — приговора. Оценка доказательств — это завершающий элемент процесса доказывания. Она тесно связана с сбором и проверкой улик.

Оценка доказательств, как элемент процесса доказывания, является умственной, логической деятельностью,

цель определения допустимости, принадлежности, достоверности, достаточности каждого доказательства для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Оценка состоит в определении:

- 1) относятся ли доказательства к данному делу (принадлежность);
- 2) получены они способом, установленным законом и из указанных в законе источников (допустимость);
- 3) достаточна ли совокупность доказательств, чтобы вынести правильное процессуального решения;
- 4) достоверны ли они, то есть правильно, адекватно отражают материальные и нематериальные следы преступления.

Особое значение оценка доказательств имеет в стадии судебного разбирательства. Эта стадия практически не характеризуется сбором улик. В ходе судебного разбирательства процесс доказывания осуществляется в основном в форме проверки и оценки представленных доказательств.

При этом судья имеет особый статус среди субъектов доказывания. Именно его деятельность, прежде всего, связана с оценкой представленных сторонами доказательств в уголовном производстве. Эта оценка производится на основе исследованных в судебном заседании доказательств.

Она дает возможность сделать главный вывод о доказанности или недоказанности фактов, относящихся к устанавливаемым обстоятельствам. Для практического воплощения в правоприменительную деятельность методов оценки доказательств, принципиальное значение имеет определение принципов данной оценки.

В уголовном процессуальном законе нет определения понятия принципов оценки доказательств. В юридической литературе система и содержание принципов оценки доказательств, предложенных разными авторами, не совпадают и трактуются по-разному.

Отметим, что принципы оценки улик тесно связаны с принципами уголовного процесса в целом. По-

этому можно сделать вывод, что принципы оценки доказательств — это теоретически обоснованные и законодательно закрепленные руководящие (основополагающие) основы, которые выражают сущность оценки доказательств и определяют конкретность, внутреннюю согласованность и доброкачественность имеющихся достоверных сведений.

О фактах преступного события, их допустимости и принадлежности к производству, достаточности всей совокупности установленных фактических данных для достижения истины во время расследования. Анализ действующего уголовного процессуального закона, УПК РФ, позволяет определить систему принципов оценки доказательств, которая включает следующие положения:

- 1) при оценке доказательств необходимо руководствоваться законом;
- 2) никакие доказательства для суда, прокурора, следователя не имеют заранее установленной силы. Свобода при оценке доказательств гарантируется законом;
- 3) судья, прокурор, следователь оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению. Суд в оценке доказательств не связан с выводами, сделанными в ходе досудебного расследования;
- 4) внутреннее убеждение основывается на оценке совокупности рассматриваемых доказательств. Внутреннее убеждение — не бесконтрольное, это не случайное мнение тех или иных лиц, его обоснованность должна и может быть проверена по материалам уголовного производства;
- 5) каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения принадлежности, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в их совокупности — достаточности и взаимосвязи для принятия соответствующего процессуального решения;
- 6) оценка доказательств судьей, прокурором, следователем должна быть всесторонней, полной и беспристрастной. Можно утверждать, что только данная система принципов оценки доказательств наиболее полно и всесторонне отражает ее основные черты и содержание.

Литература:

1. Бойко Ю. Л. Доказательство по уголовному делу / Ю. Л. Бойко // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. — 2019. — № 17-1. — С. 28-29.
2. Данилова Н. А. Анализ прокурором доказательственной базы по уголовному делу, поступившему с обвинительным постановлением / Н. А. Данилова, Т. Г. Николаева // Военное право. — 2021. — № 7. — С. 151-153.
3. Золотухина Н. В. Проблемные вопросы собирания доказательств по уголовному делу // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2019. — № 2 (49). — С. 94-100.
4. Коньшина А. И. Свидетельские показания как доказательство по уголовному делу: некоторые проблемные аспекты / А. И. Коньшина // Научный альманах. — 2021. — № 4-1 (42). — С. 231-233.
5. Лебедев Н. Ю. Некоторые проблемные аспекты проведения осмотра места происшествия / Н. Ю. Лебедев // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Томск, 2019. — С. 117.
6. Новиков С. А. Институт доказывания в уголовном процессе России // Евразийская адвокатура. — 2023. № 2. — С. 1-12.
7. Шараева Я. А. Актуальные вопросы производства проверки показаний на месте / Я. А. Шараева // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. — 2016. — № 15. -С. 219-220.

Направления повышения эффективности практического использования криминалистической характеристики преступлений коррупционной направленности при расследовании преступлений данного вида

Гамидова София Мардановна, студент магистратуры
Ростовский филиал Российской таможенной академии

В статье автор исследует криминалистические характеристики преступлений, методы их использования при расследовании преступлений данного вида, а также затрагивает тему повышения эффективности практического использования криминалистической характеристики преступлений коррупционной направленности на практике.

Ключевые слова: коррупция, преступление, УК РФ, характеристика, криминалистическая характеристика, расследование, практика.

Коррупция как социальное явление требует внимательного анализа с позиций криминалистической характеристики. Эффективное расследование преступлений коррупционной направленности возможно только при наличии четко структурированной модели, которая включает в себя анализ механизмов, условий, лиц, совершающих преступления, и мотивов их действий. Коррупционные преступления зачастую характеризуются сложным многоступенчатым выполнением, в котором задействованы различные элементы государственной машины, что накладывает особые требования на организацию расследования [4].

Методы расследования коррупционных преступлений включают в себя систему специализированных подходов, адаптированных к специфике данного явления. Эти методы требуют знания особенностей коррупционных деяний, механизмов их осуществления, а также механизмов защиты прав и законных интересов граждан. Важный элемент — выделение специальных принципов, которые формируют основу для организации эффективного расследования. В контексте расследования коррупционных преступлений это означает необходимость учитывать методы и приемы, которые используют коррупционеры для сокрытия своей деятельности [5].

При формировании криминалистической характеристики коррупционных преступлений необходимо определять ключевые признаки этих деяний. Криминалистическая характеристика должна включать типовые версии, которые могут быть проверены в ходе расследования. Это требует тщательного анализа не только конкретных факторов, но и контекста, в котором произошли преступления. Выявление закономерностей в действиях преступников может стать основой для рационального выбора стратегии расследования [6].

Анализ распространенных ошибок органов расследования в процессе раскрытия коррупционных преступлений также является важным шагом в повышении эффективности. Наблюдения показывают, что сотрудники зачастую игнорируют методологические рекомендации, что приводит к неэффективным действиям и, как следствие, к снижению шансов на успешное завершение

дела. Важность рекомендаций по предотвращению этих ошибок вытекает из необходимости оптимизации работы следствия и других правоохранительных органов [2].

Интеграция технологий, таких как искусственный интеллект, весьма интересная тема для размышления над тем, как адаптировать процесс расследования под современные реалии. Совершенствование методов обработки и анализа данных искусственным интеллектом помогает в более детальном и быстром выявлении коррупционных схем. Такие технологии могут быть использованы для предварительного анализа операций, следствия и обоснования необходимых действий следователей и оперативников [3]. Например, обработка больших данных и алгоритмическое выявление аномалий могут послужить основой для возбуждения уголовных дел в случаях, когда физические доказательства отсутствуют. Разумеется, система далека от идеала и сложна в реализации из-за постоянной необходимости сотрудников «учить» программу во избежание разного рода ошибок. Однако, каким бы ни был кропотливым и долгим по времени этот труд, результаты могут значительно ускорить работу, не теряя при этом в качестве.

Существующие методики расследования должны быть постоянно обновляемыми и адаптироваться к изменяющимся условиям. Меры, принятые на правительственном уровне для борьбы с коррупцией, должны быть систематически оценены и доработаны на основе практического опыта, собранного в ходе расследований предыдущих дел. Ключевой аспект заключается в формировании единой системы, которая будет успешна в применении как для современных расследований, так и для работы с историями прошлых лет, что требует комплексного подхода и активного сотрудничества разных структур [5].

Изучение эффективных методов расследования коррупционных преступлений становятся важным элементом борьбы с данной угрозой для правопорядка. Систематизация принципов, развитие криминалистической характеристики, использование передовых технологий и понимание тонкостей каждой категории коррупции — все эти аспекты создают базу для успешного выявления и пресечения преступной деятельности. Безусловно, даль-

нейшие исследования в этой области необходимы для выявления новых подходов и методов, которые могли бы еще больше повысить эффективность борьбы с коррупцией в государственном аппарате [6].

Говоря о разработке новых методик расследования коррупционных преступлений, следует сказать, что данная методика требует осознания специфики таких правонарушений, что позволяет повысить эффективность самого процесса. При разработке новой методики следует учитывать принципы, которые будут служить основой для понимания и анализа криминалистической характеристики коррупции. Основные принципы включают дифференцированный подход к различным видам коррупционных действий, который предполагает выделение ключевых признаков и специфики каждого из них [6].

Особое внимание должно быть обращено на выявление типовых версий, представляющих собой сценарии, которые могут объяснить преступную деятельность. Эти версии служат основой для построения доказательной базы и помогают как следователям, так и обвинению в более детальном анализе обстоятельств дела. Наличие обоснованных версий ускоряет сбор доказательств и формирует стратегию судебного разбирательства [5].

Планирование расследования должно основываться на четком алгоритме действий, где каждый шаг будет логично

вытекать из предыдущего. Начальный этап, когда формируется первичное представление о деле, имеет решающее значение для его дальнейшего развития и успеха. Именно в этот период определяется его направление и корректируется процесс сбора доказательств. Не менее важно активно применять современные технологии, которые позволяют собирать и анализировать данные, упростить процесс работы следственных групп.

Важным аспектом повышения эффективности методики является интеграция наработок, основанных на международной практике в том числе, что поможет выработать универсальные решения для отечественного расследования коррупционных преступлений. Нельзя забывать об актуальности межведомственного взаимодействия, что может стать залогом успешного выявления и раскрытия коррупционных схем.

Обширная документальная база и доступ к ресурсам, включая данные о зарубежных практиках, помогут следователям лучше понять механизмы коррупции, а также разработать более тонкие инструменты анализа и расследования [6]. Практическое применение методики предполагает постоянное обновление и адаптацию к новым условиям, что позволит эффективно справляться с наиболее распространенными формами коррупции в современном обществе.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // «Собрание законодательства РФ», 24.12.2001, N 52 (ч. I), ст. 4921.
2. Гулина Е. В. Методологическая основа для разработки криминалистической методики расследования коррупционных преступлений в высших учебных заведениях // Вестник криминалистики. — 2016. — № 3–4 (59–60). — С. 186–192.
3. Крюков В. В. Коррупция как угроза стабильности и экономической безопасности Российской Федерации / В. В. Крюков // Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы: Сб. науч. статей. Вып.4. — М.: Академия управления МВД России, 2009.
4. Муратшина С. Н. Криминалистическая характеристика расследования коррупционных преступлений // Инновационная наука. 2015. № 5–3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-harakteristika-rassledovaniya-korrupcionnyh-prestupleniy> (19.03.2025).
5. Некрасова А. Н., Васильев А. М. Методика расследования преступлений коррупционной направленности // Национальная ассоциация ученых. 2024. № 100–1.
6. Хлус А. М. Методики расследования коррупционных преступлений: современное состояние и возможности развития // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 3 (17).

Цели применения иных форм реализации уголовной ответственности к лицам, злоупотребляющим психоактивными веществами

Гедиев Марат Керимович, студент

Научный руководитель: Кочкаров Руслан Махарович, кандидат юридических наук, доцент, ректор
Северо-Кавказская государственная академия (г. Черкесск)

В статье на основе анализа представленных в специальной литературе позиций относительно иных форм реализации уголовной ответственности охарактеризовано авторское видение их системы применительно к лицам, злоупо-

требляющим психоактивными веществами. Уголовное законодательство подразделяет их на принудительные меры воспитательного характера и принудительные меры медицинского характера. Наряду с уголовными санкциями они являются формами реализации уголовной ответственности.

Ключевые слова: уголовные санкции, меры воспитательного характера, принудительные меры медицинского характера, невменяемые лица, алкоголизм, наркомания.

Purposes of applying other forms of implementation of criminal liability to persons abuse psychoactive substances

Gediev Marat Kerimovich, student

Scientific advisor: Kochkarov Ruslan Makharovich, candidate of law sciences, associate professor, rector
North Caucasus State Academy (Cherkessk)

Based on the analysis of the positions presented in the specialized literature regarding other forms of implementation of criminal liability, the article presents the author's vision of their system as applied to persons abusing psychoactive substances. Criminal legislation divides them into compulsory educational measures and compulsory medical measures. Along with criminal sanctions, they are forms of implementation of criminal liability.

Keywords: criminal sanctions, educational measures, compulsory medical measures, insane persons, alcoholism, drug addiction.

Статья 2 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривает возможность применения к лицам, совершившим преступления, не только наказания, но и иных мер уголовно-правового характера. Уголовное законодательство подразделяет их на принудительные меры воспитательного характера и принудительные меры медицинского характера. Наряду с уголовными санкциями они являются формами реализации уголовной ответственности. Такой подход является традиционным в отечественном праве. Так, еще в середине 70-х гг. прошлого столетия Л. В. Багрий-Шахматов подчеркнул, что принудительные меры медицинского и воспитательного характера выступают в качестве самостоятельных форм реализации уголовной ответственности [1].

Некоторые отечественные авторы рассматривают принудительные меры медицинского характера как меры обеспечения безопасности (социальную, правовую и медицинскую реабилитацию). На протяжении последнего столетия в науке советского уголовного права формировалось понимание принудительных мер медицинского характера. К ним относятся установленные законом меры медицинского и судебного характера, назначаемые судом в отношении невменяемых лиц, представляющих опасность по своему психическому состоянию и характеру совершенного деяния, а также в отношении вменяемых лиц, заболевших хроническим или временным психическим заболеванием после совершения преступления. Авторы одного из учебников по уголовному праву считают, что под принудительными мерами медицинского характера следует понимать меры, предусмотренные уголовным законом и применяемые к лицам, страдающим психическими заболеваниями, совершившим общественно опасное деяние или преступление, а также к больным алкоголизмом или наркоманией, виновным в совершении преступления, в целях излечения или улучшения их пси-

хического состояния, а также профилактики антиобщественного поведения. По мнению П. А. Колмакова, данные меры представляют собой «особый вид государственного принуждения, предусмотренный уголовным законом, применяемый судом в определенном уголовно-процессуальном порядке»... [5].

В свою очередь, В. С. Егоров предлагает акцентировать внимание на медицинской составляющей и понимает под принудительными мерами медицинского характера предусмотренные законом методы лечения, применяемые к гражданам, совершившим общественно опасное деяние и страдающим психическим расстройством, в целях улучшения их состояния или излечения, а также предупреждения новых приступов [4].

Заслуживает внимания определение, сформулированное Э. Л. Биктимером: «Уголовно-судебные меры безопасности и лечения формулируются как меры государственного уголовно-судебного принуждения, назначаемые по решению или приговору суда к лицам, страдающим психическими расстройствами, алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией, совершившим общественно опасное деяние или преступление, заключающиеся в принудительном лечении этих лиц в целях обеспечения общественной безопасности, исправления и реабилитации указанных лиц» [2].

Можно согласиться с мнением В. В. Дробышевой, согласно которому принудительное лечение осужденных больных наркоманией является мерой уголовно-исполнительного характера, предусмотренной уголовно-исполнительным законодательством и применяемой к осужденным к принудительным работам, аресту или лишению свободы наркоманам, в отношении которых врачебной комиссией исправительного учреждения принято решение о применении указанного лечения в целях улучшения их психического состояния и предупреждения со-

вершения ими новых преступлений на почве наркомании [3].

Таким образом, закон устанавливает императив относительно обязательности принудительного лечения указанных категорий лиц.

Что касается проблемы принудительного лечения лиц, злоупотребляющих психоактивными веществами, то, по нашему мнению, она фактически урегулирована национальным законодательством. Дело в том, что наркомания, токсикомания и алкоголизм, согласно Международной классификации болезней 10-го пересмотра (МКБ-10), введенной в практику здравоохранения на всей территории Российской Федерации в 1999 году приказом Минздрава России от 27.05.1997 № 170, отнесены к психическим расстройствам (раздел F «Психические и поведенческие расстройства», рубрики F10–19 «Психические и поведенческие расстройства, связанные с употреблением психоактивных веществ»).

Лица, злоупотребляющие психоактивными веществами, исходя из положений МКБ-10, относятся к категории, указанной в пункте «в» части 1 статьи. 97 УК РФ, поскольку они страдают психическими расстройствами, не исключаяющими психического здоровья. Однако при решении вопроса об их принудительном лечении это обстоятельство по тем или иным причинам часто игнорируется.

Таким образом, лица, злоупотребляющие психоактивными веществами, подлежат принудительному лечению в соответствии с действующим законодательством. К аналогичному выводу склонны прийти и другие авторы.

Принудительные меры медицинского характера применяются к лицам, злоупотребляющим психоактивными веществами в связи с совершением ими преступного деяния и болезненным состоянием, вызванным зависимостью от психоактивных веществ. Таким образом, в случае привлечения к уголовной ответственности лица, злоупотребляющего психоактивными веществами, суд обязан в ходе судебного разбирательства и вынесения приговора оценить юридическое значение состояния здоровья правонарушителя (в нашем случае лица, страдающего алко-

лизмом, наркоманией или токсикоманией). Особенности личности и тяжесть состояния определяют специфику применения медицинских мер. Последнее должно применяться в дополнение к уголовному наказанию.

При обсуждении правового содержания принудительных мер медицинского характера следует особо подчеркнуть, что они по определению не могут содержать карательного аспекта. Даже их принудительный характер не позволяет характеризовать упомянутые меры как карательные. Так, Б. А. Протченко справедливо отмечает, что принудительные меры медицинского характера не являются наказаниями и не содержат в себе элемента возмездия [6].

При этом С. Улицкий считает, что применение принудительного лечения не ухудшает, а улучшает правовое положение человека [7].

Таким образом, медицинские меры представляют собой особую форму принуждения, поскольку применяются к определенной категории лиц, нуждающихся в медицинской помощи. Принудительное лечение осуществляется на основе методов диагностики, лечения и реабилитации. Все принимаемые меры должны быть одобрены Министерством здравоохранения. Срок реализации медицинской меры ограничен полным выздоровлением или стойкой ремиссией. Следует отметить, что вопрос о выздоровлении в случае зависимости человека от психоактивных веществ, в силу биологических особенностей действия последних, практически не возникает, так как из-за необратимых биологических изменений, происходящих в организме таких больных, употребление даже небольших доз алкоголя или других психоактивных веществ практически неизбежно приводит к рецидиву заболевания.

При определении целей принудительных мер медицинского характера, применяемых к лицам, злоупотребляющим психоактивными веществами, следует учитывать, что они являются, наряду с наказанием, важнейшим элементом достижения целей уголовной ответственности. Именно сочетание карательных и медицинских мер в совокупности должно обеспечить достижение желаемого результата.

Литература:

1. Багрий-Шахматов Л. В. Уголовная ответственность и наказание. Минск, 1976.
2. Биктимеров Э. Л. Иные меры уголовно-правового характера и их роль в осуществлении задач уголовного права России: автореф. дис.. канд. юрид. наук. Саратов, 2009.
3. Дробышева В. В. Предупреждение преступлений лиц, больных наркоманией: автореф. дис.. канд. юрид. наук. Рязань, 2012.
4. Егоров В. С. Правовая природа принудительных мер медицинского характера // Медицинское право. 2005. № 4.
5. Колмаков П. А. Сущность, цели и виды принудительных мер медицинского характера: учебное пособие. Сыктывкар, 1999.
6. Протченко Б. А. Принудительные меры медицинского характера по советскому уголовному праву: автореф. дис.. канд. юрид. наук. М., 1979.
7. Улицкий С. Применение принудительного лечения в стадии исполнения приговора // Советская юстиция. 1987. № 14.

К вопросу о принципе прозрачности искусственного интеллекта в контексте феномена «черного ящика»

Головки Екатерина Евгеньевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Рубцова Наталья Васильевна, доктор юридических наук, доцент
Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

В статье рассматривается проблема правового регулирования технологий искусственного интеллекта в контексте феномена “черного ящика”. Анализируются основные вызовы, связанные с отсутствием прозрачности алгоритмов ИИ и сложностью контроля над принимаемыми ими решениями. Особое внимание уделяется законодательным инициативам различных государств по обеспечению принципа прозрачности при использовании ИИ-систем.

Результаты исследования могут быть использованы при совершенствовании правового регулирования технологий искусственного интеллекта и разработке новых подходов к обеспечению прозрачности ИИ-систем.

Ключевые слова: цифровизация права, искусственный интеллект, черный ящик, принцип прозрачности, алгоритм.

На протяжении последних десятилетий технологии искусственного интеллекта захватывают пространство нашей жизни, происходит активное внедрение глобальной технологии во все сферы жизнедеятельности человека. В свою очередь, такие изменения не могут оставаться незамеченными законодателем.

Право, которое традиционно регулировало общественные отношения не может оставаться равнодушным к появлению таких технологий. Новые вызовы порождают новые риски, которые невозможно оставить вне правового поля.

Технологии искусственного интеллекта могут значительно оптимизировать решение самых сложных производственных, экологических и социальных проблем, с другой же стороны эффективность и инновации, создаваемые искусственным интеллектом, при отсутствии должного регулирования могут создавать угрозу как для прав и свобод отдельного человека, так и для всего общества в целом.

Невозможно не согласиться, что технологии искусственного интеллекта, с точки зрения экономической ценности являются «золотой жилой» для общества. Однако, важно изучить потенциальные опасности, связанные с работой искусственного интеллекта, и проблемы, возникающие в связи с использованием такой продвинутой технологии, чтобы применение искусственного интеллекта соответствовало человеческим ценностям и убеждениям.

Одной из проблем, стоящих перед современной юриспруденцией, является феномен «черного ящика» в контексте технологий искусственного интеллекта. Под «черным ящиком» в данном случае подразумевается сложность понимания и контроля над решениями и действиями, которые производят системы и алгоритмы ИИ. Указанная проблема отражена в работах многих исследователей, и связана, в том числе, с трудностями в установлении ответственности за решения, принимаемые искусственным интеллектом на основании ранее запрограммированных алгоритмов. Как отмечают Паскуччи и Стайано, «черные ящики» в ИИ создают проблемы прозрачности и подотчетности, что особенно важно в юридическом контексте [1].

В идеальном мире компании и пользователи ИИ хотят, чтобы системы ИИ были прозрачными, объяснимыми, этичными, адекватно обученными на соответствующих данных и свободными от предвзятости [2].

Национальное право Российской Федерации не обделило вниманием указанную проблему. Так, в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», прозрачность перечисляется в ряду основных принципов развития и использования технологий искусственного интеллекта. Под прозрачностью понимается объяснимость работы искусственного интеллекта и процесса достижения им результатов, недискриминационный доступ пользователей продуктов, которые созданы с использованием технологий искусственного интеллекта, к информации о применяемых в этих продуктах алгоритмах работы искусственного интеллекта [3].

Ввиду того, что указанный принцип пока что не реализован, устанавливаются ограничения на использование технологий искусственного интеллекта, когда таковые могут иметь определенное юридическое значение. Например, в соответствии со статьей 16 Федерального закона «О персональных данных» в Российской Федерации принятие решений, имеющих юридические последствия, исключительно на основе автоматизированной обработки персональных данных запрещено. Исключением являются ситуации, когда такие решения принимаются на основании письменного согласия субъекта данных либо в соответствии с положениями, установленными федеральным законодательством.

В зарубежных государствах законодатели также указывают на необходимость соблюдения принципа прозрачности, посредством адаптации источников права под «туманные» алгоритмы искусственного интеллекта.

Так, например, статья 22 Общего регламента по защите данных Европейского союза (General Data Protection Regulation) регламентирует право субъекту данных (в отношении которого на основании машинных алгоритмов

принимается решение) требовать объяснения того, как автоматизированная система приняла решение, которое его затрагивает, в противном случае, он вправе оспорить его, а также не выступать субъектом такого решения.

Закон об алгоритмической подотчетности Соединенных штатов Америки устанавливает требования для определенных коммерческих организаций, выражающиеся в необходимости проведения оценки рисков для конфиденциальности или безопасности личности, создаваемых автоматизированной системой принятия решений, а также рисков, которые способствуют принятию неточных, несправедливых, предвзятых или дискриминационных решений. При этом оценка рисков должна содержать подробное описание алгоритма работы такой автоматизированной системы.

Закон о равных возможностях получения кредитов Соединенных штатов Америки устанавливает возможность объяснения причин получения или отказа в кредите, что представляется затруднительным при использовании искусственного интеллекта на основе «черного ящика».

Ввиду изложенного «высокотехнологичные» государства работают над созданием концепции объяснимого искусственного интеллекта (Explainable AI, XAI) — модели, которая могла бы в перспективе объяснять механизмы, лежащие за алгоритмами машинного обучения.

Проблемой объяснения работы искусственного интеллекта занимаются такие крупные образовательные учреждения, как Технологический университет Мичигана (США), Корнелльский Университет (США), Университет Карнеги Меллон (США), Университет Дьюк (США), Эдинбургский университет (Великобритания), Борнмутский университет (Великобритания), Лондонский университет (Великобритания), Норвежский университет естественных и технических наук. Группам ученых, занимающимся изучением и развитием данной проблематики, выделяются гранты от правительств и университетов [4].

Говоря о практической необходимости изучения данной проблемы, стоит отметить следующее. Как было указано ранее, технологии искусственного интеллекта могут значительно оптимизировать решение самых сложных задач. В настоящее время они используются, например, в финансовой сфере, медицине, предпринимаются попытки реализации такого потенциала и в юриспруденции.

На международной арене сформировалось две системы предполагаемого использования технологий искусственного интеллекта в юридической сфере: американский и германский. Стоит уточнить, что зарубежные государства делают упор на использовании ИИ в уголовном судопроизводстве.

Суть первой системы заключается в следующем: нейросети обучаются на статистических данных о ранее осужденных лицах, включая их криминальное прошлое и социально-демографические характеристики. На основе найденных корреляций алгоритмы прогнозируют вероятность совершения преступлений в будущем и рекомендуют оптимальный размер наказания для подсудимых. Сейчас, такие системы применяются уже в 24 штатах.

Суть второй системы видится в следующем: обучение искусственного интеллекта производится на основании судебных приговоров, в которых содержатся детальное описание выводов суда. Цель такого обучения заключается в унификации размеров наказаний для разных судов.

В Российской Федерации учеными-юристами также обсуждаются вопросы внедрения технологий ИИ в систему судопроизводства. Однако, в отличие от иностранных юристов, в России больший интерес вызывает вопрос оптимизации гражданского и арбитражного судопроизводства.

Как отметил бывший Председатель Верховного суда Российской Федерации В. М. Лебедев, «основной задачей искусственного интеллекта в суперсервисе «Правосудие онлайн» станет автоматизированное составление проектов судебных актов на основе анализа текста процессуального обращения и материалов судебного дела» [5]. Стоит отметить, что намеченный курс поддерживается Верховным судом РФ и сейчас. Так, действующий председатель Верховного суда РФ И. Л. Подносова в июле 2024 года выступила на пленарном заседании Форума председателей ВС стран БРИКС с докладом о важности цифровизации судебной работы [6].

Наиболее интересное применение ИИ — в разрешении сложных правовых казусов, где еще не сформировалась судебная практика. При рассмотрении различных категорий дел судьи сталкиваются не только с неоднозначностью судебной практики, но с огромным количеством дел при поиске ответа на те или иные запросы. В этом плане ИИ является незаменимым при работе с огромным количеством судебной практики, которая размещена в информационно-правовых программах и в Картотеке арбитражных дел. ИИ может быть делегирована функция поиска информации и ее обзора [7].

Некоторые авторы высказывают даже столь радикальные предложения, как полная замена судей искусственным интеллектом в приказном производстве, основывая минимизацию рисков наличием упрощенной процедуры отмены судебного приказа [8].

По мнению автора, для внедрения таких инновационных технологий в сферу судопроизводства, первоестественным этапом видится окончательное разрешение феномена «черного ящика» ИИ. Важно не просто получать, в качестве результата, готовый процессуальный документ, соответствующий требованиям к содержанию законодательства того или иного государства, но и, при необходимости, иметь возможность проследить весь процесс «принятия решения» искусственным интеллектом.

Кроме того, феномен «черного ящика» не позволяет разграничить юридическую ответственность за такие «решения». В настоящее время в российском законодательстве нет однозначных ответов на эти вопросы, что делает проблему «черного ящика» еще более актуальной.

Таким образом, в связи с активной интеграцией технологий искусственного интеллекта в повседневную жизнь возникает острая потребность в формировании актуализированной правовой базы.

Ключевым элементом новой системы должно стать право физических и юридических лиц на получение детального разъяснения решений, основанных на работе искусственного интеллекта. Это обеспечит возможность их обжалования и защиты законных интересов.

Для достижения необходимого уровня прозрачности необходимо внедрить систему обязательной регламентации важнейших параметров при принятии алгоритмиче-

ских решений. Такой подход позволит при необходимости воспроизвести и проанализировать работу ИИ-системы, а также внести необходимые корректировки.

Важным шагом станет создание единого механизма сертификации алгоритмических систем, который будет оценивать их соответствие установленным нормам на протяжении всего периода эксплуатации и гарантировать их надежность.

Литература:

1. Pascucci P., Staiano J. Black-Box Society: Why We Should Be Concerned About the Rise of Artificial Intelligence in Legal Decision-Making // Law, Innovation and Technology. 2021. № 13 (1). P. 1–29.
2. Zhao J., Gómez Fariñas B. Artificial Intelligence and Sustainable Decisions // European Business Organization Law Review. 2023. 24: 1–39. P. 2.
3. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации № 490 от 10.11.2019 (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта до 2030 года»). (2019). Собрание законодательства Российской Федерации, 41, ст. 5700.
4. Объяснимый искусственный интеллект: сайт научно-технического центра ФГУП «ГРЧЦ». [Электронный ресурс]. // URL: <https://rdc.grfc.ru/2020/12/explainable-ai/> (дата обращения: 09.04.2025г.)
5. Суды планируют подключить искусственный интеллект к составлению решений: сайт ФГБУ «Редакция «Российской газеты». [Электронный ресурс]. // URL: <https://rg.ru/2023/05/25/robot-pomozhet-rassudit.html> (дата обращения: 09.04.2025г.)
6. Глава ВС рассказала о планах по внедрению инноваций в суды: сайт «Правовые новости». [Электронный ресурс]. // URL: <https://pravo.ru/news/253616/> (дата обращения: 09.04.2025г.)
7. Степанов О. А., Басангов Д. А. О перспективах влияния ИИ на судопроизводство // Вестник Томского государственного университета. 2022. N 475. С. 229–237.
8. Трезубов Е. С. Исключение из судебной нагрузки «недостойных дел» за счет внедрения технологий искусственного интеллекта // Вестник гражданского процесса. 2024. N 2. С. 283–300.

Виды мошенничества в сфере компьютерной информации и меры профилактики

Горшкова Виктория Евгеньевна, студент
Челябинский государственный университет

В статье проанализированы виды мошенничества в сфере компьютерной информации и предложены меры профилактики. Каждый вид мошенничества представляет угрозу для финансов граждан. Видов мошенничества существует много, все они разнообразны, и с каждым днем их становится больше, а мошенники изобретательнее.

Ключевые слова: мошенничество, компьютерная информация, фишинг, крик о помощи, меры профилактики.

Types of computer fraud information and preventive measures

Gorshkova Viktoriya Yevgenyevna, student
Chelyabinsk State University

The article analyzes the types of fraud in the field of computer information and suggests preventive measures. Each type of fraud poses a threat to the finances of citizens. There are many types of fraud, and they are all diverse to facilitate the actions of scammers, and every day there are more of them, and scammers are more inventive.

Keywords: fraud, computer information, phishing, cry for help, preventive measures.

В настоящее время активно распространилось мошенничество в сфере компьютерной информации. Преступнику проще совершить такое деяние, так как

объектами преступных посягательств становятся: персональные данные, финансовые активы, интеллектуальная собственность, безналичные денежные средства, соответ-

ственно, данный вид мошенничества можно совершать из любой точки мира, не находясь в непосредственной близости к потерпевшим.

Статья 159.6 Мошенничество в сфере компьютерной информации была введена в Уголовный Кодекс Федеральным законом от 29.11.2012 N 207-ФЗ. Однако, как отмечает А. Н. Попов: «Первым официально зарегистрированным компьютерным преступлением, совершенным на территории Советского Союза, было преступление против чужой собственности. В 1979 году в Вильнюсе совершено хищение денежных средств посредством ЭВМ» [1]. Распространение данного вида преступления способствовало введению статьи в уголовное законодательство.

Но все же преступники находят новые способы совершения преступных замыслов, рассмотрим подробнее популярные сейчас виды совершения мошенничества в сфере компьютерной информации.

Например, условно называемый вид «брачные мошенничества». В этом случае, преступники заходят на сайты знакомств, выбирают жертву и ведут с ними электронную переписку, располагая к себе жертву для дальнейшего обмана. Обычно в этом случае преступники выманивают деньги у жертвы под предлогами покупки нового телефона, билетов на самолет для встречи, лечение. И после того, как жертва переводит денежные средства, все переписки удаляются и на связь преступник больше не выходит. Однако не все люди переводят денежные средства мошенникам, рано или поздно, понимая с кем они общаются, например, в Биробиджане: «Один из таких случаев произошел с подростком, который несколько месяцев переписывался с девушкой в мессенджере. В процессе общения он обменивался личными фотографиями и видео, не подозревая о том, что его собеседник на самом деле является мошенником. Злоумышленник стал шантажировать юношу, угрожая распространением личной информации и требуя перевести деньги. Сумма требований росла: сначала требовалось 6000 рублей, затем 9000, а после получения первого перевода запросили ещё 10000 рублей. После того как подросток сообщил о происходящем родителям, они обратились в полицию». В данном случае было возбуждено уголовное дело по статье 163 УК РФ «Вымогательство» [2]. Мера профилактики данного вида мошенничества состоит в том, что граждане, которые ведут переписки с незнакомыми людьми посредством сети Интернет, не должны переводить денежные средства незнакомым людям и не переходить по ссылкам, которые им отправляют, так как это также может быть сайтом, который передаст данные мошенникам.

В настоящее время также очень распространены интернет-магазины, и чаще всего люди оплачивают товар до его отправления. Мошенники так же нашли в этом свою выгоду. Преступники создают сайты, страницы в социальных сетях, на которых размещается информация о несуществующих товарах, чаще всего с ценами ниже, чем у реальных магазинов, чем и привлекают покупателей заказать именно на их сайте. Однако после оплаты товара страница удаляется, либо пользователя заносят в черный список. Новости

от 12.03.2025: «33-летний житель поселка Гайдук пытался приобрести автомобильную запчасть, 38-летняя жительница Приморского района «купила» кухонный гарнитур, а 41-летнему мужчине из Центрального района была необходима видеокарта. Все потерпевшие поверили лже-продавцам, разместившим объявления и перевели полную стоимость товаров предоплатой. Однако после этого страницы в сети Интернет были заблокированы, на связь с ними «продавцы» не вышли» [3]. Сейчас такие новости встретить не редкость. Хотя распространяя информацию через СМИ, сотрудники правоохранительных органов предостерегают граждан от совершения таких покупок. Чтобы обезопасить себя от таких мошенников, самый простой вариант — это делать покупки на проверенных сайтах, но иногда нет возможности купить у проверенного продавца или интернет-магазина, тогда нужно проверить: как давно была создана страница или сайт, наличие отзывов у данного магазина, а также по возможности сравнить цены на похожий товар в других магазинах, если есть возможность, то лучше оплатить покупку после получения.

Следующий вид мошенничества в сфере компьютерной информации, условно обозначаемый правоохранительными органами «крик о помощи». Мошенники придумывают историю о том, что ребенок сильно болен, срочно необходимы лекарства или лечение, которое стоит несколько миллионов, и просят неравнодушных помочь, размещая такие истории в социальных сетях, указывают реквизиты, по которым необходимо перевести денежные средства. В этом случае необходимо проверять номера телефонов, которые указаны в подобных постах (обычно, это номера родителей ребенка), возможно, найти страницы родителей в социальных сетях, чтобы проверить правда ли люди нуждаются в помощи.

Самый опасный и распространенный способ называется «фишинг». При таком способе мошенники рассылают письма со ссылками на сайты, которые являются поддельными. Цель — выманить денежные средства путем получения номера карты, CVV кода и пин-кода. Жертва получает письмо, например, о том, что выиграла в лотерею 100 тысяч рублей, переходит по ссылке в письме, вводит данные карты для получения выигрыша, при этом выигрыш не получает и данные карты передаются мошенникам. Так, 17 февраля 2025 года «Магаданец получил по электронной почте письмо с информацией о победе в лотерее. В ответном послании 55-летний мужчина должен был отправить все данные банковской карты. Пострадавший купился на уловку и отправил мошенникам всю информацию, сообщает пресс-служба МВД. В итоге со счета мужчины были списаны 25 тысяч рублей. Местный житель обратился в полицию» [4].

Для предотвращения всех видов мошенничества в сфере компьютерной информации сотрудники правоохранительных органов составляют памятки для граждан о профилактике и предупреждении таких преступлений. В памятках указывают, какие действия необходимо совершить, чтобы не быть жертвой преступных деяний мошенников.

Литература:

1. Попов, А. Н. Преступления в сфере компьютерной информации / А. Н. Попов. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. — 68 с. — Текст: непосредственный.
2. Мошенники вымогают деньги у подростков в ЕАО. — Текст: электронный // LIVEБиробиджан: [сайт]. — URL: <https://livebir.ru/moshienniki-vymoghaiut-dienghi-u-podrostkov-v-ieao/> (дата обращения: 13.03.2025).
3. Новороссийские полицейские предупреждают о мошенничествах при покупке — продаже товаров в сети Интернет. — Текст: электронный // Официальный сайт администрации и городской Думы муниципального образования город-герой Новороссийск: [сайт]. — URL: <https://admnvrsk.ru/o-gorode/novosti/glavnye-novosti/news-12032025162611-145048/> (дата обращения: 13.03.2025).
4. Житель Магадана узнал о победе в лотерее и лишился денег Об этом сообщает «Рамблер». Далее: https://news.rambler.ru/crime/50229238/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink. — Текст: электронный // Рамблер/Новости: [сайт]. — URL: <https://news.rambler.ru/crime/50229238-zhitel-magadana-uznal-o-pobede-v-loteree-i-lishilsya-deneg/> (дата обращения: 13.03.2025).

Аудиопротоколирование в гражданском процессе

Двизова Лидия Сергеевна, студент;

Недонец Дарья Евгеньевна, студент

Научный руководитель: Томилов Александр Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В наше время информационные технологии играют большую роль для всего человечества упрощая, совершенствуя, ускоряя нашу жизнь. Внедрения информационных и коммуникационных технологий не обошло стороной и гражданский процесс. Содействуя в эффективном введении данной отрасли судебной деятельности. Эти новшества способствуют обеспечению доступности и открытости правосудия не только участникам гражданского процесса, но и другим субъектам. Огромную роль в этом играет аудиопротоколирование, которое отвечает всем вышеперечисленным признаками и способствует прозрачности, максимальной полноты и правильности ведения протокола судебного заседания. В статье будет рассмотрена правовая сущность аудиопротоколирования в гражданском процессе, порядок и важность применения, выявлены проблемы и предложены пути решения.

Ключевые слова: аудиопротоколирование, гражданский процесс, информационные технологии.

В Российской Федерации принцип гласности судопроизводства является одним из основополагающих принципов, обеспечивающих открытость и доступность информации о деятельности судов. Протокол судебного заседания выступает в качестве основного инструмента, гарантирующего соблюдение этого принципа. Введение аудиопротоколирования судебных заседаний представляется логичным и целесообразным решением, направленным на повышение эффективности судопроизводства.

Гражданско-процессуальное законодательство регламентирует, что в ходе каждого судебного заседания судов первой и апелляционной инстанций (включая предварительное судебное заседание), а также при совершении вне судебного заседания отдельного процессуального действия ведется протоколирование с использованием средств аудиозаписи (аудиопротоколирование) и составляется протокол в письменной форме. Указание на осуществление, при наличии технической возможности, фиксации судебного разбирательства с использованием средств аудиозаписи и иных технических средств, преду-

смотрено в п.16 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 35 от 13.12.2012 г. «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» [3]. Протокол судебного заседания по своей правовой природе играет роль истинного отражения процесса. В нём закрепляется важная доказательственная информация. Иногда, точно зафиксированная на первый взгляд малозначительная деталь судебного разбирательства может существенным образом повлиять на оценку судебного акта. В связи с этим, протокол — это важный процессуальный документ.

При наличии разногласий аудиозапись судебного заседания имеет преимущество перед письменным протоколом. Отсутствие протокола в деле является безусловным основанием отмены решения. Письменный протокол допускает возможность ошибок, неточностей, различных упущений. Получить его на руки не всегда возможно, так как он может вообще отсутствовать в деле и выдаваться только по запросу участника процесса. В этом случае протокол вообще пишется задним числом. А вот аудио-

протокол даёт возможность зафиксировать более полно и точно ход судебного заседания.

Ведение судебного протокола — это обязательный пункт любого судебного разбирательства. Использование аудиопотоколирования в гражданском процессе гарантирует эффективность и способно изменить качество судопроизводства в лучшую сторону. Перечислим некоторые его преимущества [1]. Например, значительная гарантия на наиболее полное и правдивое закрепление всего происходящего, как в зале суда, так и на предварительном судебном заседании, что позволяет минимизировать фальсификацию доказательств в суде. Сокращается время проведения заседания в части ведения письменного протокола. Аудиопотоколирование позитивно влияет на соблюдение разумных сроков судопроизводства. К тому же аудиопотокол способствует повышению дисциплинированности в суде. Ускорение работы секретаря, влияние на участников судебного процесса, а именно на их дисциплинированность. Возможность сослаться на аудиопотокольную запись неё в случае возникновения возражений относительно содержания письменного протокола заседания, а также оптимизация работы суда, что повышает эффективность гражданского судопроизводства в целом. Вышестоящая инстанция имеет возможность подробно проанализировать все обстоятельства дела.

Однако аудиопотоколирование, несмотря на свои очевидные достоинства, имеет ряд нерассмотренных и нерешенных проблем, выявленных в ходе применения [2]. Большинство авторов указывают на технические неполадки, которые могут быть связаны с перебоями на электросетях, в связи с этим необходим перерыв в судебном заседании, что увеличивает временные затраты. Плохое качество записи, проблемы с оборудованием и его использованием. Все это является результатом проблемы связанной с финансированием на приобретение качественной техники. Не стоит закрывать глаза и на то, что у работников аппарата суда, обеспечивающих ведение аудиопотокола, отсутствуют практические навыки в применении. В связи с некомпетентностью и рядом вышеперечисленных проблем возникают нередкие случаи,

когда по итогу получается аудиопотокол с дефектами. Отсутствие контроля за внедрением и использованием системы аудиопотоколирования. Также недостатком является срок оформления протокола секретарем, который следует из «двойной» работы и необходимости изучения записи.

Мы считаем, в век развития информационных усовершенствованных технологий будет не лишним помечтать об их внедрении в гражданско-правовое судопроизводство, для оптимизации работы системы аудиопотоколирования. Искусственный интеллект, который начинает в наше время обретать все большую популярность, может играть значительную роль в автоматизации процесса. Данная отрасль постоянно совершенствуется и поражает, своей точностью, быстротой и простотой в использовании. Современные ИИ-системы способны автоматизировано распознавать и транскрибировать речь, улучшать качество записи за счёт фильтрации фонового шума, а также составлять протоколы на основе аудиозаписей, выделяя ключевые моменты заседания. Это снижает нагрузку на секретарей и повышает общую эффективность процесса.

Однако, необходимо учитывать проблемы, связанные с внедрением новых технологий, такие как необходимость качественного оборудования, защиты персональных данных и обучения сотрудников. Также важно установить контроль за выполнением стандартов аудиопотоколирования и необходимостью поддержки со стороны законодательных органов в вопросах финансирования и нормотворчества. К тому же данная отрасль еще только развивается, но в будущем обретет популярность и в этой области значительно улучшит судебный процесс.

Таким образом, аудиопотоколирование является важным шагом в модернизации судопроизводства и повышении его эффективности. Оно способствует укреплению доверия к судебной системе и защите прав участников процесса. Однако для успешного внедрения и использования аудиопотоколирования необходимо решить ряд проблем, связанных с финансированием, обучением сотрудников и контролем за внедрением системы.

Литература:

1. Яворский Д. Д. Аудиопотоколирование в гражданском процессе // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». 2019. № 4–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/audioprotokolirovanie-v-grazhdanskom-protsesse> (дата обращения: 23.12.2024).
2. Федорова, Д. Ю. Аудиопотоколирование в гражданском процессе / Д. Ю. Федорова // Актуальные вопросы развития частного права и цивилистического процесса в современных условиях: сборник материалов I Всероссийской конференции молодых учёных, Пермь, 12 декабря 2020 года. — Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2021. — С. 284–286.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 декабря 2012 г. N 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» Российской газете» от 19 декабря 2012 г. N 292
4. Кириллова Д. А., Крысанова О. А. Анализ проблем аудиопотоколирования судебного заседания // Международный студенческий научный вестник. — 2019. — № 4.

Проблематика в определении субъекта присвоения и растраты

Двизова Лидия Сергеевна, студент;
Недомец Дарья Евгеньевна, студент

Научный руководитель: Красущих Лидия Васильевна, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

Статья посвящена спорным вопросам, возникающим при определении субъекта преступления, предусмотренного статьей 160 УК РФ «Присвоение и растрата». Анализируются дополнительные признаки, характеризующие специального субъекта, и их толкование в судебной практике. Автор рассматривает различные точки зрения на понятие «вверенное имущество», а также исследует вопрос о субъектах присвоения и растраты, обладающих признаками должностного лица или лица, выполняющего управленческие функции в коммерческих организациях. В статье подмечаются ошибки, допускаемые правоприменителя при квалификации таких преступлений, и предлагает пути их устранения.

Ключевые слова: присвоение и растрата, специальный субъект преступления, вверенное имущество, должностное лицо, квалификация преступления.

Одним из ключевых аспектов уголовно-правовой квалификации присвоения и растраты (ст. 160 УК РФ) является правильное определение специального субъекта преступления. Однако в правоприменительной практике наблюдается неоднозначность в его толковании, что нередко приводит к судебным ошибкам и нарушению принципа законности. Разное толкование специального субъекта создают риски неправильной квалификации деяний, что, в свою очередь, может негативно отражаться как на эффективности уголовного преследования, так и на гарантиях защиты прав граждан.

В рассматриваемой норме законодатель характеризует специальный субъект присвоения и растраты только тем, что виновному лицу должно быть вверено чужое имущество. Однако, неоднозначно определяется, что следует понимать под вверенным имуществом. Большинство исследователей отмечают, что ключевым моментом является то, каким образом и в каких обстоятельствах имущество было передано, а также какие права и обязанности возлагаются на лицо, которому доверили это имущество [1].

Судебная практика предлагает считать имущество вверенным при обстоятельствах, когда лицо является его фактическим обладателем либо имущество находится в его ведении через лиц, находящихся в его подчинении. При этом ключевое значение имеет наличие у виновного конкретных правомочий в отношении имущества — таких как управление, распоряжение, доставка или хранение. Эти правомочия возникают на основании должностных обязанностей, договорных отношений или специального поручения, исходящего от собственника либо законного владельца имущества.

Б. В. Волженкин, З. А. Незнамова, А. Ю. Чупрова подмечают: чтобы признать имущество вверенным, нужно установить, что он является его фактическим обладателем, «держателем» [2]. Необходимо, чтобы субъект на определенном правовом основании владел этим имуществом, осуществлял в отношении его соответствующие правомочия».

Мы также согласны с мнением Воробьевой И. В., что «Специальным субъектом присвоения и растраты является «материально ответственное лицо, которому имущество, являющееся предметом хищения, вверено его собственником или владельцем по документу. Оно может быть как должностным (заведующий складом, комендант общежития и др.), так и не должностным (продавец, шофер-экспедитор и т. д.)». [3] Помимо должностных и не должностных категорий, стоит обратить внимание на то, что такие лица играют критически важную роль в системе управления и обеспечения сохранности имущества.

Важно учитывать, что лицо, несущие ответственность за материальные ценности, начинает свою обязанность не с момента фактической передачи имущества в законное владение, а с момента подписания письменного соглашения о полной материальной ответственности или получения разовой доверенности либо иного документа, подтверждающего право на получение товарных запасов. [4] Что касается самих переданных материалов, они считаются вверенными виновному только с момента их фактической передачи, даже если данная передача не была должным образом оформлена документально.

Анализ уголовных дел, связанных с преступлениями против собственности через незаконное присвоение или растраты, показывает, что большая часть таких хищений происходит в сфере трудовых отношений. В этих случаях имущество передается виновному в рамках его профессиональных обязанностей, таких как хранение, продажа или получение товарно-материальных ценностей. Обычно с работниками подписывается договор о полной материальной ответственности. Однако это не исключает возможности того, что с точки зрения уголовного права данное лицо может рассматриваться как субъект преступления, связанного с присвоением или растратой.

Исследователи в своих работах часто приводят пример, когда бригадой работников был заключен договор о полной материальной ответственности за переданные им под отчет товары. Проведенная ревизия выявила значительную недостачу. Работники решили совместными

усилиями восполнить эту недостачу. Однако гражданин Н. отказался это делать. Суд, удовлетворяя иск частично, указал, что на момент заключения договора о полной материальной ответственности и возникновения недостачи Н. была несовершеннолетней, и администрация не имела права заключать с ней такой договор. В данном примере имущество фактически было доверено Н., и в случае присвоения ею вверенных товарно-материальных ценностей, она должна нести ответственность по статье 160 УК РФ, несмотря на то, что не являлась материально-ответственным лицом. Основанием для признания имущества вверенным виновному является не договор о полной материальной ответственности, не разовая доверенность, а только факт передачи имущества во владение лицу для осуществления в отношении этого имущества правомочий, вытекающих из трудовых обязанностей виновного.

Субъект, данной нормы должен обладать признаками должностного лица [5], предусмотренными в примечании 1 к статье 285 УК РФ, признаками государственных или муниципальных служащих, не являющихся должностными лицами, а также иных лиц, отвечающих требованиям, предусмотренным в примечании 1 к статье 201 УК РФ (лица, которые используют для совершения хищения чужого имущества путем присвоения или растраты свои служебные полномочия, включающие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности в коммерческой организации).

Примером может послужить Приговор Киевского районного суда г. Симферополь по делу № 1–51/2024 1–555/2023 от 14 февраля 2024 г.: В городской больнице № 5 возникла ситуация, когда санитарка С. была обвинена в присвоении дорогостоящих медикаментов, которые находились в ведении младшей медсестры К. Следственные органы изначально квалифицировали действия С. как кражу по статье 158 УК РФ, аргументируя это тем,

что санитарка не является должностным лицом и не обладает организационно-распорядительными функциями, поскольку формально младшая медсестра подчиняется старшей медсестре отделения, а не санитарке. Однако городской суд, изучив материалы дела, вернул его на дополнительное расследование, указав на необходимость пере-квалификации на часть 3 статьи 160 УК РФ (присвоение или растрата с использованием служебного положения). Суд установил, что, несмотря на отсутствие прямого подчинения младшей медсестры санитарке, последняя фактически давала указания К. по распределению медикаментов и контролировала их выдачу, что свидетельствует о выполнении ею организационно-распорядительных функций. Суд подчеркнул, что наличие таких функций не зависит от количества подчиненных или формальной иерархии, а определяется реальным объемом полномочий и характером выполняемых обязанностей. Таким образом, решение суда представляется обоснованным, поскольку фактическое осуществление С. контроля за распределением медикаментов указывает на злоупотребление служебным положением, регламентировано ч.3 ст.160 УК РФ.

Следовательно, субъектами преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 160 УК РФ, могут быть лица, которым имущество передано по разовым поручениям, договорам о полной материальной ответственности, трудовым договорам и соглашениям, приложенным к ним, гражданско-правовым договорам, за исключением должностных лиц и лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих или иных организациях. По ч. 2 ст. 160 УК РФ к ответственности должны привлекаться должностные лица и лица, выполняющие управленческие функции в коммерческих или иных организациях, в распоряжении, управлении которых находится имущество. Решение изложенных вопросов позволит облегчить квалификацию присвоения и растраты с учетом особенностей субъекта преступления.

Литература:

1. Ступина, С. А. Присвоение или растрата: отдельные вопросы квалификации / С. А. Ступина, М. В. Пальчик // Современное право. — 2018. — № 6. — С. 109–113.
2. Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации. Ростов-на-Дону, 1996. С. 375; Уголовное право. Особенная часть. С. 224; Научно-практический комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации. В 2-х т. Т. 1. Н.-Н.: Номос, 1996. С. 422.
3. Воробьева И. В. Спорные вопросы по понятию субъекта присвоения и растраты // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spornye-voprosy-po-ponyatiyu-subekta-prisvoeniya-i-rastraty> (дата обращения: 10.04.2025).
4. Бакрадзе, А. А. Уголовно-правовая характеристика основного состава присвоения и растраты / А. А. Бакрадзе // Российский следователь. — 2004. — № 11. — С. 13–17.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. N 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» Российская газета от 11 декабря 2017 г. N 280 URL: <https://base.garant.ru/71823288/> (дата обращения: 13.12.2024).
6. Приговор Киевского районного суда г. Симферополь по делу № 1–51/2024 1–555/2023 от 14 февраля 2024 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ixaOtE0KogNJ/> (дата обращения: 01.04.2025).

Особенности рассмотрения споров о восстановлении на работе лица, уволенного по инициативе работодателя за совершение дисциплинарного проступка

Двизова Лидия Сергеевна, студент;

Недомец Дарья Евгеньевна, студент

Научный руководитель: Замрыга Дарья Викторовна, старший преподаватель

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В современном мире вопросы, связанные с трудовыми отношениями, становятся все более актуальными. Одной из наиболее спорных ситуаций является увольнение на работе по инициативе работодателя за совершение дисциплинарного проступка. В таких случаях возникает необходимость рассмотрения споров о восстановлении на работе лица, уволенного по указанной причине. В статье будут изучены особенности рассмотрения таких трудовых споров, правовые аспекты и возможные пути разрешения конфликтов между сторонами. Важно понимать, что данная тема имеет огромное значение для обеих сторон — как для работодателей, так и для работников, и требует глубокого понимания и внимания к каждому случаю.

Ключевые слова: трудовой спор, дисциплинарный проступок, восстановление на работе, разрешение трудовых споров.

Исследуя данные статистической отчетности в 2023 году, было рассмотрено около 3860 дел, из которых удовлетворенно 2274 [6]. В сравнении с 2022 годом этот показатель несколько снизился, что свидетельствует о более строгом подходе к рассмотрению таких споров со стороны судов. Возможными причинами могут быть: улучшение взаимодействия между сторонами конфликта, а также повышение требований к доказательной базе. Изучим подробнее процедуру рассмотрения данных трудовых споров.

Согласно Трудовому законодательству Российской Федерации за совершение дисциплинарного проступка, т. е. неисполнение или ненадлежащее исполнение работником по его вине возложенных на него трудовых обязанностей, работодатель имеет полное право применить такие общеизвестные дисциплинарные взыскания как замечание, выговор или увольнение по соответствующим основаниям. Взыскания, которые не предусмотрены федеральными законами, уставами и положениями о дисциплине, не назначаются. Принимается во внимание тяжесть совершенного проступка и обстоятельства, при которых он был совершен. Необходимо помнить, что за каждый дисциплинарный проступок может быть применено только одно дисциплинарное взыскание. Любое дисциплинарное взыскание может быть обжаловано работником в государственную инспекцию труда и (или) органы по рассмотрению индивидуальных трудовых споров [1].

Работодатель может уволить своего работника по ряду причин, обозначенных в перечне приказа Роструда от 11.11.2022 № 253 «Об утверждении Руководства по соблюдению обязательных требований трудового законодательства» [4]. Так, работник может потерять свою должность за: неисполнение без уважительных причин должностных обязанностей; отсутствие на рабочем месте без уважительных причин в течение рабочего дня (смены) или отсутствие на рабочем месте без уважительных причин более 4 часов подряд в течение рабочего дня (смены); по-

явление на работе в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения и т. д.

Разберем конкретное решение городского суда. Гражданка М. обратилась в суд к АО «...о признании незаконными распоряжений о дисциплинарных взысканиях и приказа об увольнении [5]. Истец просил восстановить его на работе, взыскать средний заработок за время вынужденного прогула и компенсацию морального вреда. Распоряжениями работодателя к нему были применены дисциплинарные взыскания и меры материального воздействия. Истец не согласен с этими распоряжениями, считая их незаконными, и утверждает, что дисциплинарного проступка не было, а снижение премии не является мерой дисциплинарного взыскания. У него не были затребованы письменные объяснения, и он был повторно привлечен к ответственности за одно и то же событие. В день увольнения не произведен окончательный расчет, не выплачены премии. Суд установил, что дисциплинарные взыскания применены с ошибкой в процедуре и не соответствуют характеру нарушений, признал распоряжения и приказ об увольнении незаконными и обязал ответчика восстановить истца на работе. Суд также обязал ответчика выплатить истцу средний заработок за время вынужденного прогула и компенсацию морального вреда.

Анализ практики выявил типичные проблемы, с которыми сталкивается правоприменитель: несоблюдение порядка наложения дисциплинарных проступков; повторное привлечение к ответственности за одно и то же событие; несоблюдение работодателем сроков и процедуры привлечения к ответственности; не ознакомление работника с локальными нормативными актами, что равнозначно с неисполнением им трудовых обязанностей; отсутствие доказательств дисциплинарного проступка.

При рассмотрении дела о восстановлении на работе лица, уволенного по инициативе работодателя за совершение дисциплинарного проступка, необходимость доказывания наличия законного основания увольнения и со-

блюдения установленного порядка увольнения возлагается на работодателя (абзац первый пункта 23 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»). Работодателю необходимо представить доказательства, свидетельствующие не только о том, что работник совершил дисциплинарный проступок, но и о том, что при наложении взыскания учитывались тяжесть этого проступка и обстоятельства, при которых он был совершен (часть пятая статьи 192 Трудового кодекса Российской Федерации), а также предшествующее поведение работника, его отношение к труду. Работодателю необходимо соблюсти установленный законом порядок применения к работнику дисциплинарного взыскания, в том числе — затребовать у работника письменное объяснение [2].

Непредставление работником объяснения не является препятствием для применения дисциплинарного взыскания. Дисциплинарное взыскание применяется не позднее одного месяца со дня обнаружения проступка, не считая времени болезни работника, пребывания его в отпуске, а также времени, необходимого на учет мнения представительного органа работников. Приказ (распоряжение) работодателя о применении дисциплинарного взыскания объявляется работнику под роспись в течение трех рабочих дней со дня его издания, не считая времени отсутствия работника на работе по уважительным причинам. Если работник отказывается ознакомиться с указанным приказом (распоряжением) под роспись, то составляется соответствующий акт.

При разрешении споров по п. 5 ч. 1 ст. 81 ТК РФ (неоднократное неисполнение без уважительных причин трудовых обязанностей), следует учитывать, что работодатель вправе расторгнуть трудовой договор по данному основанию при условии, что к работнику ранее было при-

менено дисциплинарное взыскание. Необходимо, чтобы на момент повторного неисполнения им трудовых обязанностей без уважительных причин, оно не было снято или погашено. Применение к работнику нового дисциплинарного взыскания, в том числе и увольнения по п. 5 ч. 1 ст. 81 ТК РФ, допустимо также, если неисполнение или ненадлежащее исполнение по вине работника возложенных на него трудовых обязанностей продолжалось, несмотря на наложение дисциплинарного взыскания.

До применения дисциплинарного взыскания от работника должны быть затребованы письменные объяснения. При необходимости работодатель проводит служебное расследование указанных в объяснении работника сведений с вынесением соответствующего заключения по его результатам.

Если в приказе об увольнении по п. 5 ч. 1 ст. 81 ТК отсутствует указание на конкретный дисциплинарный проступок, явившийся поводом для применения конкретной меры дисциплинарного взыскания, то суд не вправе при рассмотрении дела о восстановлении на работе самостоятельно определять, в чем заключается допущенное нарушение трудовых обязанностей.

Подводя итоги, отметим, что разрешение трудовых споров о восстановлении работника на работе обладает рядом специфических особенностей, которые имеют важное значение для эффективного правоприменения. Эти споры требуют глубокого анализа обстоятельств дела. Несмотря на усилия по совершенствованию законодательства, в правоприменительной практике продолжают возникать проблемы, связанные с нарушением установленных процедур и недостаточностью доказательств. Эти аспекты следует учитывать при проведении реформ в сфере трудового права, чтобы повысить защиту прав работников и обеспечить справедливое разрешение трудовых споров.

Литература:

1. Демидов, Н. В. Увольнение по инициативе работодателя: специальность 12.00.05 «Трудовое право; право социального обеспечения»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Демидов Николай Вольфович. — Томск, 2009. — 229 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37252806> (дата обращения: 04.03.2025).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 N 2 (ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» \URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_47257/ (дата обращения: 04.03.2025)
3. «Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прекращением трудового договора по инициативе работодателя» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 09.12.2020) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370386/ (дата обращения: 04.03.2025).
4. Приказ Роструда от 11.11.2022 N 253 «Об утверждении Руководства по соблюдению обязательных требований трудового законодательства URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_440271/?ysclid=m7ubqik88u925066767 (Дата обращения: 04.03.2025).
5. Решение № 2–2812/2023 2–2812/2023–М-2417/2023 М-2417/2023 от 25 октября 2023 г. по делу № 2–2812/2023 URL: <https://sudact.ru/regular/doc/am5G90nLdNZw/> (дата обращения: 04.03.2025).
6. Судебная статистика URL: <https://stat.api-пресс.пф/stats/gr/t/22/s/22> (дата обращения: 04.03.2025).

История развития трасологии

Долгова Юлия Алексеевна, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Трасология как раздел криминалистики играет ключевую роль в расследовании преступлений, обеспечивая идентификацию объектов и лиц по следам. Статья посвящена истории развития трасологии, начиная с донаучного периода и заканчивая современными технологическими достижениями. Рассматриваются ключевые этапы: зарождение эмпирических методов, становление научной дисциплины в XIX–XX веках, институционализация в советский период и внедрение цифровых технологий в XXI веке. Анализируется вклад ученых и перспективы развития трасологии.

Ключевые слова: трасология, криминалистика, следы, экспертиза, история, технологии, расследование.

Цель статьи — проследить эволюцию трасологии, выделить ключевые этапы ее развития и показать вклад ученых в формирование дисциплины. Задачи включают анализ донаучных практик, этапов становления научной базы, достижений советского периода и современных тенденций.

Исследование опирается на исторический и сравнительный методы, позволяющие выявить закономерности развития трасологии и ее значение для криминалистики. Актуальность темы обусловлена ростом сложности преступлений и необходимостью совершенствования методов трасологической экспертизы.

1. Зарождение трасологии: донаучный период

Истоки трасологии уходят в глубокую древность, когда следы использовались для решения практических задач. В первобытных обществах охотники и следопыты анализировали следы животных и людей, определяя направление движения или принадлежность к группе. Археологические находки свидетельствуют, что в Древнем Китае (около 700 г. до н. э.) отпечатки пальцев на глиняных табличках служили для идентификации личности, что можно считать ранним примером трасологического подхода [3]. В Древнем Риме следы ног и повозок использовались для реконструкции маршрутов, а в Индии отпечатки рук включались в юридические документы.

Юридические памятники также содержат упоминания о следах. Китайский трактат «Си юань цзи лу» (XIII век) описывал методы осмотра следов на месте преступления, включая анализ ранений для определения орудия убийства. В Европе до Средневековья следы рассматривались эмпирически: судебные разбирательства опирались на показания свидетелей, а следы (например, следы обуви) редко фиксировались систематически.

Донаучный период характеризуется отсутствием теоретической базы и методологии. Знания о следах передавались устно, а их использование ограничивалось наблюдательностью отдельных лиц. Тем не менее, эти практики заложили основу для будущей науки, показав, что следы несут информацию о событиях и могут служить доказательствами.

2. Становление научных основ (XIX — начало XX века)

Рождение трасологии как науки связано с развитием криминалистики в XIX веке. Промышленная революция

и рост преступности в городах потребовали новых методов расследования. Австрийский юрист Ганс Гросс, автор книги «Руководство для судебных следователей», заложил основы криминалистики, подчеркнув важность систематического анализа следов. Гросс рассматривал следы как «немых свидетелей», способных раскрыть детали преступления при правильном изучении.

Французский криминалист Эдмон Локар сформулировал в начале XX века принцип обмена веществ: «Каждый контакт оставляет след» [1]. Этот принцип стал теоретической основой трасологии, объясняя, почему следы (будь то отпечатки, царапины или микрочастицы) несут информацию о взаимодействии объектов. Локар также разработал методы анализа микроследов, включая пыль и волокна, что расширило возможности трасологии.

В этот период активно развивались технологии фиксации следов. Введение фотографии позволило документировать отпечатки пальцев и следы обуви с высокой точностью. Английский ученый Фрэнсис Гальтон в 1892 году опубликовал работу «Отпечатки пальцев», систематизировав их классификацию, что стало основой дактилоскопии — важной части трасологии [7]. Появление микроскопов улучшило анализ микрообъектов, а стандартизация процедур сбора следов повысила их доказательную ценность в судах.

К началу XX века трасология оформилась как самостоятельная дисциплина, хотя термин «трасология» еще не использовался повсеместно. Ученые и практики начали разрабатывать классификации следов (например, следы давления, скольжения, отображения), что стало важным шагом к институционализации науки.

3. Советский период: институционализация трасологии

В СССР трасология получила мощный импульс развития благодаря государственной поддержке криминалистики. В 1920–1930-е годы создавались специализированные институты и лаборатории, занимавшиеся изучением следов. Советский криминалист С. М. Потапов в 1938 году опубликовал работу «Введение в криминалистику» [1], где подробно описал методы трасологической экспертизы, включая анализ следов обуви, орудий взлома и транспортных средств. Потапов разработал классификацию следов, которая легла в основу обучения экспертов.

Другой выдающийся ученый, Б. И. Шевченко, внес вклад в изучение динамики образования следов. Его исследования помогли понять, как свойства материала (например, металла или дерева) влияют на характер следов, что позволило повысить точность идентификации орудий преступления. В 1940–1950-е годы в СССР были созданы стандартные методики трасологической экспертизы, включая гипсовое литье для фиксации объемных следов и химические методы выявления скрытых отпечатков.

Важным достижением советского периода стало внедрение трасологии в судебную практику. Экспертизы по следам стали обязательной частью расследований тяжких преступлений, а подготовка экспертов-трасологов велась в специализированных учреждениях, таких как Всесоюзный институт юридических наук. Несмотря на политические ограничения, советская трасология достигла высокого уровня, а ее методики экспортировались в страны социалистического блока.

4. Современный этап: технологии и новые горизонты

В XXI веке трасология переживает технологическую революцию. Цифровые технологии радикально изменили методы сбора, анализа и хранения следов. 3D-сканирование позволяет создавать точные модели объемных следов (например, следов шин или обуви) с сохранением мельчайших деталей. Программное обеспечение для анализа отпечатков пальцев, такое как AFIS (Automated Fingerprint Identification System), автоматизировало процесс сравнения, сократив время идентификации с дней до минут [4].

Микроскопия высокого разрешения и спектроскопия расширили возможности анализа микроследов. Например, масс-спектрометрия позволяет определять химический состав частиц, оставленных на месте преступления, что помогает установить происхождение

материалов. Внедрение искусственного интеллекта в трасологию открывает новые перспективы: нейросети способны выявлять закономерности в следах, недоступные человеческому глазу [5].

Однако современная трасология сталкивается с вызовами. Рост киберпреступности снижает значение традиционных физических следов, требуя разработки методов анализа цифровых трасс (например, метаданных).

Кроме того, глобализация преступности усложняет стандартизацию трасологических процедур между странами. Перспективы развития связаны с интеграцией трасологии с другими науками, такими как генетика (анализ ДНК в следах) и материаловедение, а также с обучением экспертов новым технологиям.

История трасологии отражает эволюцию человеческого мышления — от интуитивного наблюдения следов до создания сложной научной дисциплины.

Донаучный период заложил эмпирическую базу, XIX век стал временем становления научных основ, советский период институционализировал трасологию, а современные технологии вывели ее на новый уровень. Вклад ученых, таких как Гросс, Локар, Потапов и Шевченко, сформировал трасологию как неотъемлемую часть криминалистики.

Сегодня трасология остается востребованной благодаря способности адаптироваться к новым вызовам. Ее будущее связано с развитием технологий, междисциплинарным подходом и совершенствованием подготовки экспертов.

Дальнейшие исследования должны сосредоточиться на интеграции цифровых и традиционных методов, а также на создании глобальных стандартов трасологической экспертизы, чтобы обеспечить ее эффективность в борьбе с преступностью.

Литература:

1. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. — М.: Норма, 2023. — 384 с.
2. Егоров Н. Н. Трасология в криминалистике: современные методы и технологии. — М.: Юрайт, 2024. — 412 с.
3. Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика: учебник для вузов. — М.: Проспект, 2022. — 512 с.
4. Козлов В. В. Трасологическая экспертиза: новые подходы к идентификации следов. — СПб.: Питер, 2023. — 296 с.
5. Майлис Н. П. Развитие методов трасологии в цифровую эпоху // Вестник криминалистики. — 2023. — № 4. — С. 45–53.
6. Ристенбатт М. П. Трасология и ее роль в современных forensic science // Journal of Forensic Sciences. — 2022. — Vol. 67, № 3.
7. Самищенко С. С. Криминалистическое исследование следов: теория и практика. — М.: Эксмо, 2024. — 320 с.

Особенности конституционно-правового статуса республики как субъекта Российской Федерации

Долматов Илья Алексеевич, студент;

Безлепкин Егор Анатольевич, студент;

Котов Игорь Вячеславович, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Республика — вид субъекта РФ, образованный по национальному признаку, обладающий особым конституционно-правовым статусом. Республика является государственно подобным образованием, входящим на правах субъекта в Российскую Федерацию, при этом не является суверенным государством, не обладает всеми признаками государства.

Статус республики определяется конституцией республики и Конституцией РФ, в соответствии со статьей 66 Конституции России.

Республики, в отличие от других субъектов, в качестве основного закона субъекта принимают конституцию.

Некоторые исследователи отмечают филологическое превосходство термина «конституция» над «уставом». Также они говорят о том, что сам факт наделения Конституцией РФ республик дополнительным правом свидетельствует об их выделении из числа прочих субъектов, правда, следует отметить, что только в девяти субъектах РФ, выделенных по национально-государственному принципу, титульная народность составляет большинство населения. В целом приращение языкам республик статуса «государственного» опять же свидетельствует о привилегированности этого вида субъекта РФ по сравнению с остальными [1].

Стоит с этим не согласиться, так как семантическое значение слов никак не влияет на окружающую нас действительность. Это всего лишь форма, но содержание явления гораздо важнее.

На данный момент в состав РФ входит 24 республики, большинство из них образовано по национальному признаку, и преобразованы в республики в составе РФ в 1990–1993 годах из автономных советских социалистических республик, автономных областей.

Также стоит отметить, что из ряда работ 1990-х годов можно сделать вывод о том, что в то время положение республик было гораздо более привилегированным: в конституциях республик закреплялось право выхода; двойное гражданство; провозглашение законодательного органа субъекта — высшим; норма о том, что президент республики — глава государства, исполнительной власти и высшее должностное лицо; положение о субъекте, как суверенном государстве [2].

Отличительной чертой республик является наличие столиц, как административного центра. Это лишний раз подчеркивает «государственный» образ республики в составе РФ. Примером послужит столица Республики Саха (Якутия) — город Якутск. В законе Республики Саха

(Якутия) от 29 октября 1999 года закреплены положения, согласно которым административным центром является город республиканского подчинения — Якутск, столица Республики Саха.

Ранее в некоторых республиках в составе РФ высшими должностными лицами, возглавлявшими систему исполнительных органов субъектов, были президенты республик. Подобная практика на данный момент прекращается. В части 5 статьи 20 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ» закреплено, что глава субъекта, как высшее должностное лицо может иметь дополнительное наименование с учетом сложившихся исторических, культурных и иных традиций, но не может быть президентом. «Последним президентом республики» в составе РФ был президент Республики Татарстан Рустам Нургалиевич Минниханов.

В соответствии с решением Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2000 г. № 10-П использование в части 2 статьи 5 Конституции РФ применительно к установленному ею федеративному устройству понятия «республика (государство)» не означает — в отличие от Федеративного договора от 31 марта 1992 г. — признания государственного суверенитета этих субъектов Российской Федерации, а лишь отражает определенные особенности их конституционно-правового статуса, связанные с факторами исторического, национального и иного характера.

Согласно статье 68 Конституции Российской Федерации, республики вправе устанавливать свои государственные языки, которые могут использоваться наряду с русским языком: в органах государственной власти, местного самоуправления, в государственных учреждениях республик; при опубликовании федеральных и республиканских правовых актов; при подготовке и проведении выборов и референдумов РФ, в том числе при изготовлении бюллетеней для голосования; в официальном делопроизводстве на территории республики; при оформлении текстов документов; в республиканских средствах массовой информации; при переводе и дублировании кино- и видеопроизведений; при написании наименований географических объектов и оформлении надписей, дорожных и иных указателей. Но республики не должны устанавливать специальные требования к знанию государственных языков республик в качестве условия приобретения пассивного избирательного права, в том числе при выборах главы государства.

Так в Республике Крым государственными языками являются русский, украинский и крымско-татарский, а в

городе федерального значения Севастополь — русский язык.

В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 16 ноября 2004 г. государственные языки республик признаются одним из элементов конституционного статуса, который определяется Конституцией Российской Федерации. [3]

В связи с формальным определением республики в составе РФ в качестве государства возникает вопрос о республиканском гражданстве. [4] Конституция РФ, закрепляя принцип единого и равного гражданства России, определяя предметы совместного ведения РФ и её субъектов, об институте республиканского гражданства ничего не говорит. Более того, в пункте «в» статьи 71 КРФ гражданство отнесено к исключительному ведению РФ. Это означает, что регламентирование института гражданства осуществляется только ФЗ «О гражданстве», имеющим прямое действие на всей территории России, который в отличие от прежнего закона умалчивает о гражданстве республик в составе РФ. В определении КС РФ от 06.12.2001 [5], Суд указал, что Конституция РФ не предполагает какого-либо иного государственного суверенитета, помимо суверенитета России, и тем самым предопределил решение производного вопроса — о гражданстве республик, поскольку только суверенное государство правомочно законодательно закреплять, кто является его гражданином и каковы основания приобретения и прекращения гражданства. Исходя из данных принципов, был решён вопрос и о

гражданстве в «новых регионах». На примере ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Луганской Народной Республики» [6] следует это проиллюстрировать. Так, в соответствии с частью 1 статьи 5 данного закона, со дня принятия в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образования в составе Российской Федерации нового субъекта граждане Луганской Народной Республики, граждане Украины и лица без гражданства, постоянно проживавшие на этот день на территории Луганской Народной Республики или ранее постоянно проживавшие на указанной территории и выехавшие из Луганской Народной Республики в Российскую Федерацию, в том числе через территории третьих государств, а также их несовершеннолетние дети приобретают гражданство Российской Федерации в результате признания их гражданами Российской Федерации при условии принесения Присяги гражданина Российской Федерации.

Таким образом, данный статус республики, как субъекта РФ призван защищать политические и культурные интересы и традиции малых народов, в том числе на собственную государственность, хоть и ограниченную федеральным центром; утверждение их равноправия со всеми народами России. Кроме того, большинство республик являются наследницами АССР в составе РСФСР, потому существование их в современном виде в составе РФ можно признавать наследием советского федерализма.

Литература:

1. Н. Ш. Аджамян Статус республики как фактор асимметрии Российской Федерации / Российское правоведение. Трибуна молодого учёного. Выпуск 13, С. 22
2. Э. С. Юсубов Конституция республики в составе Российской Федерации / Актуальные вопросы правоведения в современный период. Выпуск 1996 года. С. 46
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.11.2004 № 16-П // КонсультантПлюс: надежная правовая поддержка. — М., 2025. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50298/ (дата обращения: 04.04.2025)
4. Эбзеев Б. С. Актуальные проблемы конституционного оправа России: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / [Б. С. Эбзеев и др.]; под ред. Б. С. Эбзеева. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. — 479 С.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 06.12.2001 № 255-О // КонсультантПлюс: надежная правовая поддержка. — М., 2025. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36523/ (дата обращения: 02.04.2025)
6. Федеральный конституционный закон от 04.10.2023 № 6-ФКЗ (ред. от 25.12.2023) «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Луганской Народной Республики» // КонсультантПлюс: надежная правовая поддержка. — М., 2025. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428184/ дата обращения: 03.04.2025)

Совершенствование таможенного контроля после выпуска товаров

Дунямалиева Лейла Ясиновна, студент

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В статье рассматриваются актуальные направления развития таможенного контроля после выпуска товаров в современных условиях. Проведен анализ эффективности показателей деятельности ФТС России, в том числе эффективности таможенных проверок и работы мобильных групп. Отдельное внимание уделено внедрению перспективным направлениям развития таможенного контроля после выпуска товаров как цифровой двойник и таможенный мониторинг, способствующих повышению результативности контрольных мероприятий.

Ключевые слова: таможенный контроль, таможенная проверка, мобильные группы, цифровой двойник, таможенный мониторинг.

В современных условиях таможенный контроль играет важнейшую роль в обеспечении безопасности государства, защите экономических интересов и контроле за перемещением товаров. Особую значимость приобретает контроль после выпуска товаров (далее — ТКПВТ), когда данные товары уже покинули зону прямого воздействия таможенных органов.

В рамках Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС), который объединяет Россию, Беларусь, Казахстан, Армению и Киргизию, организация и порядок применения таможенного контроля после выпуска товаров становится необходимым элементом содействия развитию внешнеэкономических отношений с третьими странами и обеспечения безопасности внутреннего рынка.

Совершенствование этого процесса имеет стратегическое значение для таможенных органов и участников внешнеэкономической деятельности (далее — ВЭД). Необходимость его оптимизации обусловлена рядом ключевых факторов:

- увеличением темпов пропуска товаров и транспортных средств через границы ЕАЭС при одновременном обеспечении высокого уровня качества и результативности таможенного администрирования;
- минимизацией финансовых рисков для добросовестных участников ВЭД;
- усилением борьбы с нарушениями таможенного законодательства, включая пресечение незаконного перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС, неде-

кларирования и недостоверного декларирования товаров, уклонения от уплаты таможенных платежей.

Основными направлениями таможенного контроля после выпуска товаров являются: проведение таможенных проверок участников ВЭД, выявление и пресечение незаконного ввоза и оборота товаров посредством деятельности мобильных групп ФТС России. Каждое из этих направлений имеют свои особенности организации в зависимости от поставленных задач.

Анализ эффективности таможенного контроля после выпуска товаров, выявил, что с 2017 году количество проводимых таможенных проверок в отношении участников ВЭД имеет тенденцию к сокращению (рис.1).

В 2023 году количество проводимых таможенных проверок сократилось на 55 %. Данная динамика свидетельствует о том, что снижается административная нагрузка на участников ВЭД. Динамика доначисленных таможенных платежей, штрафов и пеней имеет тенденцию к увеличению (рис.2).

В 2024 году наблюдался самый значительный прирост — на 57 % %, достигнув 43,2 млрд. руб. [1]

Проанализировав показатели деятельности мобильных групп ФТС России, выявлено, что за исследуемый период динамика обнаружения транспортных средств, перевозящих товары с нарушением, в ходе проверочных мероприятий мобильных групп ФТС России является положительной (рис.3). Данный показатель характеризует увеличение эффективности деятельности мо-

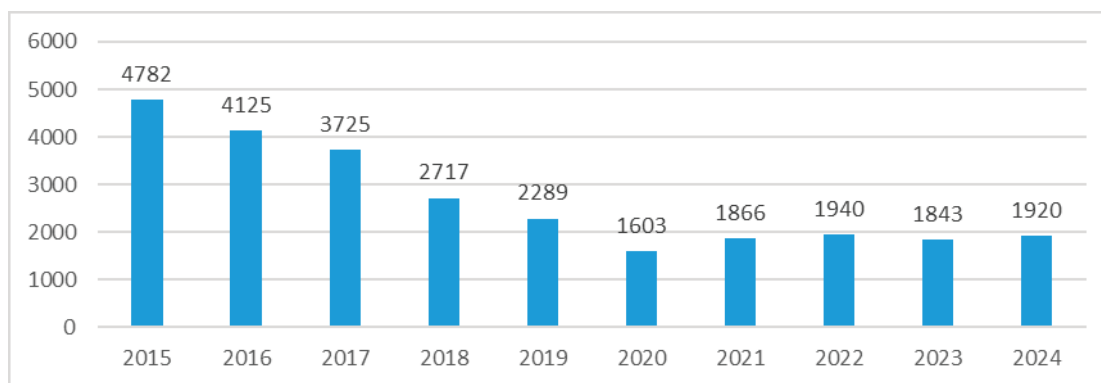

Рис. 1. Количество проведенных таможенных проверок участников ВЭД в 2016–2024 гг., ед. [1]

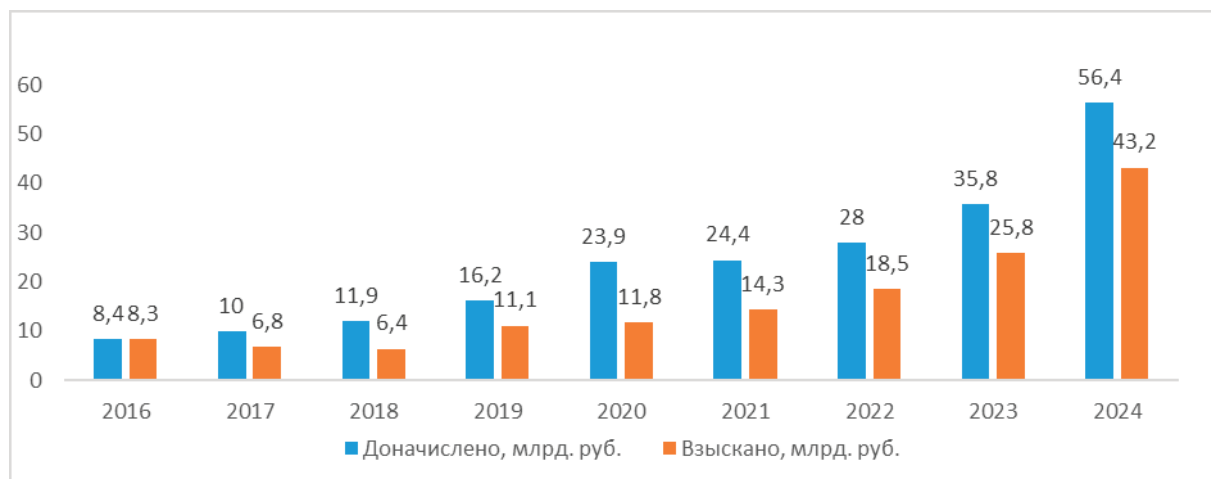

Рис.2. Объем доначисленных и взысканных таможенных платежей, штрафов и пеней по результатам таможенных проверок в 2016–2024 гг., млрд. руб. [1]

бильных групп ФТС РФ. Динамика объема выявленных товаров с нарушениями в ходе проверочных мобильных групп ФТС России в 2016–2024 гг. была положительной, за исключением 2020 и 2021 года, когда объем выявленных товаров с нарушением сократился на 26,8 %.

Необходимость совершенствованию деятельности по проведению ТКПВТ путем внедрения новых технологий обозначена в стратегическом документе «Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года» (далее — Стратегия 2030) [2].

Стратегия 2030 определяет новые направления совершенствования, которые включают использование автоматизированных технологий в целях выбора объектов проверочных мероприятий, реализацию сквозного контроля товаров с использованием системы прослеживаемости, применение таможенного мониторинга и таможенного аудита, а также добровольных систем оценок соответствия участника ВЭД таможенному законодательству [2].

Внедрение технологии «цифровых двойников» и системы таможенного мониторинга представляют собой важные шаги в улучшении организации и совершенствовании таможенного контроля после выпуска товаров. Эти инновации не только повысят точность отбора объектов

для контроля, но и позволят оперативно реагировать на потенциальные нарушения таможенного законодательства.

Цифровые двойники в таможенном контроле представляют собой совокупность технологий, направленных на создание динамической виртуальной модели (профиля) подконтрольного лица — участника внешнеэкономической деятельности. Такой профиль формируется на основе комплексного анализа информации, поступающей из различных источников: данных таможенного декларирования, сведений о финансово-хозяйственной деятельности, информации от государственных органов, а также открытых и коммерческих источников. Цель технологии — максимально точно воссоздать цифровую копию поведения реального субъекта ВЭД в условиях внешнеэкономической деятельности [3, с. 26].

В отличие от традиционных методов оценки рисков, цифровой двойник позволяет отслеживать и прогнозировать поведение субъекта в реальном времени, выявлять потенциальные отклонения от типовой модели поведения добросовестного участника ВЭД и тем самым повышать эффективность системы управления рисками. Это достигается за счёт применения математического моделиро-

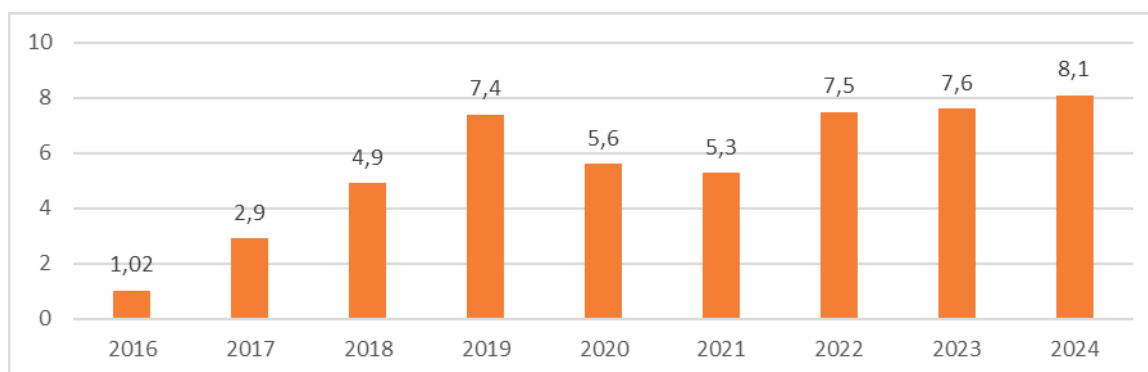

Рис. 3. Динамика количества обнаруженных транспортных средств, перевозящих товары с нарушением, в ходе проверочных мероприятий мобильных групп ФТС России в 2016–2024 гг., тыс. ед. [1]

вания, анализа временных рядов и машинного обучения, что позволяет учитывать множество параметров — более 70 критериев, включающих маршруты поставок, структуру контрактов, характер и частоту декларируемых товаров, налоговую нагрузку, связи с другими компаниями и т. д. [3, с. 27]

Суть таможенного мониторинга заключается в постоянном дистанционном контроле за деятельностью участника ВЭД. Участники эксперимента обязаны передавать в таможенным органам определённый перечень сведений из собственных систем учёта. Этот перечень строго регламентирован Постановлением № 240 [4] и включает данные о товарах, страной происхождения которых является иностранное государство (за исключением государств-членов ЕАЭС), ввезённых по процедуре выпуска для внутреннего потребления. Передаваемая информация в автоматиче-

ском режиме сверяется с данными ЕАИС ТО. В случае выявления расхождений между отчётными сведениями и данными таможенных деклараций, участнику мониторинга будет направлено уведомление о наличии потенциальных рисков. Организация, в свою очередь, получает возможность самостоятельно проанализировать выявленные расхождения и принять меры по устранению возможных нарушений, не дожидаясь формальной проверки [5, с. 148].

В целом, эти новые подходы открывают путь к более прозрачной и эффективной таможенной практике, способствуя снижению рисков для бизнеса. Стратегические шаги, предпринятые в рамках «Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года», подтверждают стремление к современным и эффективным методам контроля, что является важным фактором для развития экономики и обеспечения безопасности государства.

Литература:

1. Ежегодный сборник Таможенная служба Российской Федерации // Режим доступа URL: <https://customs.gov.ru/activity/results/ezhegodnyj-sbornik-tamozhennaya-sluzhba-rossijskoj-federaczii>(дата посещения: 09.04.2025).
2. Распоряжение Правительства РФ от 23.05.2020 № 1388-р «Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года»// Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 27.05.2020.
3. Давыдов Р. В. Технология «цифрового двойника» как основа выбора объектов таможенного контроля после выпуска товаров //Вестник Российской таможенной академии. 2020. № 3 (52). С. 25–32.
4. Постановление Правительства РФ от 16.02.2023 № 240 «О проведении эксперимента по мониторингу таможенными органами сведений, имеющихся в их распоряжении и полученных от лиц, участвующих в данном эксперименте, из систем учета товаров»// Официальный интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 20.02.2023
5. Трегубов А. Н., Сергеев И. В. Выявление особенностей современного состояния таможенного контроля товаров на основе использования технологий таможенного мониторинга//Кузнечно-штамповочное производство. Обработка материалов давлением. 2024. № 6. С. 148

Презумпция невиновности и меры пресечения: баланс между эффективностью правосудия и правами личности

Исмагилова Карина Робертовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Хамитов Радик Накимович, кандидат юридических наук, доктор философских наук, профессор
Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета

Статья посвящена исследованию сложного соотношения между принципом презумпции невиновности и институтом меры пресечения в уголовном судопроизводстве. Автор, опираясь на нормативно-правовые положения, а также на элементы правовой доктрины и отечественной судебной практики, раскрывает внутреннее напряжение между задачами обеспечения публичного правопорядка и охраны прав личности. Особое внимание уделяется правовой природе меры пресечения как превентивной, а не карательной мере, а также рискам её трансформации в форму фактического наказания до вынесения приговора. В контексте утраты Россией юрисдикционной связи с Европейским судом по правам человека подчёркивается актуальность формирования самостоятельной национальной модели правосудия, способной обеспечивать высокий уровень защиты прав граждан на основе внутренней правовой культуры и конституционных ценностей. Автор аргументированно доказывает, что отказ от внешнего контроля не только не ослабляет гарантии презумпции невиновности, но и создаёт условия для развития зрелых, контекстуально обоснованных и доктринально выверенных форм судебного контроля за применением ограничительных мер. В работе подчёркивается необходимость усиления роли правовой мотивации судебных решений, развития альтернативных мер пресечения и укрепления доверия к уголовному правосудию как к институту, служащему не цели устрашения, а утверждению справедливости.

Ключевые слова: презумпция невиновности, мера пресечения, уголовное судопроизводство, судебная мотивация, правовой суверенитет.

В основе уголовного судопроизводства лежит сложная система взаимосвязанных принципов, среди которых особое место занимает презумпция невиновности — формула, закреплённая в статье 49 Конституции Российской Федерации и глубоко укоренённое в правосознании демократического общества основание уголовной политики. Однако, как это ни парадоксально, именно в практическом измерении избрания меры пресечения наиболее отчётливо проявляется напряжение между данным принципом и необходимостью обеспечения эффективности уголовного преследования. Данный конфликт, носящий подчас латентный характер, становится особенно заметным в тех случаях, когда суду приходится балансировать между недопущением произвола и необходимостью своевременного реагирования на потенциальные риски, связанные с поведением подозреваемого или обвиняемого.

Презумпция невиновности — это гарантия справедливого отношения к личности и неотъемлемый элемент правовой онтологии, призванный защитить человека от произвольного вмешательства государства до того момента, пока его вина не будет установлена в предусмотренном законом порядке. И именно в этой точке пересекаются две правовые парадигмы: одна — направленная на защиту личности, другая — на реализацию публичных интересов в деле поддержания правопорядка. Мера пресечения, по своей правовой природе, является превентивной, а не карательной. Её назначение — не наказать, а предотвратить возможное воспрепятствование расследованию, сокрытие от правосудия или иные формы недобросовестного поведения. Однако де-факто, особенно при избрании наиболее жёстких мер — таких как заключение под стражу, она нередко трансформируется в квазинаказание, ещё до вынесения приговора.

Современная уголовно-процессуальная доктрина указывает на то, что меры пресечения должны назначаться лишь при наличии совокупности объективных данных, свидетельствующих о реальной, а не гипотетической возможности уклонения обвиняемого от следствия или суда, либо иного противоправного влияния на процесс. Однако в российской правоприменительной практике нередко наблюдается тенденция к формализации оснований, когда абстрактные формулы, такие как «возможно скроется», «может воспрепятствовать», подменяют собой подлинный анализ конкретных обстоятельств дела. Это влечёт снижение доверия к институту правосудия и подрывает сущностное содержание презумпции невиновности как процессуального щита личности.

Значительное внимание следует уделить правовой мотивации судебных актов при избрании меры пресечения — как проявлению зрелости правоприменительной практики и внутренней культуры юридического мышления. Российское уголовное судопроизводство традиционно исходит из принципа, согласно которому каждое ограничение сво-

боды личности должно быть строго обусловлено законом, подтверждено надлежащими доказательствами и мотивировано с учётом конкретных обстоятельств дела. Данный подход, основанный на глубокой правовой традиции и конституционно закреплённом уважении к правам человека, последовательно реализуется в судебной практике, несмотря на сложные вызовы времени [3, с. 12].

До 2022 года Россия признавала юрисдикцию Европейского суда по правам человека, в ряде случаев учитывая его позиции в сфере применения мер пресечения. Однако с марта 2022 года, в связи с прекращением членства в Совете Европы, Российская Федерация утратила формальную подчинённость ЕСПЧ, что стало логичным следствием курса на укрепление национального суверенитета и обеспечение внутренней правовой автономии. При этом сам факт выхода из-под юрисдикции ЕСПЧ не означает отказа от высоких правозащитных стандартов. Напротив, Россия стремится к формированию собственной модели правосудия, отвечающей её историко-правовым традициям, менталитету, особенностям государственной системы и при этом сохраняющей уважение к фундаментальным правам человека.

В контексте темы презумпции невиновности и применения мер пресечения это означает переход к суверенной правовой модели, в рамках которой обеспечивается самостоятельное формирование стандартов справедливости, без внешнего давления и политизированной интерпретации со стороны международных институтов. Судебная власть в Российской Федерации в этих условиях несёт ещё большую ответственность за обеспечение баланса между задачами уголовного преследования и защитой прав личности. И уже сегодня можно наблюдать развитие отечественной практики, где внимание к мотивировочной части судебных актов, учёт персонализированных характеристик обвиняемого и соблюдение принципа разумности меры становятся всё более устойчивыми тенденциями.

Таким образом, отказ от подчинения юрисдикции ЕСПЧ вовсе не свидетельствует о снижении правовых гарантий — напротив, он открывает возможности для более гибкого, адаптированного к национальному контексту подхода к реализации конституционных принципов, в числе которых презумпция невиновности занимает центральное место. В этой связи важно подчеркнуть, что российская правовая система обладает всеми необходимыми ресурсами — и нормативными, и институциональными — для того, чтобы эффективно обеспечивать права граждан, опираясь на собственную судебную практику, внутренние механизмы контроля и высокие стандарты юридической аргументации.

Немаловажную роль в проблематике соотношения презумпции невиновности и меры пресечения играет

также фактор общественного запроса на безопасность. В условиях роста криминальных угроз общество ожидает от государства оперативных, даже жёстких решений, и в этом контексте меры пресечения, особенно заключение под стражу, воспринимаются как демонстрация силы и контроля. Однако именно здесь правовому сообществу следует проявлять особую стойкость: задачи уголовной юстиции не могут решаться в угоду сиюминутной конъюнктуре, поскольку фундаментальные права не подлежат корректировке в зависимости от общественного настроения. Подмена презумпции невиновности презумпцией виновности на этапе предварительного расследования — это путь к деградации правового государства.

Следует признать, что альтернатива заключению под стражу существует и должна развиваться как в доктрине, так и в правоприменении. Домашний арест, залог, подписка о невыезде и иные меры — это инструменты, позволяющие сохранять баланс между интересами правосудия и личной свободой. Однако их применение зачастую сдерживается институциональной инерцией, отсутствием доверия к фигурантам дела, а также бюрократической боязнью понести репутационные издержки в случае не-

удачного исхода. Но именно отказ от чрезмерной карательности и переход к рациональной модели пресечения — признак зрелой правовой системы [4, с. 112].

Наконец, следует подчеркнуть, что реальное обеспечение презумпции невиновности возможно только в том случае, если каждый элемент уголовного судопроизводства — от следственного органа до судебной инстанции — будет исходить из принципа недопустимости произвольного ограничения прав. Презумпция — не ритуал, не формальность, она — ось, вокруг которой вращается вся конструкция правосудия. И чем чаще мы позволяем мерам пресечения становиться суррогатом обвинительного приговора, тем дальше отодвигается горизонт подлинной справедливости.

Таким образом, задача правоприменителя — не просто соблюсти баланс между эффективностью расследования и правами личности, но сделать этот баланс юридически выверенным, процессуально прозрачным и нравственно оправданным. В условиях правового государства прева-лизовать должно не удобство репрессивного механизма, а уважение к человеческой личности — даже в момент, когда над ней нависает тень уголовного преследования.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (дата обращения: 24.03.2025).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ. — 17.06.1996. — № 25. — Ст. 2954.
3. Антипов А. Н., Первозванский В. Б., Голик Н. М., Кудряшов О. В. Лимиты и запреты в уголовно-исполнительном законодательстве России: постановка проблемы // Человек: преступление и наказание. — 2014. — № 3. — С. 57–63.
4. Барабанова А. А., Горемыкина Е. А., Ремнева Т. А. Процессуальные проблемы, возникающие при прекращении производства по уголовному делу // Тенденции развития науки и образования. — 2021. — № 71-6. — С. 12–15.

Проблемные вопросы процессуального статуса частного обвинителя

Кашмина Виктория Денисовна, студент;

Суюндукова Аяна Армановна, студент

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье рассматриваются актуальные проблемы процессуального статуса частного обвинителя, а также некоторые проблемные вопросы законодательной регламентации процедуры рассмотрения дел частного обвинения.

Ключевые слова: частный обвинитель, частное обвинение, процедура возбуждения дел, рассмотрения дел, уголовное процесс, мировой судья.

В области уголовного судопроизводства, по делам частного обвинения рассматриваются ряд актуальных проблем. И хотя такие дела составляют наиболее малую часть в структуре уголовного законодательства, их рассмотрение требует необходимо.

К этой категории дел причисляют преступления, предусмотренные разделом VII главой 16 Уголовного кодекса

Российской Федерации (далее — УК РФ): часть 1 статьи 115, часть 1 статьи 116.1, часть 1 статьи 128.1 УК РФ.

В главе 41 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ) описаны особенности рассмотрения уголовных дел, относящихся к юрисдикции мирового судьи, среди которых включается и такая особенность, как возбуждение уголовного дела частного обвинения.

В соответствии с пунктом 1 части 1 статьи 147 и частью 1 статьи 318 УПК РФ, такие дела возбуждаются в отношении конкретного лица путем подачи заявления в суд, а именно мировому судье, потерпевшим или его законным представителем.

Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 509-ФЗ отнес уголовные дела о преступлении, предусмотренном статьей 116.1 УК РФ, к подсудности районных (городских) судов, исключив из подсудности мировых судей. Данные дела, как и прежде, остаются делами частного обвинения, что вызывает противоречия. [2]

Анализируя судебную практику, можно заключить, что районный суд принимает к производству и рассматривает уголовные дела, предусмотренные частью 1 статьи 116.1 УК РФ, в соответствии с процедурами, установленными для уголовных дел, входящих в компетенцию мирового судьи.

В постановлении Конституционного Суда РФ от 28.03.2024 № 13-П («По делу о проверке конституционности частей 2 и 4 статьи 20, частей 1 и 2 статьи 31, части 4 статьи 147, частей 1 и 3 статьи 318 УПК РФ в связи с жалобой гражданки Г. И. Баскаковой») признаны не противоречащими Конституции РФ части 1 и 4 статьи 20, части 1 и 2 статьи 31, часть 4 статьи 147, части 1 и 3 статьи 318 УПК РФ, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они не предполагают отказа районного суда в принятии к своему производству по заявлению потерпевшего (его законного представителя) уголовного дела частного обвинения о привлечении обвиняемого лица к уголовной ответственности в соответствии с частью первой статьи 116.1 УК РФ на том основании, что установленные главой 41 УПК РФ правила, определяющие порядок производства по уголовным делам частного обвинения, подсудным мировому судье. [5]

Конституционный Суд Российской Федерации указал на то, что отношения, с аналогичной правовой природой подлежат унифицированному регулированию, в частности, когда речь идет об одной категории участников уголовного судопроизводства — лицах, пострадавших от преступлений, дела по которым рассматриваются в порядке частного обвинения.

Исходя из этого, предполагается, что необходимо использовать единый порядок принятия и рассмотрения судом первой инстанции заявлений о возбуждении уголовных дел частного обвинения, независимо от того, какому из судов — мировому, районному или гарнизонному военному подсудна эта категория уголовных дел.

В рамках действующего правового регулирования данные правила подробно изложены в главе 41 УПК РФ.

Частный обвинитель является особым участником уголовного процесса по делам частного обвинения. В УПК изложены два понятия частного обвинителя, имеющие определенные расхождения в своем содержании.

По ч. 1 ст. 43 УПК РФ частный обвинитель — это лицо, подавшее заявление в суд по уголовному делу частного об-

винения в установленном порядке и поддерживающее обвинение в суде. Вместе с тем, в пункте 59 статьи 5 УПК РФ указано, что частный обвинитель — это потерпевший или его законный представитель и представитель по уголовным делам частного обвинения. [1]

Также, наиболее важным уточнением является то, что заявителем по делам частного обвинения может являться либо непосредственно потерпевший, либо его законный представитель.

Необходимо расширительно понимать нормы части 1 статьи 43 УПК РФ для возможности участия в роли частного обвинителя — заявителя (потерпевшего), его законного представителя или другого лица, наделенного соответствующими полномочиями.

В статье 43 УПК РФ определено процессуальное положение частного обвинителя, но перечисленные там его права и обязанности содержат ссылку на части 4–6 статьи 246 УПК РФ. По нашему мнению, рациональнее было бы объединить рассмотрение данного вопроса в пределах единого правового положения, поскольку подобная структура затрудняет применение процессуального законодательства.

Можно рассмотреть несколько проблем, возникающих в данной ситуации: например, когда с одной стороны, права частного обвинителя аналогичны правам потерпевшего, а с другой стороны, законодательство наделяет его правами, частично совпадающее с правами государственного обвинителя. Однако между правами частного и государственного обвинителей все равно имеется ряд отличий. Разберем их подробнее: частный обвинитель, прежде всего, выступает как потерпевший от общественного опасного виновного деяния, при этом не наделен властными полномочиями. И, соответственно, преследует личную заинтересованность в исходе дела. Таким образом, объективно, что «невозможны замена частного обвинителя другим и создание группы частных обвинителей для поддержания обвинения». [3, с. 64]

Коробова А. А. в своем исследовании подчеркивает значимость установления правового статуса частного обвинителя, являющегося в роли потерпевшего, начиная со стадии до возбуждения уголовного дела и последующего признания его потерпевшим или частным обвинителем.

С целью осуществления данной нормы УПК РФ, учёный выдвинул следующее предложение: «необходимо ввести понятие «заявитель о преступлении» и закрепить перечень его полномочий. Заявителю необходимо предоставить право на получение квалифицированной юридической помощи бесплатно до момента подачи заявления о совершении преступления, так как особый порядок начала производства по уголовным делам частного обвинения представляет собой связь заявления потерпевшего и момент образования уголовно-правовых отношений». [4]

Таким образом, мы рассмотрели некоторые проблемы законодательной регламентации уголовного судопроизводства по делам частного обвинения, судебную практику

и мнения разных учёных по этим вопросам. Подводя итог, мы пришли к выводу, что статус участников уголовного судопроизводства по делам частного обвинения продолжает оставаться актуальным и проблематичным в современной системе уголовного процессуального права.

Кроме того, в контексте статьи 43 УПК РФ рекомендуется верно определить и изложить процессуальный статус частного обвинителя:

- во-первых, следует закрепить права и обязанности частного обвинителя в части 2 статьи 43 УПК РФ;
- во-вторых, следует установить единый порядок для принятия и рассмотрения судом первой инстанции заявлений о возбуждении уголовных дел частного обвинения, независимо от того, какой суд — мировой, районный или гарнизонный военный — является подсудным для данной категории уголовных дел.

Литература:

1. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. статья 4921.
2. Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 31 и 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 27.12.2018 № 509-ФЗ (последняя редакция) // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2018. № 53. статья 8435.
3. Титов, П. М. «Порядок производства по уголовным делам частного обвинения»: учебное пособие для вузов / П. М. Титов. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 198 с. — (Высшее образование).
4. Коробова, А. А. «Актуальные проблемы производства по делам частного обвинения в уголовном процессе» / А. А. Коробова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2021. — № 22 (364). — С. 323–327.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.03.2024 № 13-П «По делу о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 20, частей первой и второй статьи 31, части четвертой статьи 147, частей первой и третьей статьи 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г. И. Баскаковой» // «Российская газета». — 2024. — № 78 (9320).

Совершенствование механизма правового регулирования порядка выкупа или аренды чужих земельных участков, находящихся в частной собственности, собственниками расположенных на них зданий и сооружений

Клюшницын Дмитрий Сергеевич, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

Статья посвящена анализу проблем регулирования земельных отношений между частными собственниками зданий, сооружений и земельных участков, на которых они расположены, в случаях, когда права на эти объекты и земельные участки принадлежат разным лицам. Автор исследует исторические предпосылки возникновения данных проблем, выявляет пробелы в современном законодательстве и предлагает меры по их устранению. Особое внимание уделяется вопросам гармонизации норм Земельного и Гражданского кодексов Российской Федерации, модернизации системы государственной регистрации прав на недвижимость и внедрению международного опыта, в частности института суперфиции. В статье предложены как долгосрочные системные изменения, так и быстро реализуемые меры, направленные на повышение прозрачности и стабильности гражданского оборота.

Распространенность юридических неясностей и споров в вопросах прав, обязанностей и ограничений, связанных с порядком пользования земельными участками собственниками зданий, сооружений, в случае, когда права частной собственности на такие объекты и земельные участки под ними принадлежат разным лицам, акцентирует внимание на значимости вопроса совершенствования правовых механизмов регулирования порядка выкупа и аренды таких земельных участков.

Учитывая, что гражданское и земельное право в их современном виде сформировались относительно недавно и продолжают развиваться, важно продолжать работу по совершенствованию действующей правовой базы, в частности, устанавливающей правила о порядке и пределах пользования земельными участками, включая обязательства по их выкупу или аренде, собственниками зданий, сооружений, в случае, когда права частной собственности на такие объекты и земельные участки под ними принадлежат разным лицам. Дальнейшее развитие законодательства в этой области будет способствовать устранению пробелов и повышению эффективности правового регулирования.

Ключевые слова: право собственности, земельные правоотношения, земельные участки, здания, сооружения, пользование, гражданский оборот, выкуп земельных участков, аренда земельных участков, правовое регулирование, государственная регистрация, принцип единства судьбы, суперфиций.

События октября 1917 года в России инициировали процесс глубокой трансформации социальных, экономических и политических отношений, что повлекло за собой радикальные изменения в правовой системе государства. Данные преобразования затронули ключевые институты собственности, включая земельные отношения, и привели к формированию новой правовой парадигмы, основанной на принципах социалистического строя.

Первый земельный акт, принятый на третий день существования нового государства — декрет о земле, принятый в 1917 году [1] (далее — Декрет о земле), отменил частную собственность на землю, передав её в общенародное достояние, что стало основой для формирования новой системы земельных отношений.

Первый Гражданский кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1922 года [2] (далее — ГК РСФСР 1922), упразднив разделение имущества на движимое и недвижимое, лишил ограниченные вещные права их юридической значимости, поскольку такие права традиционно были связаны с недвижимым имуществом. Однако в рамках ГК РСФСР 1922 года был введён институт права застройки — единственный вариант, при помощи которого частные лица могут возводить постройки на государственной земле. Данный институт стал компромиссным механизмом, позволявшим временно сочетать интересы частных застройщиков и государственной собственности на землю.

Согласно Указу Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик от 26 августа 1948 года «О праве граждан на покупку и строительство индивидуальных жилых домов», гражданам было предоставлено право на приобретение и строительство частных жилых домов. В результате принятия этого указа было упразднено право застройки, а понятие вещных прав исключено из законодательства. Объекты, возведённые ранее, перешли в собственность тех, кто их построил, а заключённые договоры о праве застройки утратили юридическую силу. Таким образом, в период с 1918 по 1949 год участники гражданских правоотношений могли получить доступ к земельным участкам через право застройки, что позволяло им временно использовать недвижимость в соответствии с соглашениями с собственниками земли.

В 1960-х годах в Союзе Советских Социалистических Республик (далее — СССР) была осуществлена масштабная систематизация законодательства, однако вещные права не были выделены в отдельный раздел. В 1968 году были приняты Основы земельного законодательства [3], а в 1970 году — Земельный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики [4] (далее — ЗК РСФСР 1970), который регламентировал предоставление земельных участков для строительства

и ввёл государственный земельный кадастр. Данный кодекс действовал около 20 лет, но к концу 1980-х годов стало очевидно, что стране необходимы серьёзные экономические и политические реформы.

Принятие закона Российской Советской Федеративной Социалистической Республики «О собственности в РСФСР» от 24.12.1990 № 443–1 стало значимым событием, обозначившим возрождение института вещного права в России. После длительного периода исключения этого института из правовой системы, начавшегося с издания Декрета о земле в 1917 году и характеризовавшегося законодательным запретом гражданско-правовых операций с землёй, был сделан шаг к восстановлению вещного права. Этот исторический контекст оказал существенное влияние на эволюцию законодательства и формирование правовых отношений в сфере собственности, а также на развитие правовой системы в целом.

Реформы 1990-х годов восстановили институт частной собственности, однако проблема синхронизации прав на недвижимость и земельные участки под ней осталась нерешённой.

В современной России формы собственности на земельные участки включают муниципальную, государственную и частную, что закреплено в части 2 статьи 9 Конституции Российской Федерации [5] (далее — Конституция). Статья 36 Конституции гарантирует гражданам право на частную собственность на землю, предоставляя возможность владеть, пользоваться и распоряжаться земельными участками при условии, что это не нарушает права третьих лиц и не наносит ущерба окружающей среде. Порядок пользования землей регулируется федеральными законами, в том числе Земельным кодексом Российской Федерации [6] (далее — ЗК РФ).

Согласно подпункту 5 пункта 1 статьи 1 ЗК РФ, действует принцип единства судьбы земельного участка и расположенных на нем объектов недвижимости. Это означает, что земельный участок и находящиеся на нем объекты недвижимости рассматриваются как единое целое, если иное не предусмотрено законодательством. Правовые нормы, регулирующие земельные отношения, должны соответствовать положениям земельного законодательства (пункт 1 статьи 2 ЗК РФ), а использование земельных участков осуществляться на возмездной основе (подпункт 7 пункта 1 статьи 1 и пункт 1 статьи 65 ЗК РФ).

Права собственности на землю регулируются Гражданского кодекса Российской Федерации [7] (далее — ГК РФ). Согласно статье 128 ГК РФ, к объектам гражданских прав причисляются вещи, иное имущество и имущественные права. Право собственности на землю включает владение, пользование и распоряжение (статья 209 ГК РФ). Собственник может осуществлять строительство, рекон-

струкцию или снос объектов на участке, если это соответствует градостроительным нормам и целевому назначению земли (статьи 260, 263 ГК РФ).

Согласно пункту 1 статьи 43 ЗК РФ, граждане имеют право свободно и самостоятельно распоряжаться своими земельными участками, если эти действия не ограничены земельным законодательством или федеральными законами.

С 1 сентября 2022 года в ГК РФ введена глава 6.1 «Недвижимые вещи», где описаны определение, основные виды, характеристики недвижимых вещей и порядок их образования. Согласно пункту 1 статьи 141.3 ГК РФ, здания и сооружения, которые появляются в процессе строительства, считаются недвижимыми объектами. Временные постройки и некапитальные сооружения к этой категории не относятся (пункт 10 статьи 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации [8]).

Верховный Суд Российской Федерации (далее — ВС РФ) в пункте 38 Пленума № 25 от 23 июня 2015 года [9] разъяснил, что для признания объекта недвижимым необходимо подтвердить его возведение в соответствии с законодательством и наличие разрешительной документации (см. например, определения Верховного Суда РФ № 306-ЭС20–23816 от 02.02.2021 г. [10], № 304-ЭС15–11476 от 22.12.2015 [11]). Государственная регистрация прав на недвижимость обязательна (статьи 8.1, 131 ГК РФ).

Если права на здания, сооружения и земельный участок на котором они расположены принадлежат разным лицам, покупатели таких зданий, сооружений получают право пользования участком в пределах, необходимых для эксплуатации этих объектов (пункт 1 статьи 35 ЗК РФ, пункт 2 статьи 271 ГК РФ). Собственники зданий, сооружений также имеют преимущественное право выкупа или аренды такого участка (пункт 3 статьи 35 ЗК РФ).

В соответствии с пунктом 1 статьи 287.3 ГК РФ, собственник здания или сооружения, в случае, когда права частной собственности на такие объекты и земельные участки под ними принадлежат разным лицам, может пользоваться участком только в пределах и на условиях, установленных договором с его собственником или законом. Если собственник такой недвижимости не обладает вещными или обязательственными правами на участок (например, арендой), он может быть признан пользователем на основании пункта 1 статьи 271 ГК РФ (пункт 2 статьи 287.3 ГК РФ), что подразумевает субсидиарный характер такого пользования, требующий юридического оформления.

Регулирование отношений, связанных с распоряжением, владением и использованием недвижимого имущества, должно соответствовать конституционным принципам социальной политики России, основанным на признании ценности личности и ее прав. Такое регулирование должно быть ясным, последовательным и лишённым противоречий, обеспечивая стабильность гражданского оборота и защиту прав участников [12, 13]. Принцип правовой определенности, закреплённый

в статьях 1, 15 и 19 Конституции, подчеркивает верховенство закона, равенство всех перед законом и судом, что является основой для устойчивости правоотношений.

Статья 46 Конституции гарантирует право на судебную защиту, что обеспечивает устойчивость отношений, связанных с частной собственностью. Эффективный судебный контроль должен обеспечивать соблюдение конституционных норм, включая защиту частной собственности и ее лишение только по решению суда. В случае исчерпания внутренних правовых средств, любой человек вправе обратиться в международные организации, которые занимаются защитой прав и свобод человека, согласно международным договорам, подписанным Россией.

Государственная регистрация прав на недвижимость регулируется Федеральным законом о государственной регистрации недвижимости [14] (далее — Закон № 218-ФЗ). Согласно части 1 статьи 1 этого закона, порядок ведения Единого государственного реестра недвижимости (далее — ЕГРН), предоставления информации из него, кадастровый учёт, государственная регистрация сделок с недвижимостью и прав на неё регулируются этим же законом. Часть 2 этой статьи определяет ЕГРН как структурированную базу данных, включающую информацию о недвижимости и её правообладателях, а также о зарегистрированных на неё правах и иной информации, которая учитывается в соответствии с положениями названного закона

Государственная регистрация прав на недвижимость подтверждает факты перехода, ограничения, изменения, возникновения или прекращения прав на недвижимость, а зарегистрированное право считается единственным доказательством, которое может быть оспорено только в судебном порядке. (части 3 и 5 статьи 1 Закона № 218-ФЗ). ЕГРН содержит достоверные и упорядоченные данные в графическом и текстовом форматах, включая реестр прав, ограничений прав и обременений недвижимого имущества (пункт 2 части 2 статьи 7 Закона № 218-ФЗ).

Конституционный суд Российской Федерации (далее — КС РФ) подчеркивает, что регистрация прав на недвижимость гарантирует достоверность и публичность данных, что способствует устойчивости гражданского оборота (см. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26.05.2011 г. № 10-П, от 04.06.2015 г. № 13-П, от 10.11.2016 г. № 23-П, от 11.11.2021 г. № 48-П, от 20.02.2024 г. № 7-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 28.05.2020 г. № 1175-О, от 29.09.2020 г. № 2142-О, от 27.01.2022 г. № 103-О и др.). Согласно статье 8.1 ГК РФ, государственная регистрация прав на недвижимость осуществляется уполномоченным органом с соблюдением принципов публичности, законности и достоверности информации. Зарегистрированное право может быть обжаловано исключительно через суд. Лицо, которое значится в государственном реестре как правообладатель, считается таковым до тех пор, пока в реестр в соответствии с законодательством не будет вне-

сена запись о другом правообладателе (пункт 6 статьи 8.1 ГК РФ).

Собственник здания, сооружения в случае, когда права частной собственности на такие объекты и земельные участки под ними принадлежат разным лицам, может пользоваться таким участком в объеме прав и на условиях либо договора с его собственником, либо установленных законом, а при их отсутствии — частью участка пределах, необходимых для эксплуатации таких объектов (статьи 35 ЗК РФ, 264, 271, 287.3, 552 ГК РФ). При смене собственника недвижимости новый владелец приобретает право пользования земельным участком, на котором она расположена, на тех же условиях, что и предыдущий собственник (см. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 14 января 2022 г. № 80-АД21-5-К6).

Тем не менее, указанные правила не освобождают стороны от необходимости надлежаще оформлять условия передачи прав на земельный участок при продаже находящейся на нём недвижимости, если права частной собственности на эти объекты принадлежат разным лицам (статьи 25 и 26 ЗК РФ).

Действующее законодательство не предусматривает специальных норм, регулирующих порядок и пределы пользования земельными участками собственниками зданий и сооружений, если права частной собственности на такие объекты и участки под ними принадлежат разным лицам. Это создает правовую неопределенность и требует дальнейшего совершенствования законодательства. Согласно пункту 1 статьи 41 ЗК РФ, лица, не являющиеся собственниками земельных участков, имеют права, аналогичные правам собственников, но обязаны своевременно оплачивать пользование участком (статья 42 ЗК РФ).

Отсутствие договора не изменяет того факта, что использование земельных участков, находящихся в частной собственности и на которых расположены здания и сооружения, принадлежащие другому лицу, должно быть возмездным и не освобождает такого пользователя от обязанности оплачивать его использование. Как указано в решении Мосгорсуда от 21 сентября 2023 года [15], обязанность оформлять правоустанавливающие документы на землю, занятую объектом недвижимости, предусмотрена статьями 25 и 26 ЗК РФ. Отсутствие договора аренды земельного участка не позволяет ограничиться только оплатой аренды; необходимо заключать договор аренды на законных основаниях для избежания негативных последствий.

Согласно пункту 3 статьи 264 ГК РФ, лицо, которое пользуется земельным участком, но не является его собственником, не имеет права распоряжаться этим участком, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом или договором с собственником. Таким образом, право распоряжения имуществом по умолчанию принадлежит исключительно собственнику, который имеет возможность определять юридическую судьбу объекта, включая его отчуждение по договору, сдачу в аренду или установ-

ление иных обременений. В качестве примера можно привести решение Судебной коллегии по административным делам ВС РФ [16], которое подтверждает, что собственник недвижимости, расположенной на земельном участке, имеет законное право использовать этот участок.

В соответствии с пунктом 3 статьи 552 ГК РФ, распоряжение недвижимостью, включая её продажу, без согласия собственника земельного участка, на котором она расположена, не допускается, за исключением случаев, когда такие действия не нарушают прав владельца участка и соответствуют условиям пользования, установленным соглашением или законом.

Вместе с тем, в отличие от правил, закреплённых в п. 7.1 ст. 3 Федерального закона от 25.10.2001 № 137-ФЗ [17] (далее — Закон № 137-ФЗ) в отношении земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, действующее законодательство не предусматривает обязанности собственников зданий и сооружений, не обладающих правами на земельные участки под ними, оформлять эти участки в собственность или аренду, когда права частной собственности на такие объекты и земельные участки под ними принадлежат разным лицам.

Система государственной регистрации прав на недвижимость функционирует на основе заявительного принципа: внесение изменений в реестр осуществляется исключительно по заявлениям заинтересованных лиц [18]. Согласно Закону № 218-ФЗ, автоматический переход прав на земельные участки к владельцам зданий и сооружений не предусмотрен, если права частной собственности на эти объекты и участки под ними принадлежат разным лицам. Следовательно, для перехода прав на земельный участок необходимо заявление, что предполагает наличие согласия его собственника на передачу прав и соответствующих полномочий. Таким образом, регистрация перехода права собственности на здания или сооружения в таких случаях влечёт за собой регистрацию права пользования земельным участком и его обременения, однако только в форме, предусмотренной земельным законодательством.

В случаях отсутствия сведений, определяющих условия и объём пользования чужим земельным участком, находящимся в частной собственности, обременение в виде права пользования собственником здания или сооружения распространяются на весь участок, если такие сведения имеются, обременение ограничивается определённой частью участка, подлежащей кадастровому учёту. Действующее законодательство допускает учёт части участка при регистрации обременений объекта недвижимости или ограничений прав.

При выявлении в ходе правовой экспертизы отсутствия заявления и документов, необходимых для государственной регистрации перехода прав на земельный участок, занятый зданием или сооружением (в частности, согласия собственника земельного участка либо соглашения, устанавливающего соответствующие право-

мочия), регистрирующий орган на основании пунктов 1, 5, 14, 15, 17, 21.1 и 21.2 ч. 1 ст. 26 Закона № 218-ФЗ обязан приостановить процедуру регистрации перехода права собственности на объект недвижимости, что влечет установленные законом правовые последствия.

Вместе с тем анализ практики ведения ЕГРН выявил проблему недостаточной публичной достоверности данных, касающихся прав собственников зданий и сооружений, расположенных на чужих земельных участках, что обусловлено отсутствием необходимых записей. Недостаточная информация и документы могут и должны быть запрошены регистрирующим органом в ходе правовой экспертизы сделки, например, путём приостановления регистрационных действий (купли-продажи) или кадастрового учёта (например, при уточнении границ недвижимости).

Данная проблема связана с отсутствием в ЕГРН достаточной взаимосвязи между разделами, содержащими сведения о зданиях, сооружениях и земельных участках, на которых они расположены, в случаях, когда права на эти объекты принадлежат разным лицам. Это приводит к снижению доверия участников гражданского оборота к данным реестра и необходимости дополнительной проверки цепочек передачи прав на недвижимость. Несмотря на отражение физической связи между объектами недвижимости и земельными участками в выписках из ЕГРН, отсутствие взаимосвязанной информации о правах, их ограничениях и обременениях подчеркивает необходимость обязательного внесения таких сведений в реестры.

Проведённое исследование позволило идентифицировать ряд системных проблем правового регулирования отношений, возникающих между правообладателями объектов капитального строительства и собственниками земельных участков, на которых такие объекты расположены. Во-первых, существует правовая неопределённость, вызванная отсутствием в ГК РФ и ЗК РФ чётких норм, определяющих объём правомочий собственников зданий и сооружений в отношении чужих земельных участков. Не урегулированы порядок согласования условий пользования (размер платы, сроки, ограничения) и правовые последствия отсутствия договоров аренды или выкупа.

Во-вторых, наблюдается отсутствие стимулов для оформления прав на такие земельные участки. Это приводит к уклонению от заключения договоров аренды или выкупа. Преимущественное право выкупа, предусмотренное пунктом 3 статьи 35 ЗК РФ, не подкреплено механизмами принуждения, а экономическая выгода от уклонения (экономия на арендной плате и налогах) превышает потенциальные риски.

Третья проблема связана с пробелами в регистрации обременений в ЕГРН. Отсутствует автоматическая привязка прав на объекты недвижимости к обременениям земельных участков, что создаёт неопределённость границ пользования. Кроме того, права пользования, возникающие в силу закона, не регистрируются, что усиливает правовую неопределённость.

Четвёртая проблема заключается в несовершенстве судебной практики. Судебные органы не восполняют законодательные пробелы, что приводит к отсутствию единообразия в разрешении споров. Это связано с отсутствием прямых норм и противоречивым толкованием статей ГК РФ и ЗК РФ.

Пятая проблема — отсутствие механизмов принуждения к заключению договоров аренды или выкупа. Хотя статья 445 ГК РФ позволяет требовать заключения договора через суд, отсутствие чётких критериев определения его существенных условий (например, размера арендной платы) делает процедуру длительной и в конечном итоге неэффективной в связи с отсутствием у собственника такого участка оснований требовать принудительного выкупа или аренды занятого чужой недвижимостью участка земли.

Эти проблемы взаимосвязаны и образуют «порочный круг»: неясность норм приводит к уклонению от оформления прав, что вызывает конфликты, а неэффективность судебной защиты усугубляет ситуацию, способствуя дальнейшему уклонению. Для разрыва этого цикла необходимы системные изменения в законодательстве, регистрационной практике и правоприменении.

Таким образом, вопрос о правилах и пределах пользования земельными участками, включая обязательства по их выкупу или аренде собственниками зданий и сооружений, остаётся недостаточно урегулированным. Справедливое решение проблемы возможно только через легитимизацию права пользования, например, путём введения обязательного договора аренды при отказе от выкупа. Это сделает право пользования публичным (зарегистрированным в ЕГРН), оборотоспособным, наследуемым и защищённым от третьих лиц.

Вместе с тем, в соответствии с частью 4 статьи 15 Конституции, общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры Российской Федерации являются частью её правовой системы. Если международным договором установлены иные правила, чем предусмотрены национальным законодательством, применяются нормы международного договора.

27 марта 1992 года была образована Межпарламентская Ассамблея государств-участников СНГ (далее — МПА СНГ или Ассамблея). Основной целью которой является разработка модельных законодательных актов (далее — МЗА), направленных на сближение и гармонизацию национального законодательства государств-участников [19]. Эти акты носят рекомендательный характер и направляются в парламенты стран СНГ для использования. За время своей деятельности МПА СНГ приняла более 600 правовых актов, включая около 400 модельных законов и 100 рекомендаций. Более 70 % этих документов внедрены в национальные законодательства, что свидетельствует об их значимости для правовой интеграции в регионе.\

Особый научный и практический интерес в контексте исследуемой проблематики представляет Модельный закон «Об ограниченных вещных правах» [20] (далее —

МЗА «Об ОВП»), положения которого могут иметь существенное потенциально положительное значение для совершенствования правового регулирования. МЗА «Об ОВП» устанавливает правовые механизмы возникновения, осуществления и прекращения вещных прав, отличных от права собственности, определяет их содержание, пределы реализации и способы защиты. Нормы закона базируются на ключевых принципах гражданского права, включая автономию воли субъектов, запрет злоупотребления правом, а также требования добросовестности и разумности действий участников правоотношений.

В контексте исследования особую актуальность приобретает регулирование суперфиция как ограниченного вещного права, детально регламентированного главой 3 МЗА «Об ОВП». Нормативная структура данной главы охватывает общие положения (ст. 17), права и обязанности суперфициария (ст. 18), условия договорного установления суперфиция (ст. 19), порядок определения платы (ст. 20), правила распоряжения суперфициарным правом (ст. 21) и основания прекращения суперфиция (ст. 22), формируя комплексный подход к регулированию данного института.

В соответствии со статьёй 17, суперфиций представляет собой право владения и пользования чужим земельным участком для его застройки и эксплуатации возведённой недвижимости, при этом построенные объекты, если иное не предусмотрено договором, становятся собственностью суперфициария. Установление суперфиция осуществляется на основании договора с собственником участка и подлежит государственной регистрации. Согласно статье 18, суперфициарий вправе реконструировать и использовать объекты недвижимости в соответствии с целевым назначением участка, а также обязан выплачивать плату за пользование землёй; нарушение сроков застройки может привести к прекращению суперфиция по требованию собственника. Статья 19 устанавливает, что договор должен содержать индивидуализацию участка, размер и порядок внесения платы, сроки действия суперфиция (от 50 до 100 лет), которые подлежат регистрации. Статья 20 предусматривает, что плата может быть единовременной или ежегодной, а также включать иные формы, например передачу помещений собственнику участка; размер платы может быть изменён судом при доказанности утраты выгод одной из сторон. В соответствии со статьёй 21, суперфиций передаётся вместе с объектом недвижимости, наследуется или переходит к новому владельцу при её отчуждении, что автоматически делает его суперфициарием.

Институт суперфиция обладает значительным потенциалом для оптимизации правового регулирования отношений, связанных с использованием чужими земельными участками, в особенности в случаях, когда правообладатели расположенных на них зданий и сооружений не являются собственниками земли. Наследственный и отчуждаемый характер данного ограниченного вещного

права позволяет рассматривать его в качестве альтернативного механизма по отношению к традиционным формам землепользования (выкуп, аренда), а его правовая конструкция может выступать основой для модернизации действующих норм, регулирующих арендные отношения. При этом суперфиций, как институт, исторически укоренённый в европейской правовой традиции, демонстрирует преемственность с классической моделью ограниченных вещных прав, что находит отражение в положениях МЗА «Об ОВП». Последний, рецепируя общепризнанные принципы континентальной правовой системы, позволит обеспечить гармонизацию национального законодательства с международными стандартами в сфере вещных прав.

Таким образом, несмотря на рекомендательный характер МЗА, их положения в конкретный случаях при должном внимании к ним, могли бы обогатить национальное законодательство и способствовать более эффективному и справедливому правоприменению.

Современная система земельных правоотношений в Российской Федерации, несмотря на модернизацию законодательной базы, сохраняет правовые пробелы в регулировании взаимодействия между собственниками зданий, сооружений и земельных участков, на которых они расположены, особенно, когда права частной собственности на объекты и участки принадлежат разным лицам. Отсутствие законодательно закреплённых эффективных механизмов приобретения прав на такие земельные участки (выкуп, аренда), наряду с дисбалансом интересов собственников, провоцирует правовую неопределённость, увеличивает риски возникновения имущественных споров и дестабилизирует гражданский оборот.

Проведённое исследование позволило выявить объективную потребность в системных преобразованиях, направленных на: устранение коллизий в правовом регулировании; стимулирование правообладателей зданий и сооружений к легализации прав на соответствующие земельные участки; обеспечение баланса интересов всех участников правоотношений. Реализация указанных целей требует дифференцированного подхода, предполагающего выбор между комплексными (долгосрочными) мерами (например, реформирование института ограниченных вещных прав) и быстрореализуемыми (оперативными) мерами.

Результаты исследования подтверждают, что данные подходы носят взаимоисключающий характер и при совершенствовании правового регулирования необходимо принимать альтернативное решение — либо проводить фундаментальные долгосрочные преобразования, либо внедрять оперативные точечные изменения, поскольку их одновременная реализация может привести к противоречиям в правоприменительной практике.

В долгосрочной перспективе приоритетом может являться комплексная модернизация законодательной базы, включая: устранение правовых пробелов и неопределённостей через законодательные инициативы; побуждение

собственников зданий и сооружений к оформлению прав на земельные участки с помощью экономических и правовых инструментов; усиление роли государственной регистрации; введение обязательных договорных отношений; унификацию судебной практики и упрощение разрешения споров; использование международного опыта.

Учитывая сложность реализации комплексной модернизации законодательной базы и длительное время ее реализации, ключевым решением в настоящее время должно стать точечное изменение действующего законодательства, не требующее масштабных правовых и административных преобразований — быстро реализуемые (оперативные) меры.

Наиболее эффективным оперативным решением представляется внедрение быстро реализуемых мер через точечные изменения законодательства по аналогии с механизмами, уже апробированными в Федеральном законе от 26 декабря 2024 года № 487-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [22] (далее — Закон № 487-ФЗ). Такой подход позволит ускорить их внедрение за счёт использования уже отработанных механизмов Росреестра, включая превентивное приостановление государственного кадастрового учёта и (или) государственной регистрации прав. Эти меры, не требуя масштабных законодательных изменений, создадут действенные стимулы для собственников зданий и сооружений своевременно оформлять права на земельные участки. Применение подобных механизмов возможно уже на текущем этапе — до внесения поправок в Закон № 137-ФЗ — что обеспечит оперативное регулирование земельных отношений без радикальных правовых реформ.

Результаты исследования позволяют предложить следующий состав комплексных (долгосрочных) мер.

В контексте устранения правовых пробелов в сфере регулирования земельных отношений, одной из ключевых проблем является отсутствие четких законодательных норм, регламентирующих порядок пользования земельными участками собственниками расположенных на них зданий, сооружений в случаях разделения прав на такие объекты и земельный участок под ними. В частности, действующее законодательство не устанавливает исчерпывающих требований к обязательным условиям и процедурам оформления соответствующих прав (таких как выкуп или аренда земельного участка). В целях совершенствования правового регулирования предлагается:

— дополнить статью 35 ЗК РФ и статьи 271, 287.3 ГК РФ положением, обязывающим собственника здания или сооружения оформить право на земельный участок (реализовать преимущественное право на аренду или выкуп) в течение, например, 6 месяцев после приобретения недвижимости, что исключит беститульное пользование и минимизирует риски споров;

— внести в статью 552 ГК РФ обязанность продавца здания, сооружения передавать, исключительно предусмотренные ЗК РФ и зарегистрированные в надлежащем

порядке права, в том числе на земельный участок, занятый такой недвижимостью и необходимый для ее использования, в ином случае продажа недвижимости, находящейся на земельном участке, не принадлежащем продавцу на праве собственности, не должна допускаться

— установить единый алгоритм расчёта арендной платы и выкупной стоимости участка при отсутствии соглашения сторон, основанный на принципах, аналогичных принципам для участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности. Такие принципы должны учитывать интересы обеих сторон — собственников земельных участков и собственников зданий, сооружений, что позволит избежать злоупотреблений с обеих сторон.

В контексте стимулирования собственников зданий, сооружений к оформлению прав на земельные участки, обусловленного распространенной практикой уклонения от легализации земельно-правовых отношений, в целях совершенствования правового регулирования предлагается:

— ввести административную ответственность за беститульное пользование землёй по аналогии со статьёй 7.1 КоАП РФ о самовольном занятии земельного участка, предусмотрев штраф, например, в размере от 50 до 100 процентов кадастровой стоимости земельного участка за период незаконного использования, при этом максимальная мера должна применяться в случаях, когда период такого пользования на момент его обнаружения превысил срок исковой давности;

— усилить норму пункта 3 статьи 35 ЗК РФ, закрепив за собственником земельного участка право требовать принудительного выкупа или аренды этого участка, путем введения соответствующей обязанности для собственников расположенных на них зданий, сооружений;

— установить налоговые льготы для собственников зданий, сооружений, которые выкупили или оформили аренду земельных участков под своими объектами, например, можно предусмотреть снижение ставки налога на имущество на 20 % в течение трёх лет.

В части совершенствования государственной регистрации прав на недвижимость как инструмента обеспечения правовой определенности конкретные решения будут предложены далее, в качестве быстро реализуемых (оперативных) мер.

В контексте введения обязательных договорных отношений предлагается ввести обязательное требование о заключении договора аренды или выкупа земельного участка для собственников зданий и сооружений, не имеющих зарегистрированных прав на земельный участок под ними. В случае отказа от оформления таких договоров владелец земельного участка должен получить право обращаться в суд с иском о принудительном заключении соглашения.

В контексте унификации судебной практики и упрощения разрешения споров в целях снижения конфликтности и непредсказуемости судебных решений и совершенствования правового регулирования предлагается:

— принять разъяснения Верховного Суда РФ, например: об определении критериев «разумных пределов» использования земельных участков собственниками расположенных на них зданий, сооружений при отсутствии предусмотренных земельным кодексом прав; об установлении порядка расчета платы за пользование участком (с учетом рыночных ставок, кадастровой стоимости и срока использования); о закреплении условий принудительного выкупа или аренды и гарантий баланса интересов сторон.

— внедрение досудебного медиативного урегулирования, например: обязательного направления сторонам типовых форм договоров (аренды/выкупа) через Росреестр; возложения судебных издержек на сторону, уклоняющуюся от переговоров.

— оптимизация судебных процедур, например: введение упрощенного порядка рассмотрения споров об аренде и выкупе земельных участков для сокращения сроков и издержек; развитие прецедентного права с целью формирования единообразной судебной практики по земельным вопросам.

В контексте использования международного опыта, для повышения гибкости регулирования земельных правоотношений представляется целесообразным заимствование из зарубежного законодательства института суперфиция — ограниченного вещного права, предоставляющего возможность владения и пользования чужим земельным участком для возведения и эксплуатации недвижимости (аналогично МЗА «Об ОВП»).

Внедрение данного института в российскую правовую систему (посредством включения соответствующих положений в ГК РФ и ЗК РФ) позволит: упростить процедуры застройки, обеспечив стабильность правового статуса пользователя участка; гарантировать защиту интересов собственника земельного участка за счет обязательной компенсации за использование участка; закрепить право владения и пользования земельным участком под объектом недвижимости, включая возможность его залога, наследования и защиты от притязаний третьих лиц.

Таким образом, легитимизация суперфиция как ограниченного вещного права будет способствовать сбалансированному регулированию отношений между собственниками земельных участков и владельцами расположенных на них зданий, минимизировав конфликтность и правовую неопределенность.

С учетом сложности долгосрочных реформ, рассмотренных выше, приоритетным направлением следует признать точечную корректировку действующего законодательства, не предполагающую масштабных правовых и административных преобразований. Результаты исследования свидетельствуют о возможности реализации следующих оперативных мер: внесение изменений в Закон № 137-ФЗ с использованием механизмов внедрения через Росреестр.

Данные меры представляют собой совокупность законодательных и административных корректировок, направленных на решение ключевых проблемных аспектов.

Их реализация основана на существующей правовой базе и инфраструктуре, что обеспечит достижение результатов в кратчайшие сроки.

В контексте совершенствования правовых механизмов регулирования порядка выкупа и аренды чужих, находящихся в частной собственности, земельных участков собственниками расположенных на них зданий, сооружений, в рамках модификации Закона № 137-ФЗ, предлагается дополнить статью 3 пунктом 7.2, устанавливающим обязанность собственников зданий и сооружений по оформлению прав на земельные участки, расположенные под такими объектами, в соответствующем случае. Конкретно предлагается следующая формулировка пункта 7.2 статьи 3 Закона № 137-ФЗ:

«7.2. В случае, если у гражданина или юридического лица, являющихся собственниками зданий, сооружений, отсутствуют предусмотренные Земельным кодексом Российской Федерации права на земельные участки, находящиеся в частной собственности, на которых расположены такие здания, сооружения, указанные лица обязаны приобрести такие земельные участки в собственность или в аренду в соответствии с Земельным кодексом Российской Федерации, за исключением случаев, если для возникновения прав на такие земельные участки предоставление земельных участков не требуется».

Данная норма, разработанная по аналогии с положениями Закона № 487-ФЗ, направлена на устранение правовых коллизий, возникающих при раздельном владении объектами недвижимости и земельными участками под ними и обязывает собственников зданий и сооружений оформлять права на земельные участки под этими объектами, если права частной собственности на объекты и земельные участки принадлежат разным лицам.

Введение такой правовой нормы, базирующейся на принципах, заложенных в Законе № 487-ФЗ, позволит минимизировать правовые пробелы в регулировании отношений, связанных с раздельным владением недвижимым имуществом и земельными участками и устранил дискриминацию между государственными/муниципальными и частными земельными участками, создав единый подход: собственники сооружений, зданий, обязаны оформить право на земельные участки под ними (выкуп/аренду) независимо от формы собственности участка.

В контексте механизмов реализации через Росреестр, в целях совершенствования правового регулирования, минимизации правовой неопределенности и повышения прозрачности оборота недвижимости при разделенной собственности на объекты недвижимости и земельные участки под ними, предлагается:

— издать приказ, утверждающий порядок проверки прав на земельные участки при регистрации сделок с недвижимостью в случаях, когда права на объекты и участки принадлежат разным лицам, а также типовые формы уведомлений для заявителей и заинтересованных лиц;

— разработать типовые формы договоров аренды и выкупа с фиксированными условиями расчёта арендной

платы и стоимости выкупа, аналогичные применяемым для государственных и муниципальных участков;

— внедрить автоматизированную систему кросс-референсирования записей о правах на здания, сооружения и земельные участки, связывающую разделы ЕГРН, содержащие сведения о зданиях, сооружениях и земельных участках, для отображения всех обязательных данных в выписках и автоматического уведомления заинтересованных лиц с приложением типовых договоров;

— разработать методические рекомендации для регистраторов Росреестра, предусматривающих: (1) усиление контроля за осуществлением регистрации обременений земельных участков при переходе права собственности на расположенные на них здания, сооружения в случае, если права частной собственности на эти объекты и земельные участки под ними принадлежат разным лицам, то есть при выявлении правовой неопределённости; (2) усиление контроля за регистрацией прав на недвижимость, особенно в случаях, когда права на здания, сооружения и на земельные участки, на которых они расположены принадлежат разным лицам, предусматривающего обязательную проверку наличия правоустанавливающих документов на земельные участки (договоров аренды, сервитутов и пр.) при регистрации сделок с недвижимостью; (3) усиление контроля за кадастровым учетом сведений об объектах недвижимости, особенно, в случаях, уточнения их местоположения, когда права на земельные участки и здания, сооружения принадлежат разным лицам, то есть при выявлении правовой неопределённости — особый порядок кадастрового учёта при уточнении местоположения объектов, требующий подтверждения правомерности землепользования; (4) системное применение механизма приостановления регистрации (пп. 1, 5, 14, 15, 17, 21.1, 21.2 ст. 26 Закона № 218-ФЗ) при выявлении любых несоответствий в документах либо отсутствии доказательств наличия предусмотренных ЗК РФ прав на земельный участок — правовой неопределённости;

— внести изменения в пункт 72 Приказа Росреестра № П/0514 от 07.12.2023 [21] (далее — Порядок ведения ЕГРН), добавив вид обременения — пользование и преимущественное право аренды или выкупа собственником здания, сооружения. Альтернативно, такое право может быть отнесено к прочим ограничениям и обременениям с соответствующими разъяснениями. Это позволит более точно отразить права и обязанности собственников зданий, сооружений в отношении земельных участков, на которых они расположены, и обеспечит более эффективное управление недвижимостью.

Реализация данных мер, в том числе направлена на обеспечение юридической чистоты сделок и предотвращение возникновения спорных ситуаций в имущественных отношениях.

Проведённый анализ позволяет заключить, что современные проблемы правового регулирования земельных отношений в Российской Федерации, возникающие между собственниками зданий, сооружений и земельных участков, на которых данные объекты расположены, в случаях, когда права частной собственности на недвижимость и земельные участки принадлежат разным лицам, обусловлены исторически сложившимися правовыми и социально-экономическими предпосылками. Их генезис обусловлен трансформацией отношений собственности в 1990-х годах, когда в ходе приватизации произошло искусственное разделение прав на недвижимость и земельные участки, на которых она расположена, что породило устойчивую правовую неопределённость.

Динамичные изменения в системе прав собственности привели к формированию сложных механизмов владения недвижимостью на чужих земельных участках. Действующее законодательство не обеспечивает баланса интересов сторон и содержит пробелы в вопросах выкупа и аренды таких земельных участков, что провоцирует споры и снижает эффективность гражданского оборота. Отсутствие четких норм о порядке пользования этими участками, недостаточная синхронизация норм ГК РФ и ЗК РФ, а также данных ЕГРН усугубляют ситуацию. Эти проблемы подчеркивают необходимость системных изменений, направленных на гармонизацию права и устранение правовой неопределенности.

Историко-правовой анализ продемонстрировал, что корни проблемы лежат в советской модели исключения земли из гражданского оборота, а последующие реформы 1990–2000-х гг. не смогли сформировать эффективной системы синхронизации прав на недвижимость и земельные участки под ней. Сравнение с международным опытом, в частности с институтом суперфиция в рамках модельных актов СНГ, подтвердило возможность гармонизации интересов через внедрение ограниченных вещных прав.

Практическая значимость данного исследования заключается в разработке механизмов оперативного устранения правовых пробелов через быстрореализуемые меры (имплементация аналогий с Законом № 487-ФЗ, совершенствование превентивных процедур приостановления регистрации сделок Росреестром), не требующие масштабной законодательной реформы. Результат этой работы вносит вклад в развитие доктрины вещных прав и формирует методологическую базу для системных преобразований, находя практическое применение при модернизации ЗК РФ и ГК РФ. Реализация предложенных подходов способствует достижению баланса интересов собственников недвижимости и земельных участков, повышению стабильности гражданского оборота и устойчивому развитию имущественных отношений в России.

Литература:

1. «Декрет о земле» от 27.10.1917: принят II Всероссийским съездом Советов // СУ РСФСР. — 1917 г. — № 1. — Ст. 3.

2. Постановление ВЦИК «О введении в действие Гражданского кодекса Р. С. Ф.С.Р.», от 11.11.1922: вместе с «Гражданским кодексом Р. С. Ф.С.Р.». // СУ РСФСР. — 1922 г. — № 71. — Ст. 904 с изм. и допол. в ред. от 01.02.1949.
3. Закон СССР «Об утверждении Основ земельного законодательства Союза ССР и союзных республик» от 13.12.1968 № 3401-VII // Ведомости ВС СССР. — 1968 г. — № 51. — Ст. 485 с изм. и допол. в ред. от 02.12.1987.
4. Закон РСФСР «Об утверждении Земельного кодекса РСФСР» от 01.07.1970: вместе с «Земельным кодексом РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. — 1970 г. — № 28. — Ст. 581 с изм. и допол. в ред. от 25.04.1991.
5. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Российская газета. — 2020. — 4 июля (№ 144). — С. 1–5.
6. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2001 г. — № 44. — Ст. 4147 с изм. и допол. в ред. от 20.03.2025.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1994 г. — № 32. — Ст. 3301 с изм. и допол. в ред. от 08.08.2024.
8. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2005 г. — № 1 (часть 1). — Ст. 16 с изм. и допол. в ред. от 26.12.2024.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 23.06.2015 № 25 // Российская газета. — 2015 г. — № 140.
10. Определение Верховного Суда РФ от 02.02.2021 № 306-ЭС20–23816 по делу № А12–35181/2019 // СПС «Консультант Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=654490&ysclid=m95i8l0o79524074866#RU7CahU76I3PsCHU> (дата обращения: 06.04.2025).
11. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22.12.2015 по делу № 304-ЭС15–11476, А27–18141/2014 // СПС «Консультант Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=447574&ysclid=m95icm7bm6256415899#dduCahUCy5YaBJTK2> (дата обращения: 06.04.2025).
12. Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 1 статьи 1158 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М. В. Кондрачука» от 23.12.2013 № 29-П // Собрание законодательства РФ. — 2014 г. — № 1. — Ст. 79.
13. Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 1 статьи 1158 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М. В. Кондрачука» от 22.04.2014 № 12-П // Собрание законодательства РФ. — 2014 г. — № 17. — Ст. 2081.
14. Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» от 13.07.2015 № 218-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2015 г. — № 29 (часть I). — Ст. 4344 с изм. и допол. в ред. от 28.02.2025.
15. Решение Московского городского суда от 21 сентября 2023 года по делу № 7–20185/2023 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/savyolovskij/cases/docs/content/fa91efc0-6347-11ee-9d58-f1e852773848> (дата обращения: 06.04.2025).
16. Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 17.08.2018 № 18-КГ18–122 // СПС «Консультант Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=554843&ysclid=m95i2j0hs2405329980#tyvAahUzu9C2vGIJ> (дата обращения: 06.04.2025).
17. Федеральный закон «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» от 25.10.2001 № 137-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2001 г. — № 44. — Ст. 4148 с изм. и допол. в ред. от 20.03.2025.
18. Бевзенко, Р. С. Комментарий к статье 8.1 ГК РФ / Р. С. Бевзенко. — Текст: непосредственный // Вестник экономического правосудия РФ. — 2019. — № 12. — С. 90 и далее.
19. Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств «О модельном законодательстве в Содружестве Независимых Государств» от 14.04.2005 № 25–8 // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ. — 2005 г. — № 36.
20. Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств «О модельном законе «Об ограниченных вещных правах» от 27.11.2015 № 43–9 // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ. — 2016 г. — № 64.
21. Приказ Федеральной службы государственной регистрации «Об установлении порядка ведения Единого государственного реестра недвижимости» от 07.12.2023 № П/0514: зарегистрировано в Минюсте России 31.01.2024 № 77083 // официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). — 2024 г. — № 0001202402010041. — с изм. и допол. в ред. от 07.12.2023.
22. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 26.12.2024 № 487-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2024 г. — № 53 (Часть I). — Ст. 8497.

Уголовная ответственность несовершеннолетних: проблемы и перспективы совершенствования законодательства

Колесников Никита Алексеевич, студент;

Мамедов Рафаэль Физулиевич, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Статья посвящена анализу уголовной ответственности несовершеннолетних в Российской Федерации, выявлению проблем применения существующих видов наказаний и перспектив совершенствования законодательства. Рассмотрены недостатки различных видов наказания, включая отсутствие доходов у подростков, трудности реализации работ и негативные последствия изоляции. Особое внимание уделено критике взыскания штрафов с родителей и ограниченной эффективности традиционных наказаний. Обосновывается необходимость расширения альтернативных мер воспитательного воздействия, усиления контроля за их исполнением и минимизации применения лишения свободы в соответствии с международными стандартами.

Ключевые слова: уголовная ответственность несовершеннолетних, проблемы правоприменения, лишение свободы.

Проблема уголовной ответственности несовершеннолетних остается одной из центральных в уголовно-правовой науке и правоприменительной практике. Особенности психофизического развития подростков, их повышенная внушаемость, недостаточная социальная адаптация и влияние неблагоприятной среды создают особые условия, в которых совершаются преступления. В связи с этим российское уголовное законодательство предусматривает для несовершеннолетних специальный режим наказаний, существенно отличающийся от наказаний, применяемых к совершеннолетним. Однако существующая система наказаний не всегда учитывает реальные возможности их исполнения в отношении подростков. Многие виды оказываются неэффективными или практически невыполнимыми, что приводит к проблемам в правоприменении и требует совершенствования законодательства.

Согласно статье 88 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), к несовершеннолетним могут применяться следующие виды наказаний: штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы и лишение свободы на определенный срок. Однако каждый из этих видов наказаний сопряжен с правоприменительными сложностями, снижающими их эффективность.

Вопрос применения штрафа как вида уголовного наказания к несовершеннолетним, совершившим преступления, является предметом активных дискуссий в юридической науке. С одной стороны, он рассматривается как гуманная альтернатива лишению свободы, позволяющая избежать изоляции подростка от общества. С другой стороны, эффективность штрафа вызывает сомнения, поскольку большинство несовершеннолетних не имеют собственного дохода или имущества, на которое можно обратить взыскание.

Согласно УК РФ, штраф для несовершеннолетних может составлять от одной до пятидесяти тысяч рублей или назначаться в размере их заработной платы (иного

дохода) за период от двух недель до шести месяцев. При этом допускается возможность взыскания штрафа с родителей или законных представителей несовершеннолетнего с их согласия. Однако данное положение подвергается критике, поскольку фактически наказание несут не виновные, а их родители. Это противоречит принципу личной ответственности и может не способствовать осознанию подростком последствий своих противоправных действий.

Как отмечают некоторые ученые-правоведы, уплата штрафа родителями и законными представителями вместо несовершеннолетнего не позволяет достичь целей уголовного наказания, а проявляется лишь в родительском порицании подростка, которое вряд ли будет являться ограничителем последующего противоправного поведения [5, с. 104]. Предлагается исключить возможность взыскания штрафа с родителей или законных представителей из уголовного законодательства, аргументируя это тем, что такая практика противоречит принципам уголовного права и не способствует достижению целей наказания. К тому же складывается ситуация, что эффективность данного вида наказания ставится в зависимость от поведения родителей. Так, например, при активном участии родителей в воспитании и контроле за поведением подростка, такой вид наказания может быть оправданным. А в ситуации, когда родители или иные опекуны допускают халатность в воспитании, придерживаются принципов вседозволенности, данный вид наказания не окажет на виновного никакого воспитательного воздействия. Более того, привлечение родителей к уплате штрафа за преступление ребенка может привести к усилению семейных конфликтов, а сам подросток не почувствует реальных последствий своей противоправной деятельности [8, с. 48].

В качестве альтернативы штрафу предлагается более широкое применение принудительных мер воспитательного воздействия, таких как обязательные и исправительные работы. Они направлены на исправление подростка и могут оказаться более эффективными в предотвращении рецидива.

Обязательные работы представляют собой бесплатный общественно полезный труд, выполняемый несовершеннолетним в свободное от учебы или работы время. Согласно УК РФ, несовершеннолетним назначаются обязательные работы на срок от 40 до 160 часов, при этом продолжительность работы не должна превышать 2 часов в день для лиц в возрасте от 14 до 15 лет и 3 часов в день для лиц от 15 до 16 лет. Однако на практике реализация данного наказания сталкивается с рядом сложностей, связанных с обеспечением условий для его исполнения.

В небольших населенных пунктах может отсутствовать достаточное количество организаций, готовых предоставить места для отбывания обязательных работ, что затрудняет реализацию наказания. Кроме того, контроль за исполнением обязательных работ возлагается на уголовно-исполнительные инспекции, которые не всегда обладают необходимыми ресурсами и возможностями для надлежащего надзора, особенно в отдаленных районах.

Исправительные работы представляют собой выполнение оплачиваемого труда с удержанием от 5 до 20 % заработка осужденного в доход государства. Однако их применение возможно лишь в отношении несовершеннолетних, имеющих официальное трудоустройство, что существенно ограничивает сферу применения. Помимо этого, контроль за исполнением исправительных работ также возлагается на уголовно-исполнительные инспекции, которые, как уже отмечалось, могут испытывать дефицит ресурсов для эффективного надзора.

В научной литературе высказываются различные мнения относительно целесообразности применения обязательных и исправительных работ к несовершеннолетним. Одни исследователи подчеркивают их воспитательный потенциал, другие указывают на существующие проблемы, затрудняющие их эффективное применение в настоящее время [2, с. 94–95].

Что касается такого вида наказания как лишение права заниматься определенной деятельностью, то данный вид наказания также применяется редко. Это связано с тем, что большинство подростков не обладают специальностью или официально не трудоустроены. Поэтому большинство авторов, предлагают исключить данный вид наказания из перечня видов наказаний, применяемых в отношении несовершеннолетних [6, с. 103–104].

Однако есть случаи, когда такой вид наказания мог бы применяться. Например, в отношении несовершеннолетних спортсменов, которые совершили преступления в ходе соревнований, или в отношении подростков-блогеров, распространяющих преступный контент. В таком случае более грамотной является позиция Балуевой Т. В. которая утверждает, что по отношению к несовершеннолетним необходимо использовать только вторую разновидность наказания в виде лишения права заниматься определенной деятельностью, так как подростки, как правило, официально не трудоустроены и не вовлечены в сферу госслужбы [3, с. 11].

Особое место в системе наказаний занимает ограничение свободы, которое, в отличие от лишения свободы, предполагает не изоляцию от общества, а установление судом определенных запретов и обязанностей. Данный вид наказания имеет потенциал для сохранения социальных связей и минимизации травматичного воздействия тюремной среды, что особенно важно для подростков в процессе социализации. Критики, однако, указывают на сложности контроля за исполнением таких ограничений, например, отсутствие системного взаимодействия между органами надзора, школой, семьей, что нередко сводит профилактический эффект к нулю. Тем не менее, в условиях поиска баланса между карательной и воспитательной функциями наказания, ограничение свободы остается востребованным инструментом, альтернативным изоляции.

Наиболее эффективным и в то же время наиболее суровым является наказание в виде лишения свободы. Его применение к несовершеннолетним является одной из наиболее дискуссионных тем. С одной стороны, изоляция подростков от общества рассматривается как мера защиты граждан. С другой стороны, существует высокая вероятность негативных последствий такого наказания, включая криминализацию несовершеннолетних в местах лишения свободы, разрыв социальных связей и осложнение процесса их реабилитации.

В условиях изоляции подростки нередко попадают под влияние криминальной субкультуры, что повышает риск рецидива. В связи с этим в международной практике применяется принцип минимизации лишения свободы для несовершеннолетних.

В международной практике существует тенденция к минимизации применения лишения свободы к несовершеннолетним. Пекинские правила (Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних) рекомендуют использовать лишение свободы только в качестве крайней меры и на минимально необходимый срок. Вместо этого предлагается применять альтернативные меры, такие как probation, общественные работы, участие в реабилитационных программах.

В российском праве также наблюдается тенденция к гуманизации уголовного наказания несовершеннолетних. В частности, активно развивается система принудительных мер воспитательного воздействия, которая может применяться вместо уголовного наказания. Однако, как отмечают исследователи, данные меры используются недостаточно широко, и лишение свободы по-прежнему остается одним из наиболее часто назначаемых наказаний [4, с. 43].

Таким образом, действующая система наказаний для несовершеннолетних требует совершенствования с учетом их психофизических особенностей и социальной ситуации. Введение штрафов сталкивается с проблемой отсутствия у подростков собственных доходов, обязательные и исправительные работы испытывают трудности реализации в современных условиях, а огра-

ничение и лишение свободы в ряде случаев приводит к негативным последствиям, препятствующим реабилитации. В связи с этим целесообразно расширять применение аль-

тернативных мер воздействия, направленных на исправление и социализацию несовершеннолетних, а также совершенствовать механизмы их контроля и исполнения.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 года (ред. от 28.02.2025)// Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954
2. Алтынбаева, Л. М. Лишение свободы в отношении несовершеннолетних: проблемы их применения и пути их совершенствования / Л. М. Алтынбаева. // Вестник Омского университета. — 2009. — № 1(18). — С. 91–96.
3. Балуева, Т. В. Виды уголовных наказаний, применяемых в отношении несовершеннолетних, совершивших общественно опасные деяния (специфика и особенность их применения в отношении несовершеннолетних) / Т. В. Балуева // Вектор науки Тольяттинского государственного университета.. — 2018. — № 1(32). — С. 10–14.
4. Волкова, Л. А. Проблемы назначения наказания несовершеннолетним / Л. А. Волкова // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. — 2020. — № 2. — С. 41–43.
5. Грицай, О. В. Исполнительное производство в РФ: учебное пособие / О. В. Грицай. — изд.3. — Самара: Самарский государственный университет, 2009. — 334 с.
6. Долгополов, К. А. Назначение несовершеннолетним наказаний в виде ареста и лишения права заниматься определенной деятельностью / К. А. Долгополов // Пробелы в российском законодательстве. — 2009. — № 3 — С. 103–104.
7. Казанкова, О. А., Шуманская, Е. В. Актуальные проблемы назначения и исполнения наказания в отношении несовершеннолетних / О. А. Казанкова, Е. В. Шуманская // Эпомен. — 2020. — № 49. — С. 157–162.
8. Карпец, Д. В. Проблемы теории и практики назначения наказания несовершеннолетним / Д. В. Карпец // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. — 2024. — № 3. — С. 47–50.

Кибербуллинг как новая форма воздействия на несовершеннолетних

Колесникова Екатерина Владимировна, студент;

Баруткина Виктория Вячеславовна, студент

Научный руководитель: Вишневецкая Ирина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматривается феномен кибербуллинга как новой формы воздействия на несовершеннолетних в цифровом пространстве. Кибербуллинг, представляющий собой манипулятивное использование цифровых технологий для вовлечения подростков в противоправные или деструктивные действия. В настоящей работе разработаны меры по противодействию кибербуллингу несовершеннолетних.

Ключевые слова: кибербуллинг, Интернет, несовершеннолетние, цифровая безопасность, киберпреступность.

Кибербуллинг — это относительно новое явление, которое активно распространяется в мире Интернета. Проблемы, связанные с психологическим и физическим насилием, которые раньше существовали исключительно в реальной жизни, теперь перенесены в виртуальную среду. На первый взгляд, этот вид травли может показаться безобидным. Однако уникальные особенности Интернета, такие как анонимность, обширная аудитория, круглосуточная возможность для нападков и возможность подделки информации, делают кибербуллинг отличным от традиционного. В современных условиях проблема интернет-насилия становится всё более актуальной, поскольку под угрозой оказывается психическое здоровье подростков.

Многие жертвы кибербуллинга боятся рассказывать о своих проблемах взрослым, опасаясь, что их могут ли-

шить доступа к Интернету. В эпоху цифровых технологий современный подросток проводит значительную часть своего свободного времени в сети [1, с. 154].

Кибербуллинг представляет собой злоупотребление информационными и коммуникационными технологиями, такими как электронная почта, мобильные устройства и персональные веб-сайты. Это умышленное, повторяющееся и враждебное поведение отдельного человека или группы, нацеленное на унижение других [2].

Как разновидность кибернасилия, кибербуллинг характеризуется агрессивными действиями, шантажом, а также распространением личных фотографий и видео, которые используются с целью посмеяться и оскорбить [3, с. 333].

Кибербуллинг может быть вызван рядом причин, включая желание доминировать, чувство собственной неполноценности, зависть, жажду мести, стремление полу-

чить удовольствие от своих действий, а также конформизм, то есть изменение мнения под влиянием группы. Также он может быть связан с проблемами в семье и низким уровнем личностного развития [4, с. 39].

В кибербуллинге участвуют личности с определёнными психологическими характеристиками, которые можно разделить на три группы: преследователи, жертвы и наблюдатели. Преследователь — это обычно темпераментный индивид, стремящийся подтвердить свою лидерскую позицию, демонстрирующий агрессию и не испытывающий сочувствия [5, с. 8]. Жертвы, напротив, часто бывают робкими, взволнованными, склонными к плачу и малообщительными. Наблюдатели же могут ощущать страх и беспомощность, иногда поддерживая преследователя.

Кибербуллинг может проявляться в различных формах:

1. Флейминг — это конфликт ради конфликта через обмен сообщениями в чатах, форумах или соцсетях.
2. Троллинг — это размещение провокационного контента, вызывающего конфликт.
3. Клевета — это распространение ложных сведений, ухудшающих чью-то репутацию.
4. Киберсталкинг — это преследование или домогательство онлайн.
5. Секстинг — это переписка или пересылка интимного контента.
6. Гриферство — это причинение ущерба в видеоиграх.
7. Раскрытие секретов — публикация личной информации в сети.
8. Выдача себя за другого — создание фальшивых профилей для травли [6, с. 6].
9. Кетфишинг — копирование профиля жертвы для размещения негативного контента.
10. Диссинг — публикация порочащей информации о жертве онлайн.
11. Фрейпинг — захват чужой учетной записи для рассылки нежелательного контента от имени жертвы [7, с. 86].

Кибербуллинг может происходить круглосуточно, не давая жертве почувствовать защиту, в любое время дня и ночи. Анонимность агрессора усиливает страх и усугубляет ситуацию. В отличие от физического насилия, долгосрочные психологические последствия кибербуллинга значительно вредят психическому здоровью [8]. Распознать жертву эмоционального насилия не всегда легко, но знание эмоций и психологических признаков может помочь в своевременном реагировании и оказании помощи.

Жертвы кибербуллинга могут сталкиваться с множеством психологических проблем, таких как понижение самооценки, развитие депрессии, враждебное поведение, чувство тревоги, недоверие к окружающим, частые перепады настроения, пугливость, страхи и даже склонность к суициду [9, с. 117]. Эти люди особенно уязвимы и нуждаются в профессиональной психологической поддержке.

Российские исследования показывают, что проблема кибербуллинга среди молодежи становится всё более

серьёзной. По данным Роскомнадзора, в 2023 году количество обращений, связанных с этой проблемой, выросло на 20 % по сравнению с предыдущим годом, а в 2024 году количество случаев кибербуллинга среди несовершеннолетних увеличилось ещё на 15 % [10].

Анализ деятельности специализированных подразделений МВД России, занимающихся расследованиями в сфере компьютерных технологий, показал недостаток возбужденных дел по фактам интернет-правонарушений с признаками кибербуллинга в отношении несовершеннолетних. Это говорит не столько об отсутствии таких случаев, сколько о том, что данный вид преступности часто остаётся скрытым. Жертвами кибербуллинга чаще всего становятся дети и подростки, которые обычно не склонны открываться обществу.

История Дианы Шурыгиной служит наглядным примером кибербуллинга. После публичного освещения преступления против её половой неприкосновенности она стала объектом общественного осуждения и травли. Пользователи не только обсуждали её ситуацию, но и высмеивали её публично, подвергая её жизнь и жизнь её семьи нападкам и угрозам. В результате они даже были вынуждены сменить место жительства [11].

Ситуация с кибербуллингом, по нашему мнению, всё ещё недооценена законодателями. Он может приводить к тяжелым, иногда необратимым последствиям, от серьёзных психологических травм до доведения молодёжи до самоубийства или воспитания в жертве нового агрессора.

Для эффективного противодействия кибербуллингу необходимо предпринять следующие меры:

1. Ввести уголовную или административную ответственность за кибербуллинг, включая штрафы, общественные работы и обязательные курсы реабилитации;
2. Сформировать специализированные подразделения в правоохранительных органах, занимающихся расследованием случаев кибербуллинга и защитой прав несовершеннолетних;
3. Включить в школьную программу курсы по безопасному использованию интернета и социальных сетей;
4. Организовать консультации для жертв кибербуллинга и их родителей, а также проводить тренинги по развитию эмоциональной устойчивости;
5. Использовать искусственный интеллект для выявления и блокировки оскорбительного контента;
6. Организовать круглосуточные службы поддержки, куда подростки смогут обратиться за помощью в случае кибербуллинга.

Таким образом, кибербуллинг представляет значительную опасность для психического благополучия и безопасности молодёжи. Эффективная борьба с этой проблемой требует совместных усилий со стороны государства, образовательных организаций, технологических компаний и общества в целом. Лишь интегрированный подход поможет снизить угрозы и обеспечить безопасное цифровое пространство для молодого поколения.

Литература:

1. Бенгина, Е.А., Гришаева С. А. Кибербуллинг как новая форма угрозы психологическому здоровью личности подростка // Вестник университета. — 2018. — № 2. — С. 153–157.
2. Belsey B. Cyberbullying: An Emerging Threat to the «Always On» Generation. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.cyberbullying.ca/pdf/Cyberbullying_Article_by_Bill_Belsey.pdf (дата обращения: 21.03.2025).
3. Вишневецкая, И. Н. Кибернасиловательная преступность в отношении женщин // Правовая политика и правовая жизнь. — 2023. — № 4. — С. 331–337.
4. Баранов, А. А. Психологический анализ причин несовершеннолетнего кибербуллинга // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». — 2015. — № 25. — С. 37–41.
5. Макарова, Е. А. Психологические особенности кибербуллинга как формы Интернет-преступления / Е. А. Макарова // Российский психологический журнал. — 2016. — № 3. — С. — 293–311.
6. 10 форм кибербуллинга от kids.kaspersky.ru [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://stop-ugroza.ru/life/10-formkiberbullinga-ot-kids-kaspersky-ru/> (дата обращения: 21.03.2025).
7. Тиркашева, Г. М. Кибербуллинг среди детей: понятие, современные формы и защитные механизмы // Oriental renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences. — 2022. — № 5. — С 84–93.
8. Кибербуллинг как новая форма угрозы безопасности личности ребенка. URL: https://mou45.ru/docs/Информация/Информационная_безопасность/Кибербулинг.docx (дата обращения: 11.04.2025).
9. Таранова Т. Н. Психолого-педагогическая характеристика буллинга в общеобразовательной школе // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: сб. ст. по мат. XXVI междунар. студ. науч.-практ. конф. — 2014. — № 11. — С. 115–132.
10. Роскомнадзор изучит инициативу по наказанию за кибербуллинг URL:https://www.m24.ru/news/obshchestvo/03032025/775853?utm_source=CopyBuf (дата обращения: 21.03.2025).
11. Шурыгина рассказа об угрозах в адрес ее семьи // URL: <https://iz.ru/694793/2018-01-12/shuryginarasskazala-ob-ugrozakh-v-adres-svoei-semi> (дата обращения: 21.03.2025).

Законодательная база, применяемая для предотвращения недобросовестной конкуренции

Коржова Софья Романовна, студент магистратуры
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Конкуренция является неотъемлемой составляющей рыночной экономики и способствует развитию бизнеса и инноваций. Однако, существует определенное число ситуаций, когда конкуренция может создавать негативные последствия для отдельных рыночных участников или потребителей. В таких случаях важно иметь соответствующие правовые механизмы и инструменты, которые способствуют предотвращению недобросовестной или неправомерной конкуренции. В данной статье мы рассмотрим основную правовую базу, применяемую для предотвращения недобросовестной конкуренции. Такая система направлена на защиту потребителей, создание справедливых условий для всех участников рынка и пресечение использования доминирующего положения на рынке. Она состоит из антимонопольного законодательства, законов о защите конкуренции и законов о борьбе с недобросовестной предпринимательской деятельностью. Запрещая недобросовестную деятельность на рынке, в том числе картелирование, злоупотребление доминирующим положением, обманчивую рекламу, нарушение прав интеллектуальной собственности и другие, эта система требует от бизнеса соблюдения законов, регулирующих честную конкуренцию. Предотвращение недобросовестной конкуренции влияет на экономический рост, сохранение инноваций и интересы потребителей.

Ключевые слова: международное право, предпринимательская деятельность, конкуренция, законодательная база, монополия.

Современный рынок процветает благодаря разнообразию товаров и услуг, и мы можем наблюдать, как участники экономической деятельности конкурируют друг с другом в этих условиях. В последнее время рынок полностью поглощен конкуренцией. Всем известно, что

конфликт возникает при столкновении несовпадающих целей и борьбе за разрозненные преимущества, что и порождает конкурентные отношения.

Нанесение финансового и репутационного ущерба конкурирующим участникам рынка называется недобро-

совестной конкуренцией. Компании и предприниматели часто нарушают закон для достижения своих целей.

Существует три вида недобросовестной конкуренции, определенных Парижской конвенцией по охране промышленной собственности, которая регулирует рыночную конкуренцию:

- любые действия, направленные на выделение бренда за счет успеха и признания конкурента;
- любые действия, дискредитирующие другую компанию;
- обман потребителей, который заключается в введении покупателя в заблуждение путем приписывания товару нереальных качеств и характеристик.

Самым первым международным соглашением, регулирующим защиту прав на промышленную собственность, является Парижская конвенция. Вышеупомянутые положения распространяются и на российскую действительность.

Законодательная база, применяемая для предотвращения недобросовестной конкуренции, состоит из ряда мер, направленных на обеспечение честной и равной игры на рынке. Основной целью данной базы является защита прав и интересов как потребителей, так и предпринимателей, а также обеспечение эффективного функционирования экономики в целом.

В рамках законодательства осуществляется контроль и регулирование отношений между участниками рынка с целью предотвращения недобросовестных и антимонопольных практик. Для этих целей принимаются специальные нормативно-правовые акты, которые определяют правила, требования и ответственность за нарушение законов о конкуренции.

Запрет на монополистическую практику и создание картелей — один из основных инструментов правовой системы. Это означает, что владельцы предприятий не могут разделять рынки, контролировать ценообразование, ограничивать конкуренцию или не допускать новых конкурентов. Это ограничение влечет за собой серьезные штрафы и другие наказания для нарушителей.

Кроме того, правовая система защищает интеллектуальную собственность, поэтому владельцам бизнеса запрещено несанкционированно использовать торговые марки, патенты или авторские права, принадлежащие другим лицам. Лица, нарушающие эти права, могут столкнуться с юридическими и финансовыми последствиями.

Важным инструментом в борьбе с недобросовестной конкуренцией является антимонопольное регулирование. Государственные органы осуществляют контроль за слияниями и поглощениями компаний, предотвращают формирование монопольных позиций на рынке, а также борются с злоупотреблениями доминирующим положением участников рынка.

Для борьбы с недобросовестной конкуренцией и обеспечения бесперебойной работы законодательной базы создаются ведомства и специализированные органы, призванные управлять и регулировать рыночные процессы.

Эти организации разрабатывают и осуществляют целый ряд мер, направленных на снижение уровня недобросовестной конкуренции и выравнивание условий для всех участников рынка.

Законодательная база, применяемая для предотвращения недобросовестной конкуренции, включает в себя множество актов и законов, разработанных с целью обеспечить честность и равные возможности на рынке. Рассмотрим некоторые примеры таких законодательных актов и правил.

Запрет недобросовестной конкуренции в РФ основывается на части 2 статьи 34 Конституции РФ, согласно которой не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию. В настоящее время понятие и запрет недобросовестной конкуренции содержатся соответственно в пункте 9 статьи 4 и в статье 14 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее — Закон о защите конкуренции) [9].

Кроме того, вместо того чтобы ограничить сферу недобросовестной конкуренции коммерческими взаимодействиями, законодатель ограничил ее рамками предпринимательских отношений. Это имеет смысл, поскольку экономические взаимодействия имеют более широкую сферу применения и могут включать в себя отношения как с конкурентными свойствами, так и без них, в то время как предпринимательские отношения основаны на соперничестве.

Глава 2.1 Федерального закона № 135 «О защите конкуренции» содержит перечень видов недобросовестной конкуренции. К ним относятся:

- 1) дискредитация — введение клиента в заблуждение путем распространения ложной информации о конкуренте или другом субъекте бизнеса. В результате клиенты будут воспринимать его негативно;
- 2) введение в заблуждение: предоставление потребителям ложной информации о свойствах и качестве продукции. Цель — создание оптимистичного образа, расходящегося с реальностью;
- 3) необоснованное сравнение — попытка выставить товар или бренд лучше, чем у конкурентов, без указания причин;
- 4) использование чужой интеллектуальной собственности — применение участниками рынка элементов фирменного стиля соперников для привлечения их клиентов;
- 5) использование и распространение охраняемых законом коммерческих секретов или другой конфиденциальной информации, использование чужих данных, не предназначенных для публичного использования, но представляющих ценность для владельца;
- 6) демпинг — нечестная форма ценовой конкуренции, которая заключается в быстром снижении цен с целью вытеснения из бизнеса брендов, не способных снизить свои издержки;
- 7) подкуп экспертов и идейных вдохновителей для привлечения неблагоприятного внимания клиентов.

Хотя сотрудничество с блогерами не запрещено, в данном случае инфлюенсер вводит подписчиков в заблуждение;

8) оказание давления на сотрудников организации с целью приобретения у них конфиденциальной информации о продукте или бизнес-процедуре;

9) угрозы в адрес конкурирующих компаний, а также требования помешать бизнесу или объявить бойкот;

10) кража чужих продуктов, услуг или публично видимых коммерческих элементов, таких как название бренда или логотип.

За нарушение антимонопольного законодательства предусмотрена административная и уголовная ответственность. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), глава 14 «Административные правонарушения в области предпринимательской деятельности и саморегулируемых организаций», статья 14.31 «злоупотребление доминирующим положением на рынке» устанавливает штрафы за недобросовестную конкуренцию, «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2023), статья 183 «Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну» предусматривает лишение свободы и штрафы за незаконное получение и разглашение коммерческой тайны. [3, 2, 7,8]

Далее мы рассмотрим примеры из судебной практики в области недобросовестной конкуренции:

1. глава 2.1 Федерального закона № 135 «О защите конкуренции» запрещает производителям лгать и распространять другие порочащие материалы. Например, в ФАС обратилась московская компания, занимающаяся обслуживанием систем пожарной сигнализации. Основанием для жалобы стал подрядчик, который в рассылке потенциальным клиентам критиковал другие компании. Он обвинил конкурентов в нарушении регламента обслуживания и сослался на несоблюдение ими определенного протокола, который якобы гарантировал штрафные санкции со стороны МЧС в случае сотрудничества. Сбор и распространение фактической информации о нарушениях или некачественном оказании услуг не считается дискредитацией.

2. глава 2.1 Федерального закона № 135 «О защите конкуренции» запрещает производителям лгать и распространять другие порочащие материалы. Федеральный закон № 135: «О защите конкуренции». Например, в ФАС обратилась московская компания, занимающаяся обслуживанием систем пожарной сигнализации. Основанием для жалобы стал подрядчик, который в рассылке потенциальным клиентам критиковал другие компании. Он обвинил конкурентов в нарушении регламента обслуживания и сослался на несоблюдение ими определенного протокола, который якобы гарантировал штрафные санкции со стороны МЧС в случае сотрудничества;

3. федеральный закон № 135 «О защите конкуренции» запрещает производителям использовать чужие товарные знаки. Франчайзинг является исключением из

этой нормы. Размещение продвигаемого названия или эмблемы на баннере, в рекламе или на вывеске ограничивается этим способом. Аналогичное обстоятельство имело место с CarFix, разработчиком мобильного приложения для поиска авторемонтных мастерских. Он называл его «Repairista». Когда пользователи искали программу по названию, они попадали на сайт конкурирующего сервиса, который управляет одноименным российским сервисом, помогающим находить станции техобслуживания онлайн. Владельцу агрегатора автосервисов, успешно отсудившему у CarFix миллион рублей, учитывалась рыночная стоимость товарного знака и сумма роялти, которую ответчик должен был бы выплатить, если бы использовал его на законных основаниях.

На международном уровне Россия является участницей Договора о создании Евразийского экономического союза (подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 24.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.04.2023). [1] Единое экономическое пространство и расширение экономического сотрудничества — таковы цели межгосударственного объединения, которое подписали Беларусь, Казахстан и Россия. Договор базируется на принципах равноправия, взаимного выгодного сотрудничества, четкого разграничения полномочий и национального суверенитета государств-участников.

Создание общего экономического пространства, обеспечивающего свободное перемещение рабочей силы, капитала, товаров и услуг между странами-участницами, является ключевым компонентом Договора. Основу Евразийского экономического союза составляют Комиссия и Суд. Комиссия создает и утверждает правила, определяющие взаимодействие государств-членов, а также координирует экономическую политику. Суд осуществляет контроль за применением и исполнением правил Договора.

Договор также предусматривает создание единого таможенного пространства между государствами-участниками, совместное регулирование торгово-экономических отношений, гармонизацию норм и стандартов ведения бизнеса. Активно разрабатываются меры по устранению и снижению технических и нетарифных барьеров взаимобмена товарами и услугами.

Договор обеспечивает защиту прав и интересов граждан государств-участников, включая право на труд и равные возможности в образовании, здравоохранении, социальном обеспечении и т. д. Также образован Единый энергетический рынок, что способствует обеспечению стабильных условий энергоснабжения для стран-участников. Договор является инструментом для обеспечения устойчивого экономического развития и укрепления позиций участников на международной арене.

Так же Россия является участником Межгосударственного совета по антимонопольной политике (МСАП), который был создан в 1993 г. в соответствии с Договором о проведении согласованной антимонопольной политики от 23.12.93 г. (новая редакция принята 25 января 2000 года). Этот совет направлен на предотвращение и пресе-

чение монополистических практик, а также на защиту интересов потребителей и развитие бизнес-конкуренции. [4]

Создание и поддержание разумных рыночных норм — основное направление деятельности Межгосударственного совета по антимонопольной политике. Это достигается путем создания и применения антимонопольных норм и правил, которые препятствуют возникновению конкурентных проблем и облегчают их решение.

В функции совета также входит наблюдение и управление рыночными процессами. Для отслеживания возможных нарушений антимонопольного законодательства и оценки уровня конкуренции на рынке создаются специальные департаменты и агентства. В случае выявления нарушений совет принимает меры и налагает штрафы на нарушителей, чтобы защитить права потребителей и восстановить честную конкуренцию.

Кроме того, межгосударственный совет по антимонопольной политике активно сотрудничает с другими государственными и международными организациями. Это позволяет создать эффективную систему обмена информацией и опытом, а также разрабатывать совместные стратегии и политики в сфере антимонополии.

Наконец, одним из важнейших компонентов деятельности Совета является повышение уровня понимания общественностью принципов и процедур антимонопольной политики. Чтобы повысить ценности соблюдения антимонопольного законодательства, Совет проводит тренинги, конференции и образовательные мероприятия для широкого круга заинтересованных сторон.

Результаты деятельности Совета:

1. была создана необходимая договорно-правовая база, ставшая основой для взаимодействия антимонопольных органов стран Содружества в различных сферах и гармонизации антимонопольного законодательства государств-участников СНГ;

2. страны-участницы Содружества Независимых Государств (СНГ) разработали и подписали соглашения о сотрудничестве. В частности, Соглашение об основных направлениях сотрудничества в области защиты прав потребителей между государствами-участниками Содружества Независимых Государств и Соглашение о сотрудничестве в области регулирования рекламной деятельности между государствами-участниками Содружества Независимых Государств;

3. создание Штаба по совместным расследованиям нарушений антимонопольного законодательства государств-участников СНГ позволило антимонопольным органам государств-участников СНГ более практично взаимодействовать;

4. для улучшения взаимодействия в соответствующих областях было создано несколько органов по конкретным направлениям: Консультативный комитет по защите прав потребителей государств-участников СНГ; Координационный совет по рекламе при МСАП;

5. среди других документов о сотрудничестве были подписаны Меморандумы о сотрудничестве с Евразий-

ской экономической комиссией, Межгосударственным авиационным комитетом и Региональным содружеством в области связи;

6. совет глав правительств СНГ 20 ноября 2013 года принял решение определить Учебно-методический центр ФАС России в Казани базовой организацией государств-участников СНГ по профессиональной переподготовке и повышению квалификации кадров в области антимонопольного регулирования и конкурентной политики;

7. широкому исследованию подверглись рынки пассажирских авиаперевозок, телекоммуникаций, продовольственных товаров, реализуемых в торговых сетях, лекарственных средств, медицинских изделий, нефти и нефтепродуктов, развитие конкурентной политики в государствах-участниках СНГ в условиях роста цифровой экономики, а также пассажирские автомобильные перевозки.

В целом Межгосударственный совет по антимонопольной политике — важная организация, которая защищает интересы потребителей и способствует развитию конкуренции. Своими действиями он создает справедливую и открытую экономическую среду, способствующую росту компаний и оптимизации общественных преимуществ.

Данные соглашения предусматривают сотрудничество между странами в области защиты конкуренции и борьбы с недобросовестными практиками.

Для эффективного применения антимонопольного законодательства Федеральная антимонопольная служба (ФАС России) разработала ряд методических рекомендаций и разъяснений. Эти документы помогают правоприменителям и хозяйствующим субъектам правильно толковать и применять нормы закона. Например, Приказ Федеральной антимонопольной службы от 28.04.2010 № 220 «Об утверждении порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке». [5]

Также, существуют специфические акты, направленные на обеспечение честных условий конкуренции в отдельных отраслях. Например, в фармацевтической индустрии действует Федеральный закон от 12.04.2010 N 61-ФЗ (ред. от 30.01.2024) «Об обращении лекарственных средств», который запрещает недобросовестную рекламу и продвижение медицинских препаратов, а также введение ложной информации о них. Это обеспечивает безопасность и надежность лекарственных средств для пациентов и предотвращает недобросовестную конкуренцию между производителями. [10]

Еще один важный акт, имеющий прямое отношение к предотвращению недобросовестной конкуренции, это «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 30.01.2024). Этот документ регулирует трудовые отношения между работниками и работодателями, включая различные аспекты, такие как заработная плата, рабочее время, отпуска и социальные гарантии. Это позволяет поддерживать справедливую конкуренцию на

рынке труда, запрещая недобросовестные условия труда, дискриминацию и эксплуатацию. [6]

В заключение следует отметить, что законодательная база для предотвращения недобросовестной конкуренции в России является достаточно развитой и охватывает как

федеральный, так и региональный и международный уровни. Эффективное применение этого законодательства позволяет защитить добросовестных участников рынка, стимулировать здоровую конкуренцию и обеспечить благоприятные условия для развития экономики.

Литература:

1. «Договор о Евразийском экономическом союзе» (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 24.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.04.2023) // КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 21.02.2024).
2. КоАП РФ Статья 14.31. Злоупотребление доминирующим положением на товарном рынке // КонсультантПлюс URL: <https://clck.ru/38wsVh/> (дата обращения: 21.02.2024).
3. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024) // КонсультантПлюс URL: <https://clck.ru/38wsSH/> (дата обращения: 21.02.2024).
4. Межгосударственный совет по антимонопольной политике (МСАП) // КонсультантПлюс URL: <https://fas.gov.ru/pages/international-partnership/msap/> (дата обращения: 21.02.2024).
5. Приказ Федеральной антимонопольной службы от 28.04.2010 № 220 «Об утверждении порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке». // Контур Норматив URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=197839> (дата обращения: 21.02.2024).
6. «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 21.02.2024).
7. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2023) // КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 21.02.2024).
8. УК РФ Статья 183. Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну // КонсультантПлюс URL: <https://clck.ru/32quAy/> (дата обращения: 21.02.2024).
9. Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 N 135-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/ (дата обращения: 21.02.2024).
10. Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств» от 12.04.2010 N 61-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99350/ (дата обращения: 21.02.2024).

Проблемы и совершенствование дисциплинарной и административной ответственности государственных служащих

Костерева Юлиана Евгеньевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Тьмакин Анатолий Михайлович, кандидат юридических наук, доцент

Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются проблемы применения дисциплинарной и административной ответственности государственных служащих. Анализируются недостатки правового регулирования дисциплинарной ответственности, включая отсутствие специального нормативного акта, принципов ответственности, закрытого перечня проступков и четкой процедуры привлечения. Отмечается конкуренция дисциплинарных и административных мер, субъективность их применения и отсутствие единых стандартов оценки нарушений. Обосновывается необходимость нормативного совершенствования институтов дисциплинарной и административной ответственности. Предлагается расширение перечня дисциплинарных взысканий, детализация процедур дисциплинарного производства и уточнения конкретных критериев, разграничивающих правонарушения на дисциплинарные и административные.

Ключевые слова: административная ответственность, дисциплинарная ответственность, виды наказаний, госслужащие, нормативно-правовой пробел.

Реформирование института государственной службы в Российской Федерации направлено на улучшение

управления поведением государственных служащих через научное обоснование методов совершенствования

дисциплины. Одним из ключевых инструментов, способствующих укреплению дисциплины, является применение мер ответственности за нарушения, совершённые государственными служащими. При этом конечная цель государственного принуждения заключается в обеспечении эффективного государственного управления без применения административных мер. Дисциплина, как юридическая категория, предполагает подчинение установленным нормативным актам и социальным предписаниям, регулирующим общественные отношения в системе государственной службы. В контексте государственной гражданской службы дисциплина приобретает особый характер, включающий профессионализм, культуру и эффективность управленческого труда. Дисциплинарная ответственность, как вид юридической ответственности, реализуется в охранительных правоотношениях и предполагает применение мер в порядке подчиненности вышестоящим государственным органам. Согласно М. Б. Добробабе, дисциплинарная ответственность играет важную роль не только в обеспечении эффективного функционирования системы государственного управления, но и в создании административно-правовых средств для предупреждения и пресечения коррупции [3]. Несмотря на преимущества дисциплинарной ответственности, такие как оперативность, гибкость и наглядность, её применение в государственной службе остаётся несовершенным. Актуальность реформирования института дисциплинарной ответственности обусловлена необходимостью повышения его эффективности в условиях современных вызовов. Цель работы — выявить проблемы применения дисциплинарной и административной ответственности государственных служащих и предложить пути их совершенствования.

На сегодняшний день эффективность применения дисциплинарных санкций к проступкам, не отнесённым к преступлениям, остаётся низкой. Массовость коррупционных проступков, которые не квалифицируются как преступления, только усугубляет проблему. Учёные и практики неоднократно предлагали криминализировать такие проступки, приравнявая их к административным правонарушениям. Это могло бы быть реализовано, например, через Кодекс поведения государственных служащих. В практике применения дисциплинарной и административной ответственности нередко наблюдается их пересечение, при этом преобладают именно дисциплинарные меры, несмотря на объективность административных. Такая диспропорция объясняется неясностью законодательных положений. В соответствии со ст. 2.4 КоАП РФ административная ответственность применяется к должностным лицам за нарушения, связанные с ненадлежащим исполнением служебных обязанностей [1]. Согласно ст. 57 ФЗ «О государственной гражданской службе», за дисциплинарный проступок наниматель вправе применить такие меры взыскания, как замечание, выговор, предупреждение о неполном должностном соответствии и увольнение [2].

Соотношение дисциплинарной и административной ответственности для государственных служащих остаётся проблемным из-за конкуренции между применяемыми мерами воздействия. В отсутствие чётких критериев выбора между дисциплинарными и административными санкциями решения принимаются на усмотрение должностного лица, что порождает риски субъективности и необъективности [5]. Необходимость включения государственных гражданских служащих в категорию субъектов административной ответственности в КоАП РФ становится очевидной, а также требуется определить перечень правонарушений, связанных с несоблюдением запретов служащими. Приоритетность дисциплинарных мер обусловлена тем, что административные наказания влекут более серьёзные последствия, однако отсутствие единых стандартов оценки нарушений приводит к избирательности в их применении. Неясность критериев и отсутствие огласки решений способствуют тому, что власти могут проявлять лояльность к одним нарушителям и излишнюю строгость к другим. Это подчёркивает проблему эффективного воздействия на нарушителей через административные меры и необходимость установления чётких правил применения каждого вида ответственности [4].

Отсутствие специального нормативного акта, регулирующего дисциплинарную ответственность государственных служащих, создаёт значительные трудности в правоприменении. Возможность использования альтернативных наказаний приводит к необъективности дисциплинарных санкций и снижает их эффективность. Проблема усугубляется отсутствием публичности при применении дисциплинарных мер, что препятствует прозрачности и справедливости процесса. Не закреплены на законодательном уровне такие принципы дисциплинарной ответственности, как законность, гуманизм, индивидуализация наказания, недопустимость двойного наказания и неотвратимость ответственности. Также отсутствует закрытый перечень дисциплинарных проступков, что затрудняет чёткое определение границ ответственности. Недостаточно разработана процедура привлечения к дисциплинарной ответственности, что лишает нарушителя права на объективную и всестороннюю оценку обстоятельств дела. Не закреплены законодательно основания для отказа в возбуждении дисциплинарного дела или его прекращения.

Выявленные недостатки указывают на необходимость совершенствования нормативно-правовой базы, регулирующей административную и дисциплинарную ответственность. Решениями могут выступать: 1) расширение перечня дисциплинарных взысканий; 2) детализация процедур дисциплинарного производства; 3) закрепление конкретных критериев в законодательстве, которые бы разграничивали правонарушения, относящиеся исключительно к административной или дисциплинарной ответственности.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 03.02.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: -03.04.2025).
2. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (последняя ред.) // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (дата обращения: 03.04.2025).
3. Добробаба М. Б. Служебно-деликтные дисциплинарные правоотношения (административноправовое исследование) // Под ред. А. Ю. Соколова. М., 2016. С. 3–4.
4. Степаненко А. С., Барашева Е. В., Радкевич Д. В. Проблемы реализации административной и дисциплинарной ответственности государственных служащих // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2021. — №. 5. — С. 155–158.
5. Ольшевская А. В. Теоретико-правовые основы административной ответственности лиц, имеющих специальные звания // Вестник Московского университета МВД России. — 2024. — №. 3. — С. 148–155.

Административная ответственность государственных служащих

Костерева Юлиана Евгеньевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Тьмакин Анатолий Михайлович, кандидат юридических наук, доцент

Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена административной ответственности лиц со специальными званиями. Рассматриваются разграничение дисциплинарной и административной ответственности. Указывается на недостатки существующего регулирования и неэффективность мер ответственности. Предлагается расширение перечня составов административных правонарушений и введение новых законов для усиления административной ответственности.

Ключевые слова: административная ответственность, дисциплинарная ответственность, наказание, лица со специальными званиями, госслужащие.

Административная ответственность выступает эффективным механизмом для привлечения к ответственности лиц, совершивших правонарушения. В то же время противоречия, связанные с административной ответственностью лиц, имеющих специальные звания, заключаются в сложности соблюдения законодательства при наличии особого статуса государственных служащих, что порождает исключения из общих правил нормативных правовых актов. К тому же существует проблема разграничения дисциплинарной и административной ответственности. Специфика административной ответственности таких лиц определяется особыми условиями привлечения к ответственности, что нередко противоречит принципу равенства перед законом [2]. Цель статьи — проанализировать особенности административной ответственности лиц со специальными званиями и выявить проблемы правового регулирования для их устранения.

Важным аспектом является рассмотреть некоторые особенности дисциплинарной ответственности. Иерархические служебные взаимоотношения оказывают непосредственное влияние на дисциплинарное производство, так как дисциплинарные разбирательства для лиц со специальными званиями проводятся уполномоченными должностными лицами, обладающими дисциплинарной

юрисдикцией. Дисциплинарная ответственность отличается от административной ответственности по характеру правонарушений, субъектному составу и видам применяемых взысканий. Она наступает за нарушение трудовой дисциплины и налагается на основании служебного подчинения. Субъектный состав и полномочия должностных лиц в дисциплинарных разбирательствах предполагают их полномочия по рассмотрению дисциплинарных споров и наложению взысканий. Круг лиц, привлекаемых к дисциплинарной ответственности, охватывает сотрудников, имеющих специальные звания, для которых предусмотрены различные виды взысканий. Дисциплинированное поведение является важным показателем эффективности службы и надежности её субъектов, что особенно актуально в условиях социальной нестабильности. Внутренние установки и личностные качества, такие как верность службе, понимание норм профессиональной деятельности и направленность на выполнение служебного долга, определяют дисциплинированность. Служебная лояльность, выражающаяся в готовности соблюдать законность, верности и преданности организации, также считается важным элементом профессиональной деятельности сотрудников. Особые требования к личным и деловым качествам лиц с особыми званиями предпола-

гают их способность эффективно выполнять функции, обусловленные характером службы [4].

Правовая основа административной ответственности лиц, имеющих специальные звания, закреплена в ст. 2.5 КоАП РФ, согласно которой такие лица, включая сотрудников Следственного комитета, органов внутренних дел, войск национальной гвардии, органов уголовно-исполнительной системы и других структур, несут дисциплинарную ответственность за правонарушения, не подпадающие под специальные нормы. Разграничение дисциплинарной и административной ответственности определяется перечнем правонарушений, по которым лица со специальными званиями привлекаются на общих основаниях, включая правонарушения, затрагивающие избирательные права, безопасность дорожного движения, финансовые и налоговые отношения. Исключения из общей административной ответственности предусмотрены для ряда правонарушений, указанных в ч. 2 ст. 2.5 КоАП РФ [1]. Проблемы правового регулирования заключаются в недостаточной согласованности норм КоАП РФ с ведомственными актами, что приводит к разночтениям в правоприменении.

Другой проблемой выступает квалификация коррупционных проступков как административных правонарушений. Вызов заключается в том, что многие из них остаются на уровне дисциплинарных проступков, что делает применяемые санкции неэффективными. Необходимость включения таких проступков в Кодекс поведения государственных служащих обусловлена стремлением повысить действенность мер ответственности. В КоАП РФ в рамках антикоррупционных законов (ФЗ от 25 декабря 2008 г. № 280-ФЗ) предусмотрены две статьи, непосредственно связанные с коррупцией: ст. 19.28 «Незаконное вознаграждение от имени юридического лица» и ст. 19.29 «Незаконное привлечение к трудовой деятельности государственного служащего». Судебная практика по делам о привлечении к ответственности по ст. 19.29 КоАП РФ обобщена в Обзоре Верховного Суда РФ от 30 ноября 2016 г. и постановлении Пленума от 28 ноября 2017 г. Однако применение статей 5.39, 5.59 и 5.63 КоАП РФ к коррупционным правонарушениям вызывает затруднения из-за их бланкетного характера. Связь административной ответственности с законодательством о рассмотрении обращений граждан (ФЗ № 59-ФЗ) также проявляется в том, что нарушение порядка рассмотрения обращений регулируется ст. 5.59 КоАП РФ [1].

Дополнительно следует заметить, что применение административной ответственности к государственным служащим недостаточно распространено в правоприменительной практике, несмотря на стремление законодателя расширить перечень составов административных правонарушений в КоАП РФ. Государственные служащие привлекаются к административной ответственности в качестве должностных лиц, и дисквалификация, предусмотренная Федеральным законом от 17 июля 2009 г. № 160-ФЗ, применяется к ним как вид наказания. В КоАП РФ специальный субъект административного правонарушения представлен только в ст. 5.45, что указывает на необходимость расширения перечня таких составов. Незаконные действия, связанные с использованием служебного положения, регламентируются ст. 19.28 КоАП РФ, которая предусматривает ответственность за передачу или предложение имущества должностным лицам за совершение действий в интересах юридического лица. Особенности применения ст. 2.4 КоАП РФ [1] к государственным служащим заключаются в том, что данный закон распространяется не на все категории государственных служащих, что нарушает принцип равенства перед законом, закреплённый в ст. 19 Конституции РФ. Разграничение дисциплинарных проступков и административных правонарушений затруднено, что ослабляет эффективность мер ответственности. Введение новых законов для усиления административной ответственности и устранение пробелов в правовом регулировании позволит повысить эффективность административных санкций в отношении государственных служащих [3].

В заключении следует отметить, что административная ответственность необходимый инструмент поддержания правопорядка в деятельности госслужащих. Однако нынешняя система формирует правовую неопределенность, позволяющую трактовать одно и то же нарушение как дисциплинарное или административное. Недостаточная эффективность административных санкций, узость перечня составов правонарушений и бланкетный характер диспозиций КоАП РФ препятствуют достижению целей правоприменения. Устранение правовых пробелов, обеспечение единообразного подхода к квалификации правонарушений и реализация принципа равенства перед законом должны стать приоритетными задачами правового регулирования.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 03.02.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: -03.04.2025).
2. Керамова С. Н. Об административной ответственности государственных служащих // Государственная служба и кадры. — 2020. — №. 3. — С. 217–219.
3. Огрина Г. В. Правовое регулирование административной ответственности государственных служащих // Юридическая наука. — 2021. — №. 8. — С. 8–11.
4. Ольшевская А. В. Теоретико-правовые основы административной ответственности лиц, имеющих специальные звания // Вестник Московского университета МВД России. — 2024. — №. 3. — С. 148–155.

Заключение договоров с помощью мессенджеров: особенности и проблемы

Кретов Виталий Сергеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Савельева Татьяна Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

В представленной статье рассматривается позиция российских судов относительно заключения договоров при помощи современных систем мгновенного обмена сообщениями — мессенджеров. Автор обозначает проблемы такого заключения, связанные с особенностями указанных сервисов, и предлагает некоторые варианты их решения, а также делает вывод о необходимости принятия постановления Пленума Верховного Суда РФ, в котором могли бы быть даны разъяснения по разрешению разобранных практических затруднений.

Ключевые слова: договорное право, гражданско-правовые сделки, электронный договор, договорная работа, цифровизация права.

Развитие и распространение цифровых технологий приводят к изменениям в коммуникациях между субъектами гражданского оборота. Так, если ранее дистанционный цифровой обмен сообщениями между сторонами заключаемого договора мог осуществляться, например, путём SMS-сообщений, электронной почты, то на текущий момент всё большее распространение в этом вопросе получают мессенджеры или социальные сети, имеющие функции мессенджеров. Например, результаты недавнего исследования, проведённого агрегатором мессенджеров и соцсетей Раст с коммуникационным агентством «Дела PR», показывают, как часто российские предприниматели используют мессенджеры при заключении сделок: «20,6 % опрошенных используют мессенджеры в 75 % сделок, столько же — в 25–50 % сделок. От 50 до 75 % сделок закрывают с помощью мессенджеров 32,9 % опрошенных. 11,4 % респондентов используют мессенджеры в менее чем в 25 % сделок. Почти 100 % сделок с помощью мессенджеров закрывают только 9,7 % опрошенных» [1]. Многими респондентами отмечается, что использование мессенджеров ускоряет процесс заключения сделок. Поэтому в связи с достаточной популярностью сервисов мгновенного обмена сообщениями при заключении договоров стоит обозначить, как судебная практика оценивает заключение сделок с помощью современных мессенджеров, указать, какие имеются проблемы, и предложить варианты их решения.

На сегодняшний день сложилась достаточно устойчивая судебная практика по признанию переписки в мессенджере при заключении и исполнении договора как правового обычая, с чем невозможно не согласиться, учитывая распространённость такого вида взаимодействия контрагентов. Основой указанного подхода можно считать постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.10.2020 по делу № А40–93872/2019, в котором суд обозначил следующее: «...согласно складывающейся практике хозяйственного оборота, в том числе на территории города Москвы, взаимодействие хозяйствующих субъектов посредством мессенджеров и иных технических средств мгновенной коммуникации является обычной практикой, позволяющей увеличивать скорость коммуникации,

а значит, сокращать сроки согласования договорных обязательств, устранения недочетов в работе, времени исполнения и иных параметров, согласование которых в ином порядке представляет более затратную процедуру с точки зрения времени и стоимости. При этом скорость и низкая стоимость коммуникации способствуют развитию экономического оборота, поддержание и обеспечение стабильности которого является одной из задач экономического правосудия» [2]. Договор, заключённый путём переписки в мессенджере, в соответствии с п. 2 ст. 434 и абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ будет считаться заключённым в простой письменной форме, если будет возможно воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде его содержание и если возможно достоверно определить лицо, выразившее волю [3]. Некоторые другие судебные решения, признающие переписки в мессенджерах при заключении договоров, приведены нами ниже.

Так, в постановлении от 17.10.2022 по делу № А40–87054/22 Девятый арбитражный апелляционный суд отметил, что «переписка в мессенджере WhatsApp при условии, если доказано, что она велась между установленными лицами, может рассматриваться в качестве письменного доказательства (ч. 1 ст. 71 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации), при этом голосовое сообщение не может рассматриваться как письменное доказательство» [4].

В постановлении от 15.05.2023 по делу № А11–8823/2022 Первый арбитражный апелляционный суд указал, что стороны при заключении смешанного договора «через мессенджер WhatsApp согласовали все существенные условия договора, а именно предмет, стоимость, технические характеристики изготавливаемой мебели, порядок и сроки доставки товара, порядок и сроки установки изготовленной мебели, а также иные условия» и отметил, что «непринятие судом в качестве надлежащего доказательства переписки сторон в мессенджере как исполнения работ, так и акцепта договора по основанию недоказанности ответчиком, с кем конкретно она велась, полномочий лиц, ее осуществлявших, противоречит сложившемуся порядку делового оборота на дату спорных правоотношений» [5].

При этом, несмотря на очевидные положительные стороны заключения договоров с помощью мессенджеров, в том числе признаваемые судебной практикой, в юридической литературе выделяют различные проблемы использования сервисов мгновенного обмена сообщениями в процессе заключения соглашений, например:

- 1) проблему идентификации сторон;
- 2) проблему изменения или удаления сообщений помимо воли контрагента;
- 3) проблему использования эмодзи.

Видится необходимым разобрать указанные проблемы и обозначить варианты их решения.

Первая проблема заключается в том, что при взаимодействии с аккаунтом контрагента сторона может вести диалог с лицом, не имеющим право представлять интересы второй стороны. Несмотря на новые судебные подходы, для предотвращения такой ситуации можно запросить у собеседника подтверждающие его статус документы и при успешном подтверждении согласовать условие, при котором вторая сторона несёт риски неправомерного доступа к своей учётной записи.

Вторая же проблема связана с особенностью современных мессенджеров, позволяющей изменять или удалять сообщения в переписке (в том числе весь диалог) в одностороннем порядке. При этом не все сервисы обозначают факты удаления сообщений (например, в мессенджере Telegram при удалении сообщения у сторон уведомление «Данное сообщение удалено» или подобное не появляется). Поэтому сразу после заключения договора с помощью популярных сервисов мгновенного обмена сообщениями следует сделать скриншоты переписки. Так же стоит поступать при последующем взаимодействии с контрагентом. Кроме того, возможно обратиться к нотариусу для заверения сообщений. При заключении договора можно предусмотреть условие, по которому вторая сторона обязуется не изменять и не удалять сообщения в чате при помощи встроенных в мессенджере функций изменения, удаления. Стоит указать, что изменение условий договора должно происходить с помощью отправки новых сообщений. Однако подобные формулировки условий могут быть эффективными только при использовании тех сервисов, где указываются факты удаления и изменения сообщений (например, в WhatsApp).

Третья проблема возникает при использовании сторонами для выражения своей воли условных символов — эмодзи, характерных для современной коммуникации элементов. На текущий момент, как отмечает А. Е. Куликова, «эмодзи не может существовать как самостоятельное доказательство, поскольку не отвечает требованиям законодательства. Поэтому суды должны исследовать эмодзи как часть переписки, учитывая контекст и круг участников» [6]. Несмотря на частое использование мессенджеров при заключении сделок, на текущий момент судебные дела, связанные с использованием эмодзи в процессе заключения договоров, не имеют значительного распространения как в судах общей юрисдикции, так и в ар-

битражных судах. Однако стоит обозначить некоторые из имеющихся дел для понимания позиции судебной практики.

В решении Арбитражного суда Краснодарского края от 01.12.2023 по делу № А32–19233/2023 отмечается, что «судами принимаются в качестве конклюдентных действий отправление и получение эмодзи (смайл), что находит отражение в постановлении Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.06.2023 № 15АП-8889/2023 по делу № А32–36944/2022» [7]. В последнем постановлении стороны заключали договор купли-продажи мобильного торгового киоска путём переписки в WhatsApp. Продавец предложил вариант раскраски киоска, на что покупатель ответил эмодзи «Большой палец вверх». Суд указал, что «данный знак в обычно принятом и распространенном понимании при общении посредством электронной переписки означает «хорошо». Заявитель жалобы, указывая на возможность различных интерпретаций данного изображения, иного разумного понимаемого значения данного изображения не предложил. В последующей переписке значение данного ответа не уточнил, из чего следует, что ответчик воспринял данный ответ как согласие, не требующее дополнительного объяснения» [8]. Таким образом, суд признал соответствующее эмодзи согласованием условия договора, проанализировав, в ответ на что именно был отправлен такой символ и какой смысл в него вкладывался.

Арбитражный суд Ямало-Ненецкого автономного округа в решении от 18.10.2024 по делу № А81–11049/2023 указал, что «эмодзи допускают слишком большой спектр интерпретаций и в законодательстве нашей страны не наделены юридической силой» [9]. При этом суд отметил, что он может рассматривать их в совокупности с другими доказательствами.

Гурьевский районный суд в решении от 09.01.2024 по делу № 2–129/2024 обозначил, что «не может трактовать факт использования истцом эмодзи «палец вверх» в переписке сторон в мессенджере «WhatsApp» в качестве согласия стороны истца с условиями ответчика по заключению договора. Несмотря на то, что указанное эмодзи в обычно принятом и распространенном понимании при общении посредством электронной переписки означает «хорошо», указанное эмодзи было использовано истцом однократно в переписке», при этом «взаимодействие истца и ответчика суд оценивает в качестве длящейся процедуры согласования существенных условий договора купли-продажи, по которым между сторонами спора соглашение в итоге достигнуто не было» [10]. В указанном деле между физическими лицами была осуществлена попытка заключить договор купли-продажи «оборудования и оснастки готового бизнеса».

Как можно видеть из представленных судебных решений, на сегодняшний момент складывается различная судебная практика (хотя и небольшого объёма), связанная с использованием эмодзи при заключении договоров. При этом суды могут рассматривать такие символы как выра-

жение воли стороны только после анализа контекста использования эмодзи: что предшествовало такой реакции, какой смысл вкладывала в неё сторона. Подобный подход видится прогрессивным, и мы считаем, что практика использования эмодзи при заключении сделок будет расти, что приведёт к появлению новых разбирательств, где, мы надеемся, современный судебный подход будет развит далее. На текущий момент для большей определённости стороны могут согласовать условия использования символов в мессенджере, что поможет в случае возникновения спора.

В завершение можно сделать вывод о том, что заключение договоров с помощью мессенджеров является распространённой практикой, а также признаётся российскими судами. Однако заключение договора путём

использования современных средств мгновенной коммуникации может привести к проблемам, связанным с их особенностями. Некоторые проблемы были разобраны ранее, однако таких затруднений можно избежать, воспользовавшись предложенными рекомендациями. При этом видится необходимым принять соответствующее постановление Пленума Верховного Суда РФ, в котором могли бы быть даны разъяснения относительно разрешения разобранных затруднений, например, разработаны критерии, на основании которых суд может принять эмодзи в качестве выражения воли стороны при заключении договора. Принятие такого постановления обеспечит большую определённости для субъектов гражданского оборота и будет способствовать реализации принципа единства судебной практики.

Литература:

1. Какие мессенджеры выбрать бизнесу в 2025 году: результаты исследования российских компаний. — Текст: электронный // Pact: [сайт]. — URL: <https://www.pact.im/blog/kakie-messendzhery-vybrat-biznesu-v-2025-godu-rezultaty-issledovaniya-rossiyskih-kompaniy>.
2. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.10.2020 по делу № А40-93872/2019. — Текст: электронный // Электронное правосудие: [сайт]. — URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/40534276-39cc-40b1-833c-4201f23b05bd/feb137a4-345c-4b2d-b9b8-179692c7b6e6/A40-93872-2019_20201014_Reshenija_i_postanovlenija.pdf.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 17.10.2022 по делу № А40-87054/22. — Текст: электронный // Электронное правосудие: [сайт]. — URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/7cce248d-db04-4055-a8b5-3633d050b83f/36ffe94a-5828-43db-8da1-7310f1d69238/A40-87054-2022__20221017.pdf?isAddStamp=True.
5. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2023 по делу № А11-8823/2022. — Текст: электронный // Электронное правосудие: [сайт]. — URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/41c94537-3446-409d-a6fd-26b7939fb6ba/40b3bd44-aa98-48d0-8cd5-1f8f8a6ac3de/A11-8823-2022__20230515.pdf?isAddStamp=True.
6. Куликова, А. Е. Эмодзи как доказательства в гражданском и арбитражном процессе / А. Е. Куликова. — Текст: электронный // Интернет-конференции Сибирского юридического университета: [сайт]. — URL: <https://conf.siblu.ru/emodzi-kak-dokazatelstva-v-grazhdanskom-i-arbitrazhnom-processe>.
7. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 01.12.2023 по делу № А32-19233/2023. — Текст: электронный // Электронное правосудие: [сайт]. — URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/1b864e98-1b80-4a52-b7a1-26a661bb3e61/7e1c6695-7398-4b59-9a01-447295a39f61/A32-19233-2023__20231201.pdf?isAddStamp=True.
8. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.06.2023 по делу № А32-36944/2022. — Текст: электронный // Электронное правосудие: [сайт]. — URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/cfc33257-7b61-4647-9d2f-a0935ef44d4b/cb308d78-b13a-45e0-8a30-a36b9e829ac7/A32-36944-2022__20230629.pdf?isAddStamp=True.
9. Решение Арбитражного суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 18.10.2024 по делу № А81-11049/2023. — Текст: электронный // Электронное правосудие: [сайт]. — URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/dfbcd74c-7243-4c22-a979-a6dc07f9ac73/26bb2e6a-1718-4eac-91d3-e02618866a90/A81-11049-2023__20241018.pdf?isAddStamp=True.
10. Решение Гурьевского районного суда от 09.01.2024 по делу № 2-129/2024. — Текст: электронный // СудАкт: [сайт]. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/gHFBhLmjJZJK/?regular-txt=эмодзи®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&snippet_pos=3070#snippet.

Понятие и признаки права

Мамедов Рафаэль Физулиевич, студент;

Колесников Никита Алексеевич, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье авторы исследуют понятие и признаки права как явления, анализируют преимущества и недостатки нормативного подхода к пониманию права.

Ключевые слова: право, норма, государство, закон.

Вопрос о понимании права и его сущности стоит перед юристами уже не одно столетие, об этом в свое время писал один из известнейших немецких философов-И. Кант: «этот вопрос может так же смутить правоведа, — если только он не хочет впасть в тавтологию или вместо общего решения сослаться на то, что утверждали когда-либо законы какой-нибудь страны» [1, с.86]. Сложность права как явления обуславливает то множество подходов к пониманию к права, предлагаемых разными правовыми школами.

Каждый из подходов по-разному определяет право, каждый претендует на истинность, однако определение права, по мнению В. В. Лазарева [2, с. 156], исходит не только «из той или другой теории», но еще «напрямую обусловлено существующей правовой системой». Так как Россия принадлежит к романо-германской правовой семье, в которой «велик пиетет перед писанным правом», то и определение права исходит из нормативного подхода.

Таким образом, право — это система общеобязательных, формально определенных, установленных и обеспечиваемых государством норм, предназначенных для урегулирования отношений в обществе [2, с. 186].

Такой тип правопонимания, который В. С. Нерсисянц называет «легистским» (от лат. lex- закон), определяет право как приказ, принудительное установление государства [3, с. 28]. При этом Нерсисянц подмечает, что при таком подходе в принципе безразлично «формой выражения какого именно содержания (правового или произвольно-противоправного) является закон» [3, с. 33–34], то есть такой подход не различает право от произвола, даже явный произвол какого-либо субъекта, например, государственного органа, выраженный в форме нормативного акта признается правом.

Легизм (или позитивизм) понимал право как систему обязательных норм, установленных государством, при этом, по сути, отождествляя право и закон. В конкретно-историческом плане становление и развитие «юридического позитивизма» было связано с победой и укреплением буржуазного строя, с возвышением роли государства и увеличением в этих условиях удельного веса и значения государственных нормативных актов в системе источников права и т. д.

Легизм (во всех его вариантах — от старого легизма и этатистского толкования права до современных аналитических и нормативистских концепций юридического позитивизма), отождествляя право и закон (позитивное

право), отрывает закон как правовое явление от его правовой сущности, отрицает объективные правовые свойства, качества, характеристики закона, трактует его как продукт воли (и произвола) законоустанавливающей власти. Поэтому специфика права, под которым позитивисты имеют в виду закон (позитивное право), неизбежно сводится при таком правопонимании к принудительному характеру права. Причем эта принудительность права трактуется не как следствие каких-либо объективных свойств и требований права, а как исходный правообразующий и правоопределяющий фактор, как силовой (и насильственный) первоисточник права. Сила государственной власти здесь рождает насильственное, приказное право. Истина о праве, согласно легизму, дана в законе, выражающем волю, позицию, мнение законодателя (суверена, государства). Поэтому искомое истинное знание о праве носит здесь характер мнения, хотя и официально-властного мнения. По логике такого правопонимания и понимания государства как принудительной публичной власти одна только государственная власть, не будучи сама правовой, создает право, действительно знает, что такое право и чем оно отличается от неправа. Наука же в лучшем случае может адекватно постигнуть и выразить это воплощенное в законе (действующем праве) властно-приказное мнение.

Нормативный (позитивистский, легистский) подход к пониманию права является самым удобным и распространенным в юридической практике ввиду того, что он, во-первых, четко указывает на границы права, во-вторых, подчеркивает взаимосвязь права и государства, указывает на его формальную определенность [4, с. 129].

Подход имеет и недостатки, которые уже в основном уже были названы, вкратце это игнорирование содержательной стороны права, то есть свободы адресатов норм, естественных прав, моральности юридических норм. Также выделяется как недостаток подчеркнутую роль субъективного фактора в формировании права, формирование иллюзии всемогущества закона (способности законы решить любой социальный вопрос) и отождествление права с формой его выражения- законом [4, с. 130].

Говоря о признаках права, можно сказать, что разные ученые-юристы в целом выделяют один и тот же набор основных признаков права: нормативность, формальная определенность, системность, установление и охрана государством.

Один из главных признаков права- нормативность, он означает, что право состоит из норм- общеобязательных правил поведения. Право нормативно регулирует общественные отношения, то есть путем установления общих правил [1, с. 186]. О. Э. Лейст, говоря о нормативности права, указывает на неоднократность исполнения норм права: нормы права «не исчерпываются исполнением», на общий характер норм права, то есть на их неперсонифицированность: «адресованы кругу лиц, определяемых родовыми признаками», что отличает норму права от распоряжения, которое исчерпывается его исполнением и имеет конкретного адресата. Норма права как бы рассчитана на будущее, а не на данный момент в том смысле, что она регулирует не конкретное, частное отношение, наличный случай, а «неопределенное число установленных в общей форме случаев и отношений (заключение договора, передача имущества, вступление в брак, рождение ребенка и т. п.) и реализуется каждый раз, когда возникают предусмотренные ею обстоятельства и ситуации», то есть на определенный вид общественных отношений. Таким образом правовая норма — это как бы абстрактная модель общественных отношений, в отличие от индивидуальных распоряжений, регулирующих отношения между конкретными субъектами [5, с. 43]. Правовые предписания являются общеобязательными. Их обязательность обеспечивается государственным аппаратом принуждения, то есть несоблюдение норм права имеет определенные неблагоприятные последствия в виде имущественных ущемлений, физических, моральных страданий, при этом нормы действуют независимо от того, знал о них субъект или нет. В современных демократических государствах провозглашается принцип равенства перед законом и судом, это означает, что нормы должны одинаково воздействовать на всех субъектов права, независимо от их должностного, имущественного положения, пола, религии и т. д.

Формальная определенность права связана с его нормативностью, она означает, что, во-первых, содержание норм права выражено в тексте нормативного акта, то есть нормы права «объективируются, внешне выражаются» [6, с. 120], а во-вторых, оно означает точное обозначение обстоятельств, порождающих правовые последствия, обозначение этих последствий, качеств, присущих участникам правоотношений и др. в целях достижения недвусмысленности норм, их беспорности.

О. Э. Лейст делит формальную определенность на разновидности: абсолютная определенность свойственна императивным нормам, предполагающим закрепление строго определенных моделей поведения, в которых у участников правоотношений нет права выбора. Относительная определенность свойственна диспозитивным нормам, характеризующимся предоставлением участникам правоотношений определенного выбора в рамках заданных нормой условий. И та, и другая разновидности связаны с доказуемостью предусмотренных ими обстоятельств (то есть с возможностью ответить на вопрос возникло ли правоотношение или нет) [5, с. 55–56].

Формальная определенность достигается особым юридическим языком, ему свойственны официальный характер, ясность, простота и точность. Языковое воплощение нормативно-правового акта придает воле законодателя цельность, законченность формы и обеспечивает удобства для изучения и применения [7].

Сущностным качеством права является установление правовых норм государством и охрана их государственным принуждением. Правовая норма существует с момента ее признания или создания и объявления обязательной государством. Норма действует до ее официальной отмены или до разрушения создавшего ее государственного строя. При этом не важно соблюдается ли она фактически, пресекаются ли деяния, нарушающие ее- до официальной отмены нормы она остается действующей (но в этом случае можно говорить о т. н. «мертвом праве»). Обязательность правовой нормы обеспечивается государством- возможностью применения им мер принуждения в случае совершения противоправных действий. О. Э. Лейст также отмечает, что с точки зрения логики норм, связь права и государства наиболее четко выражена именно в установлении мер принуждения по отношению к нарушителям правовых норм. В этом также выражается особый характер норм права, ведь в отличие от нормативных суждений науки, занимающихся описанием фактов, нормы права имеют другую функцию- они предписывают необходимую модель поведения [5, с. 47].

Охрана государственным принуждением это специфический признак правовой нормы, отличающий ее от других социальных норм. Норма всегда рассчитана на жизненные обстоятельства, при которых существует выбор различных линий поведения, лишена смысла та норма, которую невозможно нарушить; нормы предписывают участникам общественных отношений, которые могут поступить по-разному, требуемый, необходимый вариант. Этот вариант предписывается под угрозой государственного принуждения, применяемого для восстановления нарушенных прав (где это возможно) и (или) для наказания нарушителя обязанности, запрета. Весь смысл существования права, как отмечает Лейст, в поддержании определенного порядка, в предупреждении и решении индивидуальных и социальных конфликтов и споров, в упорядочении самого процесса государственного принуждения, применяемого в этих целях [5, с. 48].

Государственное принуждение является необходимым спутником права, однако не исчерпывает его содержания. Право связано с принуждением потому, что само понятие обязательной нормы предполагает возможность ее нарушения; без правонарушений право в целом не имело бы смысла и цели. Это принуждение, охраняющее право, облечено в правовые формы, выражено как санкции правовых норм и процессуальный порядок их применения.

Системность права- это такая связь правовых норм, при которой одни нормы определяют условия осуществления других правовых норм, нарушение которых,

в свою очередь, должно влечь применение норм, определяющих соответствующие меры принуждения [5, с. 52].

Системность права возрастает по мере усложнения и дифференциации общественных отношений и расширения сферы их правового регулирования. Особенно заметна и значима она после становления развитого законодательства в гражданском обществе.

Законодатель, закрепляя в предписаниях новые юридические нормы, обязательно должен согласовать их с уже существующими правилами. Только системное, непротиворечивое, официально существующее право способно выполнить стоящие перед ним задачи. Эффективность права находится в прямой зависимости от его системности. Система права представляет собой внутреннее устройство права, его деление на отрасли, институты и нормы права. Системность означает отсутствие противоречий между нормами права [7].

Могут выделяться также и другие признаки. Например, Лейст выделяет такое качество права, как авторитетность: общеизвестность, укорененность в сознании

общества, общепризнанная обязательность права, опирающаяся на страх, сознание необходимости, привычку, религиозные чувства, на конформизм, подражание, согласие с правом и т. п.

Авторитетность права зависит от политико-правового режима, т. е. от отношения к праву лиц, облеченных властью. Если представители власти управляют обществом при помощи не только права, но и не соответствующих праву приказов, велений и распоряжений, то подвластные с недоверием относятся к праву вообще или к той его части, которая наиболее подвержена деформации произвольными велениями представителей власти. Такой режим свойственен деспотическим, полицейским и другим государствам с зыбким, неполным правопорядком. Общественный порядок в таких государствах поддерживается силой и оперативными действиями власти, а не стабильным правом. Само право в таких государствах в целом малоавторитетно, а всеобщей известностью и признанием пользуется преимущественно уголовное право, поскольку страх наказания является опорой таких режимов.

Литература:

1. Кант Иммануил. Метафизика нравов. Ч. 1. Сочинения на немецком и русском языках Т. 5: под ред. Б. Тушлинга, Н. Мотрошиловой. — М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. — с.1121
2. Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права: учебник для академического бакалавриата / В. В. Лазарев, С. В. Липень. 5-е изд., испр. и доп., с. 521
3. Общая теория права и государства: учебник / В. С. Нерсисянц. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012, с. 543
4. Морозова Л. А. Теория государства и права в вопросах и ответах — Москва: Эксмо, 2019, с.336
5. Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права (под редакцией В. А. Томсинова). — М.: «Зерцало», 2008 г. — 246 с
6. Перевалов, В. Д. Теория государства и права: учебник и практикум для бакалавриата и специалитета / 5-е изд., перераб. и доп. с. 341
7. Бошно С. В. Свойства права. Электронный ресурс. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svoystva-prava/viewer>

Административная ответственность за нарушение налогового законодательства

Муравьев Иван Андреевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Корчма Ая Абильтмановна, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В настоящей статье автор исследует природу публично-правовой ответственности по действующему российскому законодательству и доктрине применительно к специфике налоговых правонарушений. Особое внимание в исследовании уделяется административной ответственности как одному из главных и наиболее часто применяемых видов ответственности.

Автор исследует точки соприкосновения норм об ответственности за совершение налоговых правонарушений, содержащиеся в КоАП РФ и НК РФ, приводит доктринальное подтверждение «привилегированного» положения норм, содержащихся в главе 15 КоАП РФ, попутно давая рекомендации по части толкования и применения норм из обоих кодифицированных актов при непосредственном привлечении субъекта к административной ответственности за нарушение налогового законодательства.

Отдельное внимание в работе уделяется выявлению отдельных видов административных правонарушений, за совершение которых устанавливается административная ответственность в рамках профильной главы 15 КоАП РФ.

Ключевые слова: публичное право, административное правонарушение, административная ответственность, КоАП РФ, налоговое правонарушение, налоги и сборы, налоговое законодательство, налоговый контроль.

На сегодняшний день невозможно переоценить роль всего массива законодательства о налогах и сборах в свете стремительного развития и усложнения рыночных отношений в Российской Федерации. Именно благодаря выверенному регулированию, в налоговой сфере достигается конечная цель нормотворчества, заключающаяся в создании финансово стабильного, цельного с экономической точки зрения государства. Однако данная цель не всегда реализуется на практике автоматически. Добросовестное предпринимательство — это идеал, к которому стремится государство и общество, его отдельные хозяйствующие субъекты. При этом зачастую возникает необходимость применять к недобросовестным субъектам хозяйствования, которые игнорируют прямые предписания налогового законодательства, меры административного воздействия.

Кроме того, важно учитывать, что административная ответственность за налоговые правонарушения (за отдельные составы правонарушения) в равной степени предусматривается и для физических лиц, которые не осуществляют предпринимательскую деятельность.

Административная ответственность за налоговые правонарушения становится всё более частым явлением в правоприменительной практике. Из года в год увеличивается количество налоговых правонарушений, за которые предусмотрена ответственность по действующему законодательству как для юридических, так и для физических лиц.

Однако количественные показатели привлечения к административной ответственности по некоторым составам, имеют низкую динамику изменения по причине специфики осуществления налоговыми органами контрольных мероприятий. Данный фактор напрямую связан с нехваткой человеческого ресурса в рядах ФНС РФ. Так, например, в 2022 г. судами было рассмотрено 231 677 дел о привлечении к административной ответственности по ст. 15.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) [1] за нарушение сроков представления налоговой декларации (расчёта по страховым взносам). По итогам 2023 года общее количество рассмотренных дел осталось практически неизменным и составило 225 988 случаев возбуждения дел о привлечении лиц к административной ответственности по аналогичному составу. При этом, несмотря на близкие количественные показатели по общему числу рассмотренных дел, стоит отметить явное увеличение количества фактически привлечённых по ст. 15.5 КоАП РФ лиц. Так, данный показатель увеличился с 2022 по 2023 г. с 85 до 87 % соответственно [2].

При изучении административной ответственности как таковой, без привязки к непосредственной сфере правонарушения, важно чётко понимать, что из себя представляет такая общая правовая категория как «публично-правовая

ответственность». Под публично-правовой ответственностью видится логичным понимать комплексное многоаспектное правовое явление, которое является одним из двух типов юридической ответственности наряду с частноправовой её разновидностью. При этом публично-правовой ответственности присущи уникальные признаки, закреплённые в системе публично-правовых источников права, которые качественным образом отличают данный тип ответственности от его цивилистического двойника. Публично-правовая ответственность всегда возникает как следствие нарушения публично-правовых запретов. Субъектами ответственности, которыми могут быть не только физические и юридические лица в их традиционном гражданско-правовом понимании, могут также выступать такие уникальные субъекты ответственности как «должностные лица».

Публично-правовое правонарушение пресекается воздействием со стороны компетентных на то органов публичной власти с применением соответствующих норм публично-правового толка, к числу которых можно отнести нормы: конституционного, муниципального, уголовного, административного, финансового, налогового, бюджетного, земельного, экологического законодательства. С другой стороны, как верно отмечает в одной из своих работ Е. В. Евсикова, «привлекаемые к ответственности субъекты обязаны добровольно или принудительно претерпевать негативные последствия личного, имущественного, организационного характера, которые могут быть применены к виновному лицу за совершение правонарушения в целях защиты публичных интересов и наказания виновных лиц» [3, с. 87–96].

В свете изучения видов публично-правовой ответственности в качестве одного из видов данной обширной ветви ответственности, была отдельно упомянута административная ответственность как одна из наиболее часто встречающихся разновидностей публично-правовой ответственности. Что же из себя представляет данный вид ответственности? Наиболее широкое определение интересующего нас вида ответственности можно найти в научной работе А. И. Стахова. Так, по мнению учёного, под административной ответственностью следует понимать: «меру государственного принуждения, применяемую государственными органами, должностными лицами к лицу, совершившему административное правонарушение» [4, с. 235].

При этом в свете заявленной темы исследования важно учитывать, что в научной доктрине по сей день ведётся активная дискуссия, которая имеет своим центром вопрос о соотношении административной ответственности и налоговой ответственности как самостоятельного публично-правового явления в сфере привлечения нарушителей налогового законодательства к ответственности.

Для целей настоящей статьи, предлагается исходить из того факта, что общие положения об ответственности за совершение налоговых правонарушений нашли своё закрепление в рамках одноимённой главы 15 Налогового кодекса Российской Федерации (далее — НК РФ) [5]. В рамках главы 15 законодатель последовательно закрепляет положения о понятии налогового правонарушения (ст. 106 НК РФ); уточняет категорию субъекта несения ответственности (ст. 107 НК РФ); перечисляет общие условия привлечения к ответственности (ст. 108 НК РФ); выделяет обстоятельства, наличие которых позволяет исключить необходимость привлечения лица к ответственности (ст. 109 НК РФ), а также обстоятельства исключающие вину лица в совершении налогового правонарушения (ст. 111 НК РФ) и обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность за совершение налогового правонарушения (ст. 112 НК РФ). При этом такое понятие как налоговая ответственность в рамках главы 15 НК РФ отдельно не закрепляется. Вместо этого законодатель вводит общую санкционную статью — ст. 114 НК РФ («Налоговые санкции»).

Несмотря на то, что в рамках глав 16 и 18 НК РФ содержится перечень конкретных налоговых правонарушений, вопрос о выделении налоговой ответственности, как самостоятельного вида публично-правовой ответственности, остаётся открытым.

В связи с изложенным выше, наиболее выверенной и обоснованной представляется точка зрения Н. Г. Салищевой, которая в своих трудах приводит важный довод в защиту концепции применения к случаям привлечения к административной ответственности положений профильного кодифицированного акта — КоАП РФ. Логика учёной сводится к следующему: «если единственным федеральным законом, регулирующим административную ответственность на федеральном уровне, является КоАП РФ, то все материальные и процессуальные нормы, касающиеся административных правонарушений, должны быть включены только в данный нормативный правовой акт».

При этом Н. Г. Салищева не отрицает, что вследствие того, что налоговое законодательство содержится в себе отдельные нормы о привлечении к административной ответственности за совершение налоговых правонарушений, на практике возникает подобие двойственности между административным и налоговым законодательством [6, с.23].

Логично с практической точки зрения, в целях нивелирования негативного эффекта от частичного пересечения в правовом регулировании в рамках двух публично-правовых отраслей права, рассматривать административную ответственность за нарушение налогового законодательства как разновидность юридической ответственности, преследующей своей целью цель пресечения налоговых правонарушений со стороны особой группы субъектов права — плательщиков налогов и сборов установленных налоговым законодательством императивных предписаний.

На сегодняшний день весь массив норм административной ответственности за нарушение законодательства в сфере налогов и сборов аккумулирован в рамках специальной главы 15 КоАП РФ. Так, административная ответственность предусмотрена за:

1. Нарушение срока постановки на учет в налоговом органе;
2. Нарушение срока представления сведений об открытии и о закрытии счета в банке или иной кредитной организации;
3. Нарушение сроков представления налоговой декларации;
4. Непредставление сведений, необходимых для осуществления налогового контроля;
5. Нарушение порядка открытия счета налогоплательщику;
6. Нарушение срока исполнения поручения о перечислении налога или сбора (взноса);
7. Неисполнение банком решения о приостановлении операций по счетам налогоплательщика, плательщика сбора или налогового агента;
8. Грубое нарушение требований к бухгалтерскому учету, в том числе к бухгалтерской (финансовой) отчетности;
9. Повторное грубое нарушение требований к бухгалтерскому учету, в том числе к бухгалтерской (финансовой) отчетности.

В качестве конкретного примера в рамках изучения особенностей привлечения к административной ответственности за нарушение налогового законодательства рассмотрим норму об ответственности, содержащуюся в ст. 15.5 КоАП РФ «Нарушение срока предоставления налоговой декларации (расчёта по страховым взносам)». При этом важно понимать, что для правильного применения любой из норм, содержащихся в статьях главы 15 КоАП РФ, необходимо осуществлять комплексное прочтение норм об административной ответственности в связке со специальными нормами из НК РФ. Так, применение нормы ст. 15.5 КоАП РФ невозможно без предварительного обращения правоприменителя к положениям ст. 101 НК РФ, где речь непосредственно идёт о порядке вынесения решения по результатам рассмотрения материалов проверки. Ст. 101 НК РФ можно считать первой ступенью на пути привлечения субъекта к административной ответственности за правонарушение в сфере налогов и сборов. Так, в рамках ст. 101 НК РФ содержатся ценные правила процедурного толка, в том числе акцентируется внимание правоприменителя на порядке сбора и оценки доказательств, конкретизируется процесс заслушивания налогоплательщика в налоговом органе, а также уточняется сама процедура вынесения решения по конкретному случаю рассмотрения материалов налоговой проверки.

Административная ответственность наступает только за виновные действия (бездействие) со стороны потенциального субъекта несения такого вида ответственности.

Данное правило прямо вытекает из положений ст. 108 НК РФ. Недоказанность вины потенциального субъекта правонарушения, исключает возможность его привлечения к административной ответственности. Обязанность по доказыванию обстоятельств, свидетельствующих о факте налогового правонарушения и виновности лица в его совершении, возлагается на налоговые органы (ч. 6 ст. 108 НК РФ).

Наиболее частыми разновидностями санкции в делах о привлечении к административной ответственности выступает предупреждение или наложение на виновного субъекта административного штрафа.

Помимо самой коллизии между нормами КоАП РФ и НК РФ на сегодняшний день существует определённая практическая проблема в части толкования некоторых из норм, содержащихся в рамках профильной главы 15 КоАП РФ. Так, например, в ст. 15.6 КоАП РФ содержится ряд спорных категорий, которые во многом пересекаются между собой по своему содержательному объёму. Речь здесь идёт о таких категориях как «непредставление», «отказ от представления», «несвоевременное представление». Данные категории по своему содержательному объёму зачастую трактуются по-разному, что обуславливает в дальнейшем становление разрозненной практики привлечения к ответственности по анализируемой статье в регионах Российской Федерации.

При этом основной проблемой остаётся по-прежнему проблема «зادвоения» норм, содержащихся в КоАП РФ и НК РФ. Подобное дублирование обуславливает суще-

ствование активных дискуссий в научном сообществе на тему справедливости наказания за налоговые правонарушения. Так, за непредставление в установленный срок в налоговый орган отчётности по налогам и сборам субъект может быть привлечён к ответственности, как по ст. 119 НК РФ, так и по ст. 15.6 КоАП РФ. Происходит своего рода «зadвоение» налогового и административного штрафа, что негативно сказывается на практике реализации общеправового принципа справедливости.

Не менее острой проблемой на сегодняшний день также выступает проблема реализации процессуального права субъекта несения ответственности на обжалование акта налогового органа в суд. Так, например, в случае привлечения к ответственности по ст. 15.5 КоАП РФ, в делах об обжаловании основной линией защиты является доказывание наличия у субъекта несения ответственности уважительных причин на реализацию объективной стороны административного правонарушения. При этом зачастую возникает проблема при доказывании, обусловленная сложностью взаимодействия с налоговым органом и необходимостью сбора чрезмерного перечня документации в сжатые сроки.

Как верно отмечает в своём труде П. В. Гусынин, только путем устранения различных коллизий и пробелов можно будет как увеличить эффективность административных мер ответственности, так и обеспечить баланс между государственными интересами и правами самих налогоплательщиков — субъектов несения административной ответственности [7, с. 129–130].

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ // Парламентская газета. 05.01.2002 г. № 2–5.
2. Судебная статистика РФ. Административные правонарушения // [электронный ресурс]: URL: <https://stat.xn--7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/adm/t/31/s/75> (дата обращения: 27.03.2025 г.).
3. Евсикова Е. В. Публично-правовая ответственность в современном российском праве: теоретико-правовой аспект // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8. № 4. С. 87–96.
4. Административное право России: учебник и практикум для вузов / А. И. Стахов [и др.]; под редакцией А. И. Стахова, П. И. Кононова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт. 2020. С. 235.
5. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ (часть первая) // СЗ РФ. 03.08.1998 г. № 31 Ст. 3824.
6. Салищева Н. Г. Проблемные вопросы института административной ответственности в России // Государство и право. 2005. № 1. С. 23.
7. Гусынин П. В. Административная ответственность за нарушение налогового законодательства // Вестник науки. № 12 (81). Том 5, ч. 2. Декабрь. 2024. С. 126–131.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 15 (566) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 23.04.2025. Дата выхода в свет: 30.04.2025.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.